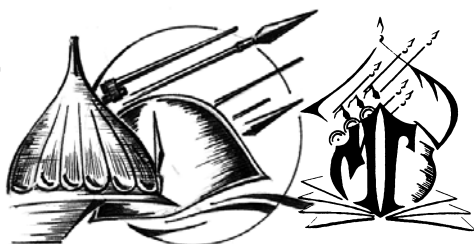

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2019

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий ХАТЮШИН. В борьбе за русскую правду	3
Сергей ГЛАЗЬЕВ. Экономика каннибализма	56
Валерий ГАБРУСЕНКО. Кто развязал	
Вторую мировую?	112
Руслан УСТРАХАНОВ. Память, закатанная в асфальт	119
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Сознание и бытие	168

ПРОЗА

Юрий ВИСЬКИН. Шило. Рассказ.....	13
Михаил СМИРНОВ. Рассказы	62
Владимир ВЕЩУНОВ. Асператус. Рассказ.....	125
Сергей ПЫЛЁВ. Два рассказа	176
Антон КУПРАЧ. Два рассказа	190

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Третий снег. Стихи	45
Эмма МЕНЬШИКОВА. На расстоянье сердца.	
Стихи	99
Алла ЛИНЁВА. В ожидании тишины. Стихи	108

Владимир СИЛКИН. Живу и надеюсь. Стихи	156
Николай КОНОВСКОЙ. Свет, раздвигающий тьму. Стихи	162
Стихи мурманских поэтов	210

ДОСЬЕ «МГ»

Владимир БОЛЬШАКОВ. Пятая колонна на вражеском довольствии	223
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Леонид ПОЛЯКОВ. Битва при Молодях	240
Сергей ХОЛОДОВ. О жалких потугах либерального ума	244

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий ГАБРУСЕНКО. Технология денационализации русского народа	248
Владимир ЛИНДЕРМАН. Государственная русофобия в Латвии	255

ПОДВИЖНИКИ

Владимир НИКОЛАЕВ. Открывший «внутреннего врага»	258
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Игорь РОМАНОВ. Миграционная политика или тихая оккупация	263
Владимир ЛАКТЮШИН. «Нам надо захватить Москву!»	269
Владимир ОСИПОВ. Кто виноват в жертвах Отечественной войны?	272
Василий СМИРНОВ. Либеральные плоды	274
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Опасная игра	277

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	281
--	-----

В БОРЬБЕ ЗА РУССКУЮ ПРАВДУ

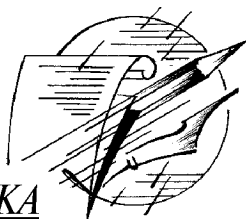
(На пути к 100-летию «Молодой гвардии»)

*Выступление на совещании главных редакторов
литературных журналов в г. Ульяновске 15 июня 2019 г.*

Журнал «Молодая гвардия» — один из старейших литературных журналов России. В этом году ему исполнилось 97 лет. Я знаю, что из ныне существующих журналов такой же возраст, как у нас, имеют только «Сибирские огни».

На пути к своему 100-летию «Молодая гвардия», как и прежде, находится на передовой борьбы за русскую нацию и русские национальные интересы. История этой борьбы — это история всего русского движения XX и XXI веков. Тот легендарный путь, который прошел журнал, наверное, не имеет аналогов во всей советско-российской печати, т.к. это был трагический путь становления и укрепления национального самосознания, который прошла страна и наш журнал за этот почти **вековой срок**.

Основанный в апреле 1922 года, журнал наш долгое время был космополитичным изданием, отстаивавшим пролетарский интернационализм, воинствующий атеизм и классовую ненависть к врагам Октябрьской революции. Ни о каких национальных русских проблемах заикаться на его страницах долгие годы было просто немыслимо. В первые деся-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тилетия своего существования «Молодая гвардия» действительно была комсомольским журналом, четко следовавшим партийным установкам. И так длилось до середины 60-х годов, когда главным редактором, в 1963 году, был назначен фронтовик, журналист и писатель, закончивший исторический факультет МГУ, Анатолий Васильевич Никонов.

Хотя, конечно, и до этого в «Молодой гвардии» выступали очень известные, крупные и даже великие русские писатели. В 20-е и 30-е годы здесь печатались Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Максим Горький, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Вячеслав Шишков, Серафимович, Фурманов, Фадеев. В 1932 году в «Молодой гвардии» была опубликована первая книга романа Николая Островского «Как закалялась сталь». В 1934-м — вторая книга. Здесь же начал печататься его новый роман «Рождённые бурей», который автор не успел закончить. А в конце сороковых здесь увидели свет главы из романа Шолохова «Поднятая целина». И уже тогда журнал воспитывал молодежь в духе советского патриотизма. Но всё же, повторяю, национальных проблем русского народа тогда касаться на страницах печати было еще непозволительно. Космополиты ужасно боялись всего национально русского.

Но, как это ни странно будет звучать, окончательно добить национальное чувство в нашем народе помешала война. Эта страшная война, унесшая столько русских жизней, тем не менее спасла Россию от моральной, от духовной гибели. Война заставила эту космополитичную власть обратиться к национальному чувству народа. Когда Сталин обратился с воззванием: «Братья и сестры!» и народ откликнулся на эту мольбу, внутренний враг вынужден был прикусить язык. И война действительно разбудила в народе национальное чувство, которое оказалось сильнее нацистского чувства германцев и всей фашистской Европы. И когда Сталин в 1945 году провозгласил тост «За великий русский народ!», внутренний враг молчал, хоть и затаил дикую злобу.

Но с середины 60-х годов произошел перелом в политической и духовной линии журнала. Вокруг Анатолия Никонова начал формироваться стойкий патриотический авторский коллектив. Ведущие посты в редакции заняли талантливые молодые русские писатели: Викулов, Чалмаев, Сорокин, Ганичев, Петелин, Цыбин. На страницах журнала начали появляться материалы, о которых раньше даже подумать было нельзя. То есть «Молодая гвардия» первой пробила эту брешь, она стала первым реальным, общедоступным журналом в России, в котором заговорили о возрождении русской национальной культуры и русских культурных традиций.

В 1964 году был снят со всех руководящих должностей Никита Хрущев, невежественный, бескультурный, мстительный, безбожный человек, разрушавший храмы и раздари-вавший исконные российские земли другим республикам СССР, которые потом от нас отделились вместе с этими зем-лями. Хрущев уничтожал культурное наследие прошлого под лозунгом десталинизации и обещания жизни при коммуниз-ме. Нужно было воспользоваться сменой власти и отвоевать у т.н. «шестидесятников», этих либералов того времени, нашу Победу, ее героев и памятники культуры, а точнее говоря — вернуть народу Память. И редакции «Молодой гвардии» во главе с Анатолием Никоновым это в большой степени уда-лось.

Я опишу лишь несколько исторических эпизодов в ста-новлении русского национально-патриотического журнала.

В 1965 году на страницах «Молодой гвардии» было опу-бликовано обращение выдающихся деятелей отечественной культуры к молодежи под заголовком «Берегите святыни наши!» Это обращение было подхвачено другими издания-ми, его стали обсуждать в клубах, библиотеках, школах. В этом воззвании говорилось, что надо беречь памятники на-шей культуры, истории, архитектуры, сохранять храмы, двор-цы, любить и сохранять русскую классику, одним словом, всё, в чём заключена история страны. Кстати сказать, это обращение как раз и стало толчком к созданию Всероссий-ского общества охраны памятников истории и культуры. Так что «Молодую гвардию» можно считать одним из основате-лей этого уникального возрожденческого союза, с которого как раз и началось организационное русское национальное движение. «Молодая гвардия» стала как бы первой русской партией, которая не подверглась физическим репрессиям.

Именно в те годы на страницах журнала появились знаме-нитые, вызвавшие широкую полемику «Письма из Русско-го музея» Владимира Солоухина, патриотические публика-ции Леонида Леонова, Владимира Чивилихина, художника Ильи Глазунова, скульптора Коненкова, исследователей литературы М.Лобанова, В.Чалмаева, В.Кожина, Олега Михайлова. С журналом стали сотрудничать писатели посл-евоенной поры: М.Алексеев, Ю.Бондарев, А.Иванов, В.Фе-доров, П.Проскурин, В.Шукшин, Н.Кузьмин, Б.Примеров, Н.Рубцов, Ф.Чуев, Э.Володин. Казалось, возрождение рус-ской культуры, русского национального самосознания бу-дет стремительно нарастать.

Однако наши недоброжелатели тоже не дремали. Они око-пались вокруг этнолиберального журнала того времени «Но-

вый мир», который возглавлял, к сожалению, замечательный поэт, но очень зависимый от них человек — Александр Твардовский. Именно в «Новом мире» то и дело публиковались самые русофобские критические статьи А.Синявского, В.Войновича, В.Лакшина, Ст.Рассадына и других активных ненавистников русской традиционной культуры. Именитых авторов «Нового мира», да и некоторых их кремлевско-партийных покровителей очень раздражала патриотическая, почвенническая, традиционалистская направленность публикаций «Молодой гвардии». Они прекрасно понимали, к чему это может привести в идеологическом плане. И они очень испугались того, что восславление русского патриотизма может привести к отстранению их от власти в стране и к восстановлению в русском человеке национальных чувств, национального сознания. А это для них было просто недопустимо, смерти подобно, не для того они разрушали Российскую империю с ее гордостью великороссов, чтобы теперь так легко сдаваться каким-то «русофобским» почвенникам. Против «Молодой гвардии» начались прямые выпады на страницах «Нового мира», обвиняющие ее авторов в отступлении от завоеваний Октябрьской революции, в увлечении патриархальщиной, деревенщиной, в игнорировании пролетарского интернационализма. Доносы и сигналы поступали и в идеологический отдел ЦК партии.

В конце концов эти деятели решили нанести теоретический удар по русскому направлению, нарождавшемуся в советской литературе. Критик Александр Дементьев, который в прошлом работал в «Новом мире» и был постоянным его автором, выступил в апрельской книжке «Нового мира» за 1969 год со статьей «О традициях и народности». В своей статье он изложил эти либеральные опасения по поводу слишком пристального интереса авторов «Молодой гвардии» к национальным традициям, к национальной культуре и ее соотношению с техническим прогрессом, высказался об их якобы «узко национальном» отношении к Родине — большой и малой, к интеллигенции и народу.

Это была, по сути, первая попытка характеристики позиции «Молодой гвардии» как органа определенного направления общественной мысли. Дементьев, по словам Солженицына, пошел тараном на «Молодую гвардию». А заканчивал он свою статью цитатой из программы партии, утверждавшей обязанность «вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма». То есть это был такой открытый, официальный донос на

людей, заговоривших о своей русскости. И Твардовский статью Дементьева подписал в печать.

В ответ на эту хамскую публикацию 11 русских писателей, авторов «Молодой гвардии», среди которых были А. Иванов, М. Алексеев, С. Викулов, П. Проскурин и другие, опубликовали в журнале «Огонёк» письмо под названием «Против чего выступает «Новый мир»?». Одиннадцать литераторов обвиняли «Новый мир» в том, что он идёт против «главных духовных ценностей нашего общества», являясь проводником буржуазной идеологии и космополитизма.

Реакция, как обычно это происходит у господ либералов, была истеричная и визгливая. Письмо одиннадцати писателей они назвали «фашиствующим манифестом мужиковствующих». Новомировцев поддержали Симонов и Гранин. Но в поддержку письма русских писателей в «Огонёк» шёл поток писем простых людей со всей страны. Письма эти публиковались в центральных газетах, а копии этих писем отправлялись в «Новый мир» Твардовскому. Даже газета «Правда» выступила на стороне авторов письма, напечатанного в «Огоньке». Как ни странно, но и Солженицын оказался сторонником письма русских писателей, несмотря на то, что сам являлся автором «Нового мира».

В ЦК партии срочно было проведено совещание редакторов, на котором выступил будущий «архитектор перестройки», заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который сказал, что виноваты и те, и другие. Но из опубликованных воспоминаний Яковлева можно сделать вывод о его неприязни к национальной позиции молодогвардейцев и сочувствии к «Новому миру».

Однако партийная верхушка с настроенностью и недоверием относилась ко всякому не санкционированному ею движению. Не могли не реагировать в партийных верхах и на общественный резонанс, вызванный публикациями в «Новом мире» и в «Огоньке». Всё это привело к ряду организационных мер по отношению к т.н. «Русской партии». Было принято специальное постановление ЦК КПСС о журнале «Молодая гвардия» (почему-то засекреченное по сей день). Журналу вменялось в вину отступление от ленинских принципов партийности, внеклассовое, внесоциальное толкование народности, идеализация дореволюционной России и т.д. В 1970 году А.В. Никонов был снят с поста главного редактора, произошли увольнения в редколлегии журнала «Наш современник» и в ряде редакционных советов изданий, подконтрольных национал-патриотам. В том же году пришлось и Твардовскому по настоянию партийных верхов уйти из «Нового

мира», редакция которого была расформирована. То есть власть наказала и тех и других: мол, нечего вам тут без нашего разрешения обсуждать столь важные проблемы. Мы лучше вас знаем, что делать и что говорить народу. Вот эта двойственная позиция партийных верхов в конце концов и сгубила партию.

В 1972 году в «Литературной газете» с большой критической статьей, называвшейся «Против антиисторизма», выступил уже сам Яковлев. В своей статье он открыто встал на сторону позиции Дементьева и «Нового мира» и обрушился с критикой на русское национальное направление журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник». Но вылез он не вовремя, поспешил. Тогда еще партия не была готова к либеральному перевороту, и он был снят со всех своих партийных постов и отправлен послом в Канаду, откуда в конце концов вернулся уже полностью подготовленным к своей работе по разрушению Советского Союза.

После Никонова главным редактором «Молодой гвардии» был назначен критик Феликс Овчаренко, но он пробыл на этой должности недолго, полтора года, и неожиданно умер. И главным стал заместитель Никонова, уже к тому времени известный писатель, подписавший то самое письмо 11-ти в «Огоньке», Анатолий Иванов, автор книг «Повитель», «Вечный зов», «Тени исчезают в полдень», «Ермак». Анатолий Иванов продолжил национально-патриотическую линию журнала. Все лучшие литературные силы русского направления вновь потянулись к «Молодой гвардии».

В 80-е годы за интерес к русской культуре уже не сажали и тем более не расстреливали. Об этом уже можно было писать открыто и без последствий. Литературная критика и публицистика того времени стали самым востребованным чтением среди широких слоев нашего народа. Тиражи русских журналов тогда достигли своего апогея. В «Молодой гвардии» печатались самые острые, самые откровенные статьи, в том числе раскрывающие сущность и преступления мирового фашизма, выступавшего тогда под личинами мондиализма, сионизма, масонства, глобализма и т.п. терминами. В конце 80-х годов я опубликовал в этом журнале несколько своих литературно-критических статей и в начале 1990 года (т.е. 30 лет назад) я был приглашен в этот журнал на работу — заведующим отделом критики, несмотря на то, что имел к тому времени несколько изданных поэтических книг, то есть меня знали в основном как поэта.

Я стал активно привлекать известных русских авторов патриотического направления к сотрудничеству с журналом.

Это было время надежд на изменения к лучшему в стране, а журнал возбуждал огромный интерес у читателей, пользовался спросом сотен тысяч наших людей. Авторами журнала стали сильнейшие на то время русские критики и публицисты: Аполлон Кузьмин, Михаил Лобанов, Галина Литвинова, Татьяна Глушкова, Всеволод Сахаров, Михаил Лемешев, Олег Платонов, Виталий Канашкин, Юрий Власов, Владимир Васильев, Марк Любомудров, Эдуард Володин и даже Вадим Кожинов, хотя вскоре он переключился на «Наш современник», куда главным редактором пришел Станислав Куняев.

В том же году я начал публикацию в журнале статей А. Кузьмича (Анатолия Кузьмича Цикунова), которые произвели ошеломляющее впечатление раскрытием тайных планов международной мафии в отношении России, пророческим трагизмом, глубиной и ясностью мышления и своей документированностью. Его статьи ставились в номер без промедления. «Рынок России в свете нового законодательства», «Хлебная карточка или петля на шее», «Почему финансы не поют романсы», «Как нас грабят ценами» и другие — били в цель одна за другой, как тяжёлая артиллерия, и вызвали настоящий шок у архитекторов и прорабов катастрофы. Их ждали, они перечитывались и перепечатывались в других изданиях — в газетах «Русский Вестник», «Воскресение», «Домострой» и т.д. Эти материалы, конечно, уже не могли остановить набравший силу разрушительный поток, но их автор стал крайне опасен предателям, находившимся у власти в стране. Во время командировки в Нижневартовск 20 мая 1991 года он был найден в гостиничном номере мертвым.

В первом номере «МГ» за 1991 год я напечатал свою статью «О лжепоэтах и русской поэзии», вызвавшую громкий резонанс. Статья эта, с одной стороны, поднимала на щит, открывала талантливых, но малоизвестных в то время русских поэтов, а с другой — низвергала с поэтического олимпа баснословно раскрученных кумиров советской поэзии, которым поклонялись миллионы читателей: Евтушенко, Вознесенского и Ахмадулину. Журнал «Юность», «Независимая газета», «Московский комсомолец» злобно огрызнулись, а так называемая «либерально-демократическая общественность», насквозь антисоветская и русофобская, четко приметилла и взяла на заметку автора статьи... Журнал наш явно действовал ей на нервы.

В том же 1991 году Анатолий Иванов попросил меня помимо отдела критики временно возглавить и отдел публицистики. Но, как известно, всё временное неизбежно становится

постоянным. Отделом публицистики «Молодой гвардии» я заведовал до 1999 года, когда стал заместителем главного редактора.

Но всеобщий хаос, хозяйственный развал и разрушение государства после двух спланированных государственных переворотов 1991-го и 1993 годов уже были видны и понятны всем, способным видеть и думать. Наш журнал в каждом номере публиковал жёсткие, прямые публицистические статьи, разоблачавшие вражеские силы, захватившие власть в стране. «Молодая гвардия» стала одним из главных форпостов борьбы за Россию с распоясавшейся русофобской и т.н. либерально-демократической эпидемией.

Прошедшие с тех пор годы стали временем невероятных жизненных и нравственных испытаний для нашего народа, для страны и для русского национального движения. Журнал наш ни разу не дрогнул, не поступился верностью русским интересам и не пошел на службу олигархической власти, как бы нам ни было трудно все эти годы.

Вот такая судьба была у журнала — постоянно бороться за народные идеалы, за наши нравственные ценности, за правду и за духовную мощь Отечества. Эта борьба прошла через всю деятельность, через всю историю «Молодой гвардии». И ведь не случайно краснодонские комсомольцы во время Великой Отечественной войны назвали свою подпольную организацию нашим именем — «Молодая гвардия», а Александр Фадеев потом так назвал свою книгу.

В 2009 году (т.е. 10 лет назад) я стал главным редактором боевого и ставшего мне родным патриотического журнала, сохранившего традиции русской классической литературы.

Журнал наш живёт, с прежней энергией борется с фальшью и пошлостью псевдокультурных дельцов и с подлостью русофобствующей «пятой колонны». Но главная задача русского национально-патриотического журнала — в каждом номере давать материалы, раскрывающие ПРАВДУ нашей великой истории и показывающие реальную действительность нашего времени как в художественной форме, так и в общественном звучании.

В каждом номере я стараюсь давать наших лучших современных прозаиков, поэтов и публицистов. Так, в прошлом и в этом году в журнале увидели свет прозаические произведения прекрасных, широко известных авторов: Владимира Крупина, Юрия Пахомова, Виктора Мануйлова, Владимира Вещунова из Нижнего Новгорода, Василия Воронова из Ростовской обл., Павла Кренёва, Валерия Латынина, вышли «Повесть о бессмертном сержанте» Сергея Михеенкова из

Тарусы и роман московского прозаика Владимира Пронского «Герань в распахнутом окне».

Особо бережное отношение в журнале к жанру поэзии. Это для меня лично всегда наиболее ценные страницы. Наравне с лучшими современными поэтами: Николаем Рачковым, Светланой Сырневой, Аллой Линевой, Николаем Алешковым, Анатолием Аврутиным, Евгением Семичевым, Людмилой Щипахиной, Эммой Меньшиковой, Юрием Воротниным практически в каждом номере журнал дает стихи ушедших от нас замечательных русских поэтов: Анатолия Передреева, Алексея Прасолова, Михаила Анищенко, Николая Колычёва, Валерия Авдеева, Георгия Кольцова, Ларисы Никольской, Сергея Чухина и других. Мы должны помнить о них и наш долг — возвращать их творчество для ныне живущих поколений.

С этого года в журнале появилась новая рубрика: «Ларец», в которой уже выходят и будут выходить произведения русской и советской классики. Так в январе к 200-летию юбилею Ивана Тургенева наши подписчики смогли перечитать его замечательный рассказ «Бурмистр», слегка перекликающийся с нынешним временем. В последующих номерах вышли стихи Марины Цветаевой и Николая Тряпкина, на очереди — рассказ Василия Шукшина «Упорный» к 90-летию всеми любимого писателя.

Ну и, конечно же, традиционно сильнейшие страницы «Молодой гвардии» — это страницы публицистики. Такого подбора наиболее острых, наиболее актуальных материалов для современной жизни России, наверное, на мой взгляд, не найти ни в каких других журналах. И это даже не столько мое мнение, сколько мнение многих русских читателей, которое они высказывают в письмах и в звонках в редакцию. Нашими авторами являются всем известные современные публицисты: Валентин Катасонов, Михаил Лемешев, Всеволод Троицкий, Владимир Большаков, Наталья Нарочницкая, Ольга Четверикова, Михаил Антонов, Лев Криштапович из Минска, Людмила Рябиченко, Светлана Замлелова, Анатолий Байбородин, Владимир Осипов и многие другие авторы, несущие в своих работах свет и русскую правду нашему народу. Правду, которая очень часто не нравится либеральным изданиям и разоблачает ложь внутренней и внешней русофобской пропаганды.

Журнал «Молодая гвардия», может быть, даже острее, чем прежде, ведет борьбу за нравственные идеалы, оставленные нам в наследство гениальной русской классикой и великой русской культурой. Эта борьба непримиримая и бескомпро-

миссная. Борьба на уровне творчества, на уровне понимания высших, божественных смыслов, на уровне любви к Родине, к Нации и к Человеку. И наш журнал такой не один. Нас много, русских журналов, делающих ту же работу, возвышающих наш народ к тем же нравственным идеалам и находящимся в не менее сложных обстоятельствах. Нам сейчас всем крайне трудно. И нам нужна помощь. В том числе со стороны властей предрержащих.

Центральные власти сейчас гораздо больше внимания уделяют спорту, театрам и кинематографу. А на литературу, писателей и литературные журналы власть махнула рукой: мол, выживайте, как сможете. А это неправильно. Слово — это первооснова культуры и более того — первооснова жизни, о чём сказано в Библии. А **художественное** слово рождает художественные образы любого вида искусства. В то же время журнал — это знак качества литературного произведения. Литература является воспитателем нации и человека. И властям нельзя об этом забывать. Иначе вся страна превратится в манкуртов, которые скакали в Екатеринбурге против восстановления храма. Литература сама является храмом культуры любого народа.

ШИЛО

РАССКАЗ

1

Белая иномарка плавно поднималась по укатанному снежному взъему к дороге, и через ее тонированные стекла хорошо был виден весь раскинувшийся внизу горно-лыжный комплекс: старое п-образное одноэтажное строение из кирпича с березами и скамейками на заснеженном дворике и зеленой сторожевой будкой на плоской крыше возле ворот; чуть в стороне от строения — две большие красные палатки с витиеватыми надписями по-английски «Кока-кола» и возле них — бревенчатая баня; но самое главное — три горы из привезенного грунта, покрытые снегом, со снежными спусками, уходящими далеко вниз, к белой виляющей полосе замерзшей речки с зарослями тальника по эту сторону и высоченным отвесным обрывом с деревянными домиками наверху по другую. Были видны и медленно поднимающиеся на тропе подъемника лыжники на правой, самой высокой горе, и пустующая средняя, учебно-тренировочная гора, и людная левая, с которой отдыхающие, большей частью дети, отчаянно бросаясь вниз, скатывались на тюбингах — толстых синих надувных кольцах.

ПРОЗА

В иномарке сидели трое, за рулем — предприниматель Александр Александрович Истратов, уже третий год арендовавший у физкультурного института старую лыжную базу; он-то и создал здесь этот не свойственный равнинной Западной Сибири горнолыжный комплекс, благодаря которому в городе, говорили, скоро откроется федерация горнолыжного спорта. Сегодня Истратов был одет не в повседневный свой спортивный костюм и куртку, а в шикарный бардовый пиджак и в черные искрящиеся брюки; под пиджаком красовалась бардовая рубашка с малиновым галстуком. Рядом с Истратовым сидел человек лет тридцати пяти по фамилии Вьюнов, одетый в элегантное черное пальто с норковым воротником и в норковую же шапку; он зло шурил глаза, поигрывал желваками на смугловатых скулах и чуть слышно, нервно-зло сопел, отчего подрагивала маленькая черная родинка у тонкого носа; теперь на его лице к выражению часто появляющейся брезгливости примешивалось недовольство от только что выдержанного разговора с сидевшим сзади сварщиком Геннадием Кистеневым, — Гешей, как все его здесь называли, хотя было ему под пятьдесят. Время от времени Вьюнов поглядывал на Гешу в зеркало над ветровым стеклом и, нахмуриваясь, зло цыкал языком и качал головой.

А Геша задумчиво смотрел сквозь стекла «мерса» вниз, на уплывающую лыжную базу. На нем был бушлат-камуфле с утратившим цвет цигейковым воротником и заправленные в коричневые валенки темно-желтые ватные штаны, во многих местах прожженные искрами от сварки. Голову Геши обтягивала старая черная лыжная шапочка, из-под которой на воротник выбивались длинные русые волосы. Лицо его сплошь до самых глаз покрывала буйная растительность, впрочем, внизу она превращалась в симпатичную, изящно завивающуюся по кромке бороде без признаков седины. Глаза Геши, небольшие, круглые, спрятавшиеся под ладными бровями, были живыми, даже, казалось, живущими отдельно от него; они блестели острым цепким блеском, чуточку потускневшим сейчас от того, что их обладателю пришлось всерьез задуматься, глубоко уйти в себя.

А задуматься было о чем. Минут десять назад его вынудили согласиться на то, чего он никак не мог предполагать и что выбивало его из прочно устоявшейся за последние два с лишним года колеи. О нем говорили: он прижился здесь, на базе. Толком никто не знал, как он попал сюда, но все знали, что его дом не в городе, а в пригородном поселке Бережки, где живет его мать-старушка и сын с семьей. Вся «сварная» работа горно-лыжного комплекса была делом его рук: складс-

кие стеллажи для лыж, стойки баров, фундаменты из металлических труб под обе бани, водопровод для них, металлоконструкции горных подъемников и насосной станции, качавшей воду из речной проруби для снеговой пушки, и прочее, и прочее, вплоть до миниатюрной детской площадки с качелькой, горкой и выкрашенным в желтый цвет модернистским каркасом жирафа, умело выгнутого и сваренного из железных прутьев (на жирафа особенно азартно лазили самые малые дети тех, кто приезжал сюда покататься с гор на лыжах, тубингах или сноубордах).

Геша Кистенев жил в зеленой сторожевой будке, что стояла на плоской крыше лыжной базы. К будке вела крутая железная лестница с перилами. Внутри будки у одной стены стоял диван с подушкой и одеялом, а у другой — деревянный топчан с матрацем и двумя полусубками (один заменял подушку, другой — одеяло). Геша всегда спал на топчане. Были тут и грубо сколоченный деревянный стол, и самодельный шкафчик для одежды у двери, и два стула, и холодильник, и маленькая кухонная тумбочка с посудой и электрической плиткой. На угловой полке над холодильником и тумбочкой, близко к потолку стоял большой цветной телевизор, а его пульт всегда лежал на столе. Поначалу, когда все еще здесь во всю строилось, в этой будке не только постоянно находились сторожа, а позже обмундированные во все черное ребята из центра вооруженной охраны, но она была еще и местом постоянных сборищ рабочего люда. В ней обедали, отдыхали, перекуривали слесаря, плотники, электрики... Набивалось по десять-двенадцать человек. Стоял гам, от табачного дыма неясно различались лица, а лампочка под потолком, когда на улице темнело, маячила тускло, как в тумане. Здесь велись оживленно-увлеченные разговоры о работе, в которых посторонний мало что мог понять, и если речь заходила о делах, связанных с металлом, то всегда обращались к Геше, который обычно не принимал участия в общих спорах и обсуждениях, но тут уж он привлекался в качестве, так сказать, эксперта, и его неторопливые обстоятельные пояснения слушали внимательно, в тишине, все как один обратясь к нему взглядами; в такие моменты его глаза светили ясным покойным светом учителя, а лицо, пышно обрамленное длинными волосами и ухоженной иконописной бородой, напоминало лик иконы «Спас в силах». Его уважали, особенно после того случая, когда приехавший проверить пост огромного роста бригадир из центра вооруженной охраны при всех начал выговаривать Геше, что, мол, вчера в будку не пустили ихнего охранника. Он говорил нудно, въедливо, длинно, и

ему уже стали возражать, вступаясь за Гешу. Но Геша вдруг выкрикнул: «З-замолк!» И это прозвучало так зычно, резко, неожиданно, что в будке мгновенно возникла не просто тишина, а звуковой вакуум. Никто бы никогда и не подумал, что в Геше такая внутренняя мощь. Начальник охраны натурально онемел и, обиженно-растерянно моргая, смотрел с высоты своего роста на Гешу, а тот, не сводя с него ставшего колючим взгляда, медленно поднялся со скамейки и выдал снизу вверх четким, командным голосом: «Охранника не притесняли! Я дал ему лучшее место — кабинет начальника базы! Не нравится, пусть здесь сидит! Возражений нет!» И в полнейшей тишине Геша пошел к двери. Открыв ее, оглянулся и, окинув взглядом всех, застыло глядевших на него, чуть насмешливо бросил: «Вольно».

Постепенно плотники собрали из специально завезенных бревнышек две аккуратные будочки для охранников в виде сторожевых островерхих башенок с окошками в резных наличниках и со шпилями, увенчанными пестро раскрашенными петушками, которых Геша сварил из кусочков металла. Одну такую будочку, красно-синюю, поставиливерху, у подъема к дороге, возле шлагбаума (его тоже варил Геша — из отходов металлического прута), а вторую, желто-зеленую, — внизу, на берегу реки, у натоптанной дорожки, по которой жители соседней деревни ходили в город, верней, к конечной автобусной остановке за дачным поселком. В этих будочках и сидели теперь ребята в черных формах, вооруженные пневматическими пистолетами, стреляющими стальными шариками. Для рабочих привезли вагончик, но они, пока ставили бани, по-прежнему часто собирались в будке у Геси.

Потом, когда бани были готовы, между рабочими и Истратовым произошла стычка, о которой долго здесь вспоминали. Это случилось сразу после того, как заместитель Истратова выдал зарплату плотникам — раз в пятнадцать меньше ожидаемого и обещанного. Плотники, все четверо, похватили кто сноуборды, кто лыжные палки (деньги получали в палатке проката) и пошли во двор базы, где как раз находился Истратов. Увидев организованно протестующих, он закричал, и из его кабинета выскочили два крепких телохранителя, одинаково бритоголовых, с одинаковыми кольцами в левых ушах, в одинаковых черных блейзерах и белых рубашках с черными галстуками. Они схватили по дубине из груды дров возле мангала и встали на защиту патрона, который отступил в угол, за воротца из почерневших от времени досок, закрылся в деревянном нужнике и по сотовому телефону вызвал обоих охранников. Они тут же прибежали, раз-

махивая резиновыми дубинками и пистолетами, и взбунтовавшимся плотникам пришлось прекратить акцию, несмотря на то, что к ним присоединились столь же нагло обманутые слесаря и электрики... Геша наблюдал за всем этим с крыши, стоя у открытой двери будки, а потом с сожалением смотрел вслед рабочим, которые понуро поднимались к дороге, и когда вечером, закончив свои дела и войдя в будку, увидел там пришедших в гости черноформенных охранников, то сразу выгнал их и больше к себе не пускал.

А вообще за эти два с лишним года на базе поменялась уйма людей самых разных профессий — кладовщиков, работников проката, техничек, барменов, шашлычников, инструкторов, много еще кого, но больше всего мальчишек, приставляемых к низу и к верху спусков — помогать отдыхающим управляться с инвентарем (они часто собирались, как воробьи, весело щебечущей, то и дело хохочущей стайкой, все в одинаковых синих зимних спортивных костюмах с серебристой надписью сзади на куртках по-английски, в переводе — «Снежный парк»). Все эти люди, как и те плотники с электриками и слесарями, приходили сюда, прочитав объявления в газетах или в бегущих телестроках, в надежде на рекламируемые большие заработки и устраивались без всяких документов, на одних только устных договоренностях, чтобы через некоторое время, получив гроши, а то и вовсе ничего не получив, удалиться с разочарованием, обидой, гневом; чего не избежал и Митя, сын Геши Кистенева, несколько месяцев кряду уютивший снег широченными серебристыми гусеницами японского трактора с элегантной кабиной и не менее элегантными ковшем и скребком. Когда же Митя в конце концов набрался духу и спросил Истратова о зарплате, тот с искренним удивлением ответил: «А я все деньги отдал Геше!» Но когда Митя спросил отца, тот удивился не меньше: «А мне он говорил, что все выплатил тебе — и за тебя, и за меня...» Митя сразу ушел и продолжил заниматься частным извозом: у него была своя машина — «Жигули», девятая модель. А Геша так и трудился на базе, лишь изредка, на выходные, навещаясь к себе в Бережки и довольствуясь теми малыми деньгами, которые изредка все-таки выдавал ему Истратов, иной раз заменяя их натуральным продуктом — сигаретами, хлебом, картошкой, замороженными магазинными пельменями, банками сгущенного молока...

По мере того, как люди с базы уходили, а другие — по причине падающего доверия к объявлениям и бегущим строкам — приходили всё реже, Геша Кистенев обрастал новыми

и новыми обязанностями, и теперь на нем, по сути, лежало все хозяйство: он занимался не только ремонтно-сварочными работами, но и орудовал за электрика, сантехника, разнорабочего, убирал двор, таскал в столовую привезенные продукты, садился на трактор... И все это он делал безропотно, без тени какого-либо недовольства или неохоты, совершенно бескорыстно, никогда ничего не прося для себя. Впрочем, и свободного времени у него было достаточно, потому что все он выполнял быстро и ловко, в то же время без суеты и спешки, на первый взгляд, даже нерасторопно. И много часов он проводил в одиночестве у себя в будке, глядя на экран телевизора, или просто думая, или читая книжицу в черной лощенной обложке с золотистой надписью «Новый завет», которую как-то подарили ему ходившие из города в деревню и завернувшие сюда проповедники.

Вот и сегодня он сидел в будке один и внимательно смотрел телесюжет о коррупции, когда к нему пришли Истратов и Вьюнов и сказали, что им надо срочно выдвинуть его кандидатуру на выборы в городскую думу по Ленинскому административному округу..

Геша, не дослушав, хлестнул их своей любимой поговоркой:

— Да на хрена мне это шило?!

— Геша, спокойно! — предостерегающе выставил ладонь Истратов. — Дело чрезвычайной важности, и давай-ка без возражений! Бери свои документы... я знаю, они при тебе... и пошли с нами!

Геша уперся и поскандалил с Вьюновым. Он его знать не знал, но тот говорил с ним грубо, и в будке некоторое время стоял крик. Но вдруг Геша осекся и умолк. Помолчав, с виноватой улыбкой пробормотал:

— Да-а... Одичал...

И протянул Вьюнову руку:

— Извиняюсь. Геннадий.

— Желательно бы с отчеством, — зло шурясь, сказал Вьюнов, не спеша пожимать Геше руку.

— Геннадий Степанович Кистенев, если угодно.

— Замечательно. Вьюнов Александр Георгиевич, политтехнолог, — пожал он Геше руку и, присев на край дивана, стал быстро говорить ему через стол: — Вам нет никакой необходимости прилагать какие-либо усилия. Мы сделаем все сами. Ваше участие в выборах необходимо, чтобы оттянуть голоса у основного оппонента Цышука. И только!

— Цышук был депутатом гордумы по Ленинскому округу последнего созыва, — пояснил Истратов. — Это наш чело-

век, наша опора. Нам кровь из носа надо, чтоб он снова победил!

— Выборы через месяц с лишним, в середине марта, — добавил Вьюнов.

Геша подумал. И сказал серьезно:

— Только учтите, я любое дело привык делать хорошо.

— Никто в этом не сомневается, — холодно бросил Вьюнов, нахлобучивая на голову свою норковую шапку. — Поехали! — он все никак не мог отойти, все гонял желваки по скулам и зло сопел.

И сейчас, в машине, недобро поглядывал на Гешу в зеркало.

2

Они приехали в раскинувшийся у цирка военный городок с высоченными «аварийными» тополями у пятиэтажных панельных домов, поднялись на четвертый этаж одного из них и вошли в прилично обставленную однокомнатную квартиру.

— Здесь будешь базироваться во время выборной кампании. — сказал Истратов, отдавая Геше ключи. — Вот тебе сотовый телефон, — достал он из кармана своего бардового пиджака черную «Мотороллу» и положил на письменный стол, где в беспорядке лежали ручки, карандаши, ножницы, скотч, бумага, скрепки и прочие канцелярские принадлежности. — Вот башли на непредвиденные расходы, — положил рядом с телефоном пачку сторублевок. — Насчет питания — на кухне все есть, холодильник битком... А сейчас давай-ка снимай с себя свое рубище и складывай сюда, — взял он с дивана и протянул Геше серебристый полиэтиленовый мешок, в котором свободно мог уместиться человек. — И шагай в ванную! Там для тебя ниже белье, одежда...

Через полчаса Геша сидел в прерывисто ползущем в городских пробках «Мерседесе» на прежнем месте, но теперь на нем был спортивный костюм, частью красный, частью лимонный, и белые кроссовки. От его высушенных феном волос пахло французским шампунем.

— Выборная кампания начинается через три дня, — говорил сидящий за рулем Истратов. — За это время, Геша, надо подготовиться. Тебе придется выступать перед людьми. Но ты не бойся! Георгич, — кивнул он на Вьюнова, — подробнейшим образом тебя проинструктирует.

Геша вдруг спросил:

— А я могу действовать в соответствии с объективными обстоятельствами?

Вьюнов изумленно повернулся к нему:

— О-о, да мы, оказывается, умеем умно выража-аться! — и засмеялся тонким, ехидным смехом. — Где-то поднабрались!.. Вот, Сан Саныч, что могут в наше время творить средства массовой информации!.. Н-ну, что тебе, Геннадий Степаныч, ответить? — посмотрел Вьюнов на Гешу. И наткнулся на его кинжально-острый взгляд. И перестал хихикать. Чуть покраснел и, отводя взгляд и покашливая, поспешно проговорил: — Действуй, действуй... По обстоятельствам... Могу даже заверить: чем больше инициативы, тем лучше...

— Ладно! — перебил его Истратов. И бросил через плечо: — Геша, об одном прошу — не лажанись! — и опять кивнул на Вьюнова: — Георгич — твое доверенное лицо. Он всегда будет рядом. Что не понятно — спрашивай. А лучше — молчи. Делай умный вид и следуй его указаниям. Все!

В магазине «Шик» в центре города две юные стройные продавщицы в одинаковых коротких розовых платьицах быстро одели Гешу с ног до головы во все новое, и он стоял в мягком матовом свете среди многократно отражающих его зеркал, держа в одной руке пластиковый пакет со спортивным костюмом и кроссовками, а в другой ондатровую шапку; через его правую руку была перекинута темно-коричневая, легкая, но и теплая дубленка. На нем теперь был темно-синий костюм-тройка из английского сукна, светло-синяя рубашка и черный галстук. На ногах — короткие, со спрятанными под брюки голенищами зимние сапожки под цвет дубленки. Во всем этом одеянии, с бородой и распушившимися после душа волосами, которые делали его голову непомерно большой, Геша походил уже не столько на Спасителя, сколько на цивильно одетого дикаря.

Но когда он вышел из дверей салона красоты, чисто выбритый, с короткой стрижкой на пробор, Истратов восхищенно воскликнул:

— Бле-еск!

А Вьюнов, переведя взгляд с Гешы на Истратова, сказал с удивлением:

— Я бы и не подумал, что он такой моложавый и обаятельный. Совсем другой человек! Годится, как минимум, в дикторы телевидения!

Истратов, очень довольный, добавил:

— Ты мне теперь, Геша, напоминаешь президента Кеннеди!

Он тут же предусмотрительно купил несколько разных рубашек и галстуков на смену, сложил их в еще один пакет и вручил Геше.

Съездили в лучшее фотоателье, где Кистенева сфотографировали для агитационных материалов, потом поехали в

банк, Истратов внес денежный залог; потом — в городскую избирательную комиссию, и там Геша зарегистрировался в качестве кандидата в депутаты городской думы.

— Ну и биография у тебя! — говорил Истратов, когда снова садились в машину. — Не знал, не знал... — Впервые за все время знакомства с Гешей он поглядывал на него с интересом. — Не хило, да-а... Ну, так что, ребятишки?! Дела сделаны, теперь можно и отдохнуть! Как вы на это смотрите, Геннадий Степанович?

— Главное, как вы, — пожал плечами Кистенев. Глаза его по-прежнему были серьезны и задумчивы, на высоком лбу прорезались три глубокие волнистые морщины.

— Михалыч! — кричал Истратов, прижимая к уху сотовый телефон и держась другой рукой за баранку. За стеклами пестрили разными цветами витрины магазинов, проплывали автомобили и автобусы, торопливо шагали по тротуарам по-зимнему одетые люди. — Давай-ка подъезжай к нам... Ага!.. Прямо сейчас!.. Да, да... Важное! Для тебя!

Они приехали в зону отдыха, туда, где на берегу реки (не той, у которой стояла лыжная база, а у другой, большой) находился принадлежавший Истратову обширный участок земли, огороженный железным забором и засаженный по краям соснами и голубыми елями. В середине участка параллельно берегу тянулся водоем, на вид ничем не отличавшийся от естественного старичного озера, но это была не старица, а искусственный пруд под старицу с ровным дном из отборного песка. Летом на дне высаживались декоративные водоросли, а берега выкладывались тепличным дерном с альпийской травкой. Вода из «старицы» периодически могла откачиваться и заменяться новой, свежей, проточной, нагнетаемой через фильтры со дна реки, с фарватера. Время от времени в «старицу» запускали рыбу, то карпа, то пелядь, то окуня. Геше приходилось бывать здесь, когда все это еще только строилось: он варил ограждения и помогал устанавливать оборудование. Бывал и позже, когда требовалось что-то подремонттировать. Однажды он видел, как Истратов и его друзья соревновались в рыбной ловле. Жирные карпы, по два-три кило и больше, специально два дня не кормленные, бешено хватали наживку, и их почти каждую секунду кто-нибудь выволакивал на траву то в одном, то в другом месте — с воплями, хохотом, пьяным визгом...

Сейчас «старица» была покрыта льдом в толстом волнистом снегу поверху, только в одном месте чернел квадрат проруби с рябщей от ветерка водой. Мостик с перилами вел к ней от двери деревянного дома, похожего на таежную заимку,

но куда больших размеров, словно она, как гриб в ливень, сильно переросла нормальные габариты. На вид дом был очень старым и даже изящно скособоченным, что делало его похожим и на сказочную лесную избушку. Но это было совершенно новое строение, с сауной, душевой, мини-бассейном, баром и спальнями с деревянными нарами, покрытыми медвежьими шкурами. Все здесь было выполнено под таежный калорит: дощатые некрашенные стены, на них — чучела глухаря, соболя, белки, кабанья голова и прочие охотничьи трофеи. Даже нагнетаемый калорифером воздух был насыщен запахом хвои.

Когда сделали пару заходов в парную, а Истратов еще и разок окунулся в прорубь, приехал Виталий Михайлович Цышук, предприниматель покрупней Истратова, депутат городской думы, теперь уже бывший, вынужденный сложить свои полномочия ввиду истекшего срока. Он ввалился в дом и поднял руку, приветствуя всех троих, укутанных в одинаковые простыни с красно-зеленым узором «клюква во мху». Они сидели за новеньким столом, пахнущим свежеструганной сосной. Стол был плотно уставлен бутылками с водкой и коньяком, «полторашками» с пивом и тарелками с заливным языком, карбонатом, красной икрой и прочей дорогой закуской. Расстегивая лисью шубу и срывая с головы мохнатую черную шапку, Цышук плюхнулся на мягкий кожаный диван под картиной «Полет диких гусей над верхушками кедров» и, тяжело отдуваясь, сказал:

— Не знаю, не знаю... Фу-у... Как же мне этого мента обойти? Просто ума не приложу!

Его конкурент на предстоящих выборах, начальник райотдела милиции этого же округа Мирон Ефстафьевич Хлычковский, уже объявил, что уходит из органов и что намерен занять место в гордуме.

— Ты давай-ка сходи погрейся, — сказал Истратов, сдирая шкурку с янтарно-прозрачной вяленой корюшки. — Да подравняйся с нами, а потом — о деле...

Цышук начал раздеваться. Это был человек возрастом под шестьдесят, с прямыми, коротко и кругло остриженными волосами неровного цвета (песчаный с белесыми пятнами, что-то вроде пегого), и с лицом острым и как бы несколько деформированным, словно его, вылепивая, чересчур сильно потянули вперед и вверх за нос и щеки, и оно так и осталось — чуть сплюснутым и слегка вздернутым; из узких косых щелок, как две капли негрола, поблескивали маленькие глаза, обычно хитроватые, но сейчас довольно-таки тусклые ввиду крайне мрачного настроения хозяина.

Сходив в парную и приняв сто пятьдесят «кристалловской» водки «Золотое кольцо», Цышук закусил свежим помидорчиком, нарезанным ломтиками на блюде и политым сметаной, затем налил себе в пластмассовую кружку пива и уныло заговорил:

— Он уже, мне доложили, начинает подкупать. И поди поймай его! Мент! Все схвачено!.. Не знаю, не знаю, как быть... Нич-чего не могу придумать!

— Мы придумали, — спокойно сказал Истратов. — Объясни, Георгич!

— В-общем так, Виталий Михалыч, — живо сказал Вьюнов, уже заметно опьяневший. — Мы делаем верный ход! Вот этот человек, — он положил руку на плечо Геши, который мелкими глотками попивал минеральную водичку из чайного бокала, — нам поможет. Он отберет у Хлычковского голоса...

Вьюнов подробно изложил свой план, а Цышук, внимательно выслушав, спросил с сомнением:

— А получится?

— О чем речь, Михалыч! — Вьюнов панибратски хлопнул Цышука по голому колену. — Мы так делали на многих выборах — в Воронеже, в Челябинске, в Хабаровске... Везде получалось!

Цышук сразу повеселел, его глазки хитровато заблестели. Он налил всем водки и поднял стакан:

— Ну, давай, стряпчий, маракуй... Ох, если получится, други! Отблагодарю, как... я не знаю... Таку-ую охоту закати-тим! М-м!.. В общем, за успех!

Все выпили, кроме Геши.

— А что так? — закусывая, спросил Цышук. — Язвенная болезнь?

Геша ответил кратко:

— Не любитель.

А Истратов говорил, обращаясь к Цышуку:

— У нас не должно не получиться. Мне это надо не меньше, чем тебе, а может, и больше. Что б я делал без твоего депутатства, Михалыч? Кто б мне устроил банковские кредиты с ничтожными процентишками? Кто провел бы сделки с землей мимо всех аукционов? А? Кто-о?.. А сколько мне еще потребуется и кредитов, и участков! На следующий год буду расширять горнолыжную базу, хочу построить отель... Нет, ты должен быть депутатом! И ты им будешь! Только в следующий срок, прошу, не подставляй себя, не говори пасконной правды, что, мол, пришел в думу решать свои личные проблемы. Ты так себе этим навредил! Потому и не хотят теперь за тебя голосовать!

— Да кто ж знал, что они растрезвонят, и это попадет в прессу? Я же это сказал в кулуарах, в приватной беседе!

— А вот не надо было языком трёкать!

— Зря я, конечно... Ну, что ж... Снова буду убеждать, что намерен заботиться о благе избирателей...

Когда ехали назад, уже на такси, Выюнов пьяно говорил Геше:

— Все у нас получится... Я с политехнологиями в ладу...

— Сам-то откуда? — поинтересовался Геша.

— Из Питера. Там и родился, и вырос... В общем, завтра начинаю тебя консультировать... Жди меня... С утра...

3

Но утром он не пришел. Кистенев ждал его в базовой квартире все утро, сидя за журнальным столиком перед включенным телевизором, попивая то чай, то кофе, и читая еженедельные газеты, которых успел закупить вчера вечером. На нем была белая рубашка и галстук. Он сейчас напоминал преподавателя вуза, зашедшего на кафедру в перерыве между лекциями.

Около часу дня на столе заверещал сотовый телефон. Геша взял его и услышал страдальческий голос Выюнова, звонившего из гостиничного номера, который Истратов снял ему на время выборной кампании:

— Геннадий... О-ох... Степа-аны-ыч... Сегодня у нас... никак... никак не получится... О-о... Но время еще есть... успе-ем... Только, пожалуйста, я о-очень прошу, ничего не говорите шефу... Если позвонит, скажите — работаем...

— Понятно.

Геша отключил связь, оделся, сходил в расположенный неподалеку магазин «Политкнига», купил большую карту города, вернулся в квартиру и довольно долго просидел за письменным столом, на котором теперь все канцелярские принадлежности были аккуратно разложены. Сначала он взял ножницы, развернул карту и отрезал от нее кусок с Ленинским округом. И внимательно изучил его. Затем взял гелиевую ручку и, хорошенько все обдумывая, не спеша разделил округ на участки и пометил их порядковыми номерами. Получилось семнадцать участков.

Первым номером был отмечен этот военный городок. Геша снова оделся и пошел его осматривать. Он ходил среди домов, говорил с людьми, расспрашивал, слушал. Февральское солнце вдруг засияло в преддверии скорой весны, отражаясь в окнах, посверкивая на голых ветвях деревьев и обливая Гешу своим светом так, что когда он стоял против сол-

нца, то казалось, оно горит в ворсе его ондатровой шапки, как нимб.

Он зашел в КЭЧ, в магазин, в подвальное кафе, которое было одновременно и ночным баром с бильярдной и кегельбаном... Когда выходил из хлебопекарни, что работала на первом этаже пятиэтажного жилого дома, в кармане у него вновь засигналил телефон. На сей раз звонил Истратов.

— Ну как вы там? — спросил он. — Занимаетесь?

— Все нормально, — сказал Геша.

— Как Георгич? Дай-ка его.

— Он в санузле.

— Ну-ну... Ладно, работайте. Завтра позвоню.

В тот день Кистенев успел по порядку номеров обойти еще два участка. А назавтра звонок Истратова застал его, когда он осматривал участок под номером семь, в привокзальном поселке.

— За сигаретами пошел, — отвечал он на вопрос, где Вьюнов.

— Послезавтра у вас первая встреча с избирателями, — с расстановкой, словно боясь, что Геша не поймет его, говорил Истратов. — В шесть вечера, в военном городке, где ты живешь. Листовки и плакаты с твоими фотографиями и депутатской программой отпечатают завтра, а послезавтра, в день начала кампании, помощники Цышука начнут их расклеивать и разносить по почтовым ящикам. Так что готовьтесь хорошенько! Да, Геша, послезавтра с утра найди время и съезди в горизбирком, получи удостоверение кандидата в депутаты! Пока!

Чуть позже позвонил Вьюнов.

— Степаныч! — кричал он веселым пьяным голосом, звучащим на фоне музыки и отдаленного женского смеха. — Завтра я буду в форме, и мы поработаем! Прикрой меня, если шеф позвонит! И отдыхай!

Но и на следующий день поработать с Вьюновым не удалось: он снова позвонил пьяный, пообещав, что завтра будет «как огурчик».

И действительно за полчаса до первой встречи с избирателями он пришел к Геше трезвый, чисто выбритый и щедро наодеколоненный.

— Вот твоя программа, — говорил он, едва заметно морщась от головной боли и кладя перед Гешей точно такую же листовку, какие уже были расклеены по всему военному городку. — На встрече ты должен озвучить ее. Насчет остального тебе все сказал Истратов. Сиди, молчи и делай умный вид. Дальше — моя забота.

На том и закончилась консультация. Геша сунул в карман программу, и они пошли в офицерский клуб.

Вьюнов был бы, конечно, немало удивлен, если бы узнал, как провел Геша этот первый день выборной кампании. С утра он обошел еще пару участков, и теперь им было пройдено больше половины избирательного округа. Затем вызвал по телефону сына Митю, и тот приехал к нему на своей «девятке». Они поехали в горизбирком, там Геша получил кандидатское удостоверение, и сын повез его по инстанциям: в городскую администрацию, в управление юстиции, в департамент недвижимости и в прочие. Везде он предъявлял удостоверение и задавал, задавал вопросы, прямо сыпал вопросами. И на все ему отвечали, и даже давали почитать документы...

4

И вот — первая встреча с избирателями. К дверям офицерского клуба был приклеен цветной плакат с фотографией Геши, листовка с его программой и объявление об этой встрече.

Желающих побывать на ней оказалось немного, человек, может, сорок, не заполнивших и четверти тусклого и неудобного зала, в основном средних лет женщины и пожилые мужчины. Неуюта добавляла и обычная для нынешнего времени безрадостность на лицах, и то, что все были одеты по-зимнему, поскольку гардероб не работал: единицу гардеробщика, как объяснил директор клуба Вьюнову и Геше, когда они снимали верхнюю одежду в его кабинете, давно сократили.

Появление кандидата и его доверенного лица встретили легким гулом, а когда они поднялись на сцену и сели за накрытый зеленой скатертью стол, раздались жиденькие хлопки.

Вьюнов с деловитым видом поперебирал свои бумаги, встал и начал:

— Дорогие друзья, сегодня вы присутствуете на встрече с кандидатом в депутаты городской думы по Ленинскому избирательному округу Геннадием Степановичем Кистеневым. Ему сорок семь лет, последнее время он работал заведующим хозяйством горнолыжной базы, которую, я думаю, многие из вас знают. Я готов ответить на все ваши вопросы. Вы, очевидно, ознакомились и с биографией кандидата, и с его программой, прочитав листовки, которые вам сегодня разносили. Кое у кого из вас, я вижу, они в руках. И все-таки, на мой взгляд, будет лучше, если кандидат сам, вживую, озвучит свою программу. Итак, слово кандидату.

И вновь раздались жидкие хлопки.

— Доставай листовку и читай, — садясь, шепнул Геше Вьюнов. — А потом я буду отвечать на вопросы.

В зале стало очень тихо. Все в ожидании смотрели на Кистенева. А он не спешил. Он спокойно обвел взглядом зал, вглядываясь в лица собравшихся, а потом с тем же спокойствием, уверенно и четко, так что всем было хорошо слышно, сказал:

— Озвучить программу — дело нехитрое. Тем более, когда она представляет собой обычный набор стандартных предвыборных обещаний. Наверняка, она известна даже тем из вас, кто ее не читал.

В зале послышались смешки.

— Ш-што ты несеш-шь?! — прошипел Вьюнов.

А Геша, не обращая на него внимания, сказал:

— Мне бы хотелось прочитать другое, — и полез во внутренний карман пиджака, достал «Новый завет», открыл его на странице, заложившей агитационным календариком с его портретом, и прочитал: — *«Не думайте, что я пришел нарушить закон... не нарушить пришел я, но исполнить»*, — закрыв книжицу, он сказал: — Так вот, что касается закона... Кто из вас может объяснить, какова сегодня главная проблема в вашем военном городке?

— Да много у нас проблем, — сказал кто-то из зала.

— Одни только эти тополя чего стоят! — поддержал другой. — Того и гляди, завалится какой-нибудь да прибьет!

— Хвата-ает проблем!

— Выше крыши!

— Безусловно, так, — кивнул Геша. — Взять, например, дороги. Они разбиты, а разбили их грузовики, которые привозили стройматериалы для элитного дома. И те, кто строил его, обещали дороги отремонтировать, но не сделали этого. И необходимо добиваться, чтобы сделали. Но сейчас надо сказать о другом. Я обошел ваш городок и поговорил со многими...

— Было такое! — одобрительно сказал кто-то в зале.

— И что же я выяснил? Оказывается...

— Так, тут небольшая заминка, — перебил Гешу Вьюнов. — и шепнул: — Кончай отсебятину! Доставай листовку! — и, встав, громко сказал: — Я вынужден принести извинения, поскольку наша встреча сбивается с намеченного курса. Прошу вас не беспокоиться. Сейчас кандидат прочитает программу...

В зале раздались крики:

— Не надо!

— К чертям программу!

— Пусть говорит то, что начал!

— Да, да! Продолжайте, продолжайте, Геннадий Степанович! Выюнов, побাগровев, сел. А Геша продолжал:

— Оказывается, у вас отсутствуют элементарные условия для нормальной жизни. Получается, ваше счастье — дождь да ненастье. Что я имею в виду? В торце двадцать четвертого дома, в подвальном помещении находится ночной бар. А в соседнем доме продают водку на разлив. Целыми днями толкуются пьянчуги. Шум, драки. В баре по ночам гремит музыка, и опять же — пьянь, но уже молодежь, а она употребляет не только водку: все знают, что в баре из-под полы торгуют наркотиками. До утра орут, учиняют всякие, как это у них называется, разборки. А унять их некому: милицейский пост подежурит до двенадцати и все!

— Это в огород Хлычковского... — буркнул Выюнов. — Хоть что-то правильно несешь...

— Я справился в нескольких инстанциях, — говорил Геша, — и узнал, что от вас поступило множество жалоб по этому поводу. Но никто не реагирует. Я навел справки в УВД и выяснил, что ваш военный городок — самый криминогенный участок во всем Ленинском округе.

— Уж это точно... — со вздохом сказал кто-то из сидящих в зале.

— Только за минувшие полгода здесь было совершено более тридцати различных серьезных преступлений, не говоря о простых драках, тянущих на пятнадцать суток, их вообще не счесть. Девятнадцать преступлений с тяжкими телесными повреждениями. А в начале года было даже убийство. Почему фактически нет никакой реакции со стороны правоохранительных органов, по-моему, можно догадаться...

— Конечно, можно! — крикнули из зала. — Они имеют с этого бара!

— Еще как!

— Далее, — поднял растопыренную пятерню Геша, призывая к тишине. — В двенадцатом доме на первом этаже находится пекарня. Она работает круглосуточно. И когда по ночам начинают выбивать формы, там стоит такой грохот, что просыпаются люди в соседних домах...

— Да они замучили! — крикнула какая-то женщина. — Убрать их оттуда! Убрать!

— И в других домах есть заведения, мешающие нормальной жизни, — продолжал Геша. — А раньше там были квартиры. И это, я считаю, и есть на сегодня ваша главная проблема! Я побывал в департаменте недвижимости и в управлении юстиции, посмотрел документы и выяснил, что эти по-

мещения перевели из жилых в нежилые с грубыми нарушениями закона. Отсюда следует, что ваше требование убрать их отсюда — вопрос решаемый.

— А сможете? — послышался из зала чей-то насмешливый голос.

Геша посмотрел в ту сторону, хотел что-то сказать. Но его опередили. В конце зала, из полутьмы громко прозвучало:

— Сможет!

Сидевший на последнем ряду высокий мужчина поднялся и, выйдя в проход, повторил:

— Сможет!

И добавил:

— Я готов поручиться!

Он стремительно пошел по проходу, выходя на свет. Взлетев по ступенькам на сцену, сказал Кистеневу:

— Здравствуй, Степаныч!

Геша улыбнулся, встал и вышел к нему из-за стола. Они обнялись.

— Вы меня знаете, — сказал мужчина, стоя в обнимку с Кистеневым и обращаясь ко всем, кто сидел в зале. — Я — майор запаса Медведев. С Геннадием мы вместе служили. Он тоже майор запаса, но должность занимал более высокую, чем я: когда еще был капитаном, его назначили на место начальника нашего гарнизона полковника Шалашова, когда тот проворовался. И Геннадий Степанович был достойным командиром, если хотите, непререкаемым авторитетом для нас. Когда он получил звание майора, его сразу поставили командиром танкового полка. К сожалению, это совпало с перестройкой: армию стали сокращать, и все мы оказались кто за штатом, кто в отставке...

— Да-а, — негромко протянул Кистенев. — Как вспомню те брошенные в лесу корпуса танков...

А Медведев говорил:

— Тогда же заболела жена Геннадия, он остался вдовцом... Но теперь что ж, — с улыбкой посмотрел он на Гешу и ободряюще потряс его за плечи. — Теперь надо работать! На созидание! — и вновь обратился к залу: — В общем так, товарищи! У нас, наконец, появилась серьезная кандидатура. Познакомьтесь с Геннадием Степановичем поближе! Задайте ему вопросы!

Медведев пожал Кистеневу руку и спустился в зал. Кистенев сел на прежнее место, рядом с Вьюновым, а тот был мрачнее тучи, сидел, уткнувшись взглядом в свои взятые в замок руки и вращая большими пальцами один вокруг другого — то в одну сторону, то в другую...

Начали задавать вопросы. Геша немногословно и точно отвечал. Зал неожиданно стал наполняться. Это несколько молоденьких ребят выскочили из клуба и пробежали по домам, созывая жильцов.

Нашлись и другие офицеры запаса, которые помнили Кистенева.

В заключение на сцену поднялся степенный пожилой человек и, пожимая Геше руку, представился:

— Председатель местного совета ветеранов, полковник в отставке Лобзаев Павел Иванович.

И чуть смущенно улыбнулся:

— Приглашаю на чашку чая. И вас тоже, — кивнул он Вьюнову. И громко спросил, повернувшись к почти уже полному залу: — Ну что, отдадим голоса за Геннадия Кистенева?

Зал дружно грянул:

— Отдади-им!

— Кто будет голосовать за него? — спросил Лобзаев. И сам первый поднял руку.

И тут же густо взметнулись руки над головами избирателей. Получалось — единогласно.

— Ну и все, — довольно сказал Лобзаев. — Пойдемте...

Он привел Кистенева, Вьюнова и Медведева к себе домой, и они долго сидели за накрытым столом.

— Вы понимаете, — говорил Лобзаев, глядя на Кистенева, — в нашем КТОСе засела одна дамочка по фамилии Клещева. И вот ну никак не можем мы от нее избавиться! Сколотила вокруг себя заплот из собратьев, как говорится, по духу. Все старшие домов боятся ее. Она же деньги им выделяет, а пойдти против — урежет. Вот они и голосуют за нее на собраниях. Правда что — впилась, как клещ! И все эти решения — открыть питейную, открыть бар, пекарню — проходили через нее. В прошлом году она за границей была два раза, на Крите и в Испании. Ей ставят это в упрек, а она: мол, я лечиться ездила. Ну, так ведь это же еще дороже! И отчета не можем добиться: куда и как распределяются средства? Короче говоря, Геннадий Степанович, нам надо в корне менять ситуацию! Немедленно! В КТОСе должны работать порядочные люди... А что это вы, коньячку не выпьете, что ли?

— Нет, — задумчиво покачал головой Геша, прихлебывая чай.

— Геннадий и в армии не употреблял, — сказал Медведев, он тоже пил чай, а из рюмки глотнул лишь чуть-чуть и больше к ней не притрагивался.

Зато Вьюнов набрался от души. Геше пришлось тащить его на базовую квартиру.

— Ам-мож-жет ты и-и... пр... пра... ильно... — бормотал Вьюнов по дороге. — Оттянешь... гол-лса... А то и пятипр... центный барьер прой... деш-шь... З-зал-лог воз-зртишь шеф-фу...

Кистенев уложил его в кровать, а сам лег спать на диване.

5

Как ни странно, когда он проснулся, Вьюнов уже был умыт, одет, и сидел за столом, неподвижно глядя на него.

— Геша, прекрати, — сказал он.

— Что именно? — сонно спросил Кистенев, садясь на кровати и опуская ноги в тапки.

— А ты не догоняешь, да?

— А-а, вон ты о чем, — сказал Геша, вставая и направляясь в ванную. Он побрился, умылся и, вернувшись, сел на диван и продолжил, будто и не было паузы: — Мне было дано разрешение действовать в соответствии с объективными обстоятельствами. Ты сам сказал: действуй. Помнишь, в машине?

— Да я разве таких от тебя действий ждал? — вскипел было Вьюнов, так что задрожала его маленькая родинка у носа; но тут же стих, болезненно морщась и трогая ладонью лоб.

— А твои слова: чем больше инициативы, тем лучше? Это что ж, ты просто так брякнул?

— Да не просто так...

— Ну, а в чем тогда дело? Вот тебе инициатива!

Вьюнов посидел, все морщась и собираясь с силами, а потом официальным тоном произнес:

— Перед вами, Геннадий Степанович, была поставлена задача оттянуть голоса. Всё.

— Так я и оттягиваю.

Геша смотрел на Вьюнова очень серьезно. Вьюнов не выдержал его взгляда, опустил глаза, достал из кармана пиджака пузырек с какими-то таблетками, отвернул крышечку, вытряхнул одну таблетку на ладонь (довольно красную, наверное, из-за аллергии на выпивку), взял стоявший на столе графин, налил воды в стакан, бросил в него зашипевшую и тут же растворившуюся таблетку, залпом выпил и посидел с опущенной головой, потирая пальцами виски. А потом сказал, не поднимая взгляда:

— То есть... Я так понимаю... ты нацелен на победу?

Лицо Геши осветилось мягкой светлой улыбкой:

— Ну, сейчас-то что об этом говорить? Я нацелен сдержать свое слово и выполнить работу хорошо.

— То есть набрать голосов по максимуму, сколько сможешь?

— Именно.

— Да почему?! — крикнул Вьюнов. И опять поморщился. И сказал тише: — На кой оно тебе сдалось?

Геша помолчал и ответил:

— *Я должен был прийти.*

Он поднялся с дивана, подошел к платяному шкафу, распахнул дверцы и начал по-военному быстро одеваться. Вьюнов смотрел на него в оцепенении и почему-то не мог вымолвить ни слова.

Одевшись, Кистенев сказал:

— Ты, надеюсь, не забыл, что у нас сегодня в восемнадцать ноль-ноль встреча с избирателями в районе трамвайного депо? Увидимся там. А сейчас иди в гостиницу, отдыхай. У меня уйма дел.

Вьюнов не знал, как быть. Никогда еще не ставили его в такой тупик. Он пришел в гостиничный номер, похмелился пивом из холодильника и стал думать. Звонить и объяснять все Истратову он боялся. Но и придумать ничего не мог. Оставалось надеяться, что Кистенев все-таки послушается его.

И он вновь пытался уговорить Гешу сбавить обороты. Но бесполезно. И вторая встреча с избирателями прошла для Кистенева с триумфом. И третья. И четвертая... Причем, на этих встречах в качестве добровольного доверенного лица Геши присутствовал Лобзаев. Таким образом, Вьюнов оказался вроде как не при деле. А встречи, в полном соответствии с расписанием, шли уже по две, а иногда и по три в день. На каждую следующую встречу народу собиралось больше, чем на предыдущую, потому как слухи о новом кандидате распространялись с молниеносной быстротой.

6

На седьмой день выборной кампании Вьюнову позвонил под вечер Истратов и грозно прокричал:

— Немедленно прибыть ко мне! Обоим!

Вьюнов сидел в номере гостиницы. Он понятия не имел, где Кистенев. С утра звонил ему по мобильнику, наверное, раз пятьдесят, но автоответчик металлическим голосом повторял одно и то же: абонент недоступен.

— Есть, — пробормотал Вьюнов в мобильник и сразу еще раз набрал номер Кистенева. Но результат был тот же.

Пришлось ехать одному

Когда Вьюнов вошел в офис Истратова, расположенный в том же здании, что и самый крупный из его сети магазинов спорттоваров, тот восседал в кресле большого директорского кабинета, положив на стол ноги, едва не касавшиеся от-

крытого ноутбука. Волосы Истратова были растрепаны, воротник белой рубашки расстегнут, малиновый галстук ослаблен настолько, что узел покоился на груди.

Увидев Вьюнова, Истратов гаркнул:

— Где он?!

Вьюнов пожал плечами. Свирепо глядя на него, Истратов указал на что-то слева от двери. Взглянув туда, Вьюнов содрогнулся... Этот кабинет был оформлен не под таежный колорит, как дом у «старицы», а под тропический. Здесь жили попугаи в клетках, обезьянка в специальном вольерчике, игуана в террариуме, много другой экзотической живности. Растительность соответствовала: пальмы, орхидеи, ротанги... А то, на что Истратов указал Вьюнову, была обширная, как мини-бассейн, белая эмалированная емкость с водой, в которой, высунув наружу ноздри носа и зеленые бугорки закрытых глаз, лежал довольно большой крокодил. Бока его под водой слегка сходились и расходились, а щелки глаз вдруг раздвинулись, и зрачки прямо и вроде как осмысленно, почеловечьи, посмотрели на Вьюнова. Тот в испуге прошептал:

— Откуда он?.. Не было же...

— Эт я спецом заказал, — ухмыльнулся Истратов. — Что-бы он у тебя и кой у кого из таких же, как ты, кой-чего пооткусывал. Вот так примерно. — Он протянул руку вниз под стол, достал большой кусок мяса, крикнул: — Тоттоша, взять! — и подбросил его, да так ловко, что он полетел по дуге точно к емкости.

Крокодил, взбурлив воду, мгновенно вскинул голову с разверзнувшейся пастью, схватил мясо, проглотил и лег в прежнюю позу. Вода в корыте успокаивалась, а в ушах Вьюнова все стоял зловеющий звук клацнувших зубов.

— Вот так же командую, — ухмылялся Истратов. — И он тебя — кусь! И иди к хирургу...

Тут только Вьюнов понял, что Истратов изрядно пьян. На повышенной громкости, уже не ухмыляясь, он говорил, опуская ноги со стола на пол:

— Не знаешь, значит, где наш кандидат?

Он достал из тумбы стола крохотную хрустальную рюмку и кубическую, красиво ограненную бутылку с коньяком, поставил на стол, достал и поставил рядом блюдечко с аккуратно нарезанным лимоном.

— А я знаю!

Наполнив рюмку, выпил, закусил лимоном. Посидел, мыча и жмурясь. А потом, увидев жаждущий взгляд Вьюнова, соорудил фигу и повертел ей, выставя далеко вперед. И заорал:

— Он промышляет на участках! Ты *это* называешь — оттягивать голоса?!

— Но... он же их и правда оттягивает. Ты верно угадал... получается у него...

— Слишком лихо получается! Попробуй только еще нажрись! — выкрикивал Истратов с лицом понуро стоявшему Вьюнову. — Я знаю, как ты провел консультационные дни! Мне все известно! И теперь точно известно, как провел те дни Геша!

Истратов помолчал, переводя дыхание. Лицо его, довольно упитанное, покрывали рваные клочки пунцовых пятен. Внезапно он заорал с новой силой:

— Как ты мог так обломаться?! Ты, такой матерый пиарщик!!! Зачем я тебя нанимал?!

— Это, скорей, вы обломались...

— Молча-ать!!!

— Сан Саныч, но я-то...

— Держи! — выхватил Истратов из тумбочки стола красную флэшку и в бешенстве швырнул во Вьюнова. Флэшка попала Вьюнову в грудь и упала на мягкое покрытие кабинета. — Мне прислал ее Цышук! Учти — прислал! Не сам привез, а прислал с курьером и на словах передал, что если это не прекратиться, он порвет со мной все отношения, и тогда мне, сам понимаешь, будет и расширение базы, и новые льготные кредиты... Еще старые заберут и аренду аннулируют! Он это мо-ожет устроить! И охоту закатит... Обещал же... Волчью!.. Ну, что стоишь?! Ставь, смотри! — повернул он к Вьюнову ноутбук и крикнул в сторону террариума с гекконами, которые начали носится по усыпанному песком и галькой дну: — Тише вы там!

Вьюнов поднял флэшку и, подойдя к столу, вставил ее в гнездо ноутбука и открыл единственный файл. На экране появился Геша. Он стоял в окружении людей на фоне производственных корпусов и говорил в подставленный микрофон: «Запустить завод метизных изделий — задача наипервейшей важности для Станционного поселка, задача сложная, но выполняемая. Инвестор есть, и даже уже состоялся предварительный разговор...»

— А вот здесь... — Истратов схватил со стола газету, скомкал и бросил Вьюнову. — Статья «Кандидат, которого ждали». Ты понял?! По опросам его рейтинг на тех участках, где он прошел, выше всех остальных, в том числе и Цышука!

— Знаю... — Вьюнов поднял газету, расправил и, просматривая статью, вспомнил, как на последней встрече с избирателями, в битком набитом зале Дома культуры котельного

завода Геша обмолвился о том, что необходимо на местном уровне создать такие законы, которые препятствовали бы произволу предпринимателей и не позволяли бы им бесплатно эксплуатировать людей, и он, Вьюнов, как всегда сидевший рядом с Гешей, по другую сторону от Лобзаева, тихо и зло сказал: «Ты против кого это начинаешь...» — но не договорил, потому что в зале раздались одобрительные крики, а один какой-то здоровенный косматый мужик, как потом выяснилось, молотобоец котельного завода, получающий теперь зарплату как у дворника ЖКО, встал и крикнул, обращаясь ко всем: «Про предпринимателей верно! Кто наш нынешний депутат?» Ему в ответ закричали: «Предприниматель! Цышук!» «Сколько раз он был у нас на участке с тех пор, как мы его избрали?» В ответ прозвучало дружное: «Ни разу!» «А что он нам обещал, когда просил голосовать за него?» «Многое обещал!» «А этот человек, — указал косматый на Гешу, — ничего не обещает, но говорит в точку! Он уже знает всё наше самое большое! И я вижу — знает, как это исправить! Так за кого нам голосовать?» И раздались крики: «За Кистенева!» «Цышуку — нет!» «Долой пестроголового!»

«Послушал был он...» — думал Вьюнов, бросая быстрый взгляд на Истратова и тут же продолжая просматривать статью, а в ней было написано: «Все симпатии избирателей явно на стороне Кистенева. Он, как говорится, «зрит в корень», и в этих условиях предыдущему депутату будет очень сложно рассчитывать на победу...»

— Короче, давай-ка снимай его с дистанции! — орал Истратов, доставая из тумбы стола сигарету и зажигалку. — Снимай!

— Не выйдет, — ответил Вьюнов.

— Это почему же? — Истратов замер, не донеся до сигареты огонек зажигалки, и смотрел на Вьюнова удивленно-выжидаяще.

На экране ноутбука молодая женщина в белом халате говорила: «Весь наш коллектив детской клиники будет голосовать за Генадия Степановича. Он внушает нам полное доверие!»

— Мы не можем его снять, — сказал Вьюнов. — Самовыважение... Он может только сам...

— Ну, так пусть сам и снимается! — Истратов прикурил и бросил зажигалку на стол с такой силой, что она отскочила и так же, как флэшка, попала в грудь Вьюнову. — Говори с ним! Говори! Пусть снимается!

— Сам он не станет...

— Как не станет?!

— Ну, так. Не снимется он сам...

— Тогда-а... — Истратова от возмущения заколодило, он несколько раз подряд затынулся сигаретой и проорал: — Через горизбирком действуй!!! Пусть к чему-нибудь придерутся да снимут за нарушения!

— Нежелательно.

— Почему?

— Поднимется скандал, все может всплыть. И тогда Цы-шуку точно крышка. Тут надо как-то по-другому, тонко...

— Да как? Как по-другому?!

— Пока не знаю...

— А я знаю! — Истратов взял со стола сотовый телефон, набрал номер, послушал. — Ага, достанешь его теперь, как же! — Он положил телефон и спросил: — Когда он на промысел выбирается?

— С утра, не позже девяти.

— Так вот завтра в полвосьмого чтоб был возле его дома, у подъезда. Все! И повторяю — ни капли в рот! А то вернешься в Питер без гроша! На своих двоих!

7

На следующий день, рано утром, когда было еще темно, к дому, в котором находилась базовая квартира, подъехала белая иномарка, а за ней — серая «Волга».

У подъезда, где не было ни фонаря, ни скамейки, маячил во тьме силуэт Вьюнова. Он стоял, громко дыша на руки и постукивая ногами одна о другую, когда фары осветили его сгорбленную фигуру. Истратов вышел из иномарки, дал знак ожидать тем, кто сидел в «Волге», и они с Вьюновым поднялись на четвертый этаж. Истратов трижды нажимал на кнопку звонка, прежде чем Кистенев открыл дверь, однако по нему было видно, что он уже не спал. Он был одет в спортивный костюм, в руке держал ручку. А когда Вьюнов с Истратовым вошли в комнату, им стало понятно, что не спит он давно, а может, и вообще в эту ночь не ложился. Все в комнате было устелено исписанными листами бумаги. Они покрывали стол, кровать, диван, подоконник...

— Нич-чего себе! — вскричал Истратов, хлопая себя по бокам. — Я не ошибся помещением? Это не множительный центр? Геша, ты б хоть предупредил, я бы тебе компьютер с принтером пригнал!.. А ну-ка, что здесь? — он стал брать со стола один за другим листы и читать: — Запрос... Обращение... Перечень мероприятий... Ну, ты молодец! — засмеялся он визгливым каким-то смехом, бросая на пол листы. — Еще

не депутат, а уже на все сто пашешь по-депутатски! А ну-ка сядем, поговорим!

Он подошел к дивану, смахнул с него листы и сел на освободившееся место. А Вьюнов с шелестом сел рядом с ним прямо на листы.

Кистенев стоял посреди комнаты с ручкой в руке и спокойно, с улыбкой смотрел на них.

— Да садись ты, садись! — прикрикнул Истратов. — В ногах правды нет!

— А в чем же, по-твоему, правда? — спросил Кистенев, присаживаясь на стул. — А? В чем?

— Только не в том, чем занялся ты!

— Точно?

— Геша! — взорвался Истратов. — Вспомни, как я подобрал тебя на кладбище! Если б не случай, если б не мой погибший друг, ты и сейчас бы там подваривал оградки! Хорошо еще, у тебя свой сварочный аппарат... Кстати, а почему ты сварщик? Что за странное сочетание? Майор запаса и вдруг...

— А я сначала окончил среднее ГПТУ, — спокойно ответил Кистенев, приглаживая ладонью свои немного уже отросшие, слегка вьющиеся и красиво зачесанные на пробор волосы. — Работал на заводе, на стройке. Ну, а уж потом поступил в танковое училище.

— И в конечном итоге остался без гроша, — усмехнулся Истратов. — Даже аппарат не на чем было перевозить, голосовал с ним на дорогах... А где взял-то его, аппарат?

— Трофей. Перестроечный.

— Ага. Значит — украл!

— Нет. Купил за бесценюк. На разваленном железобетонном заводе.

— Ух-м... Приобрел средство добычи средств... А ведь майор в отставке — должна быть пенсия!

— Пенсия есть, — кивнул Кистенев. — Но ее по доверенности получает мать. Я ей отдал, потому что она осталась без пенсии.

— Это как?

— Да как... Работала на мясокомбинате, лаборантом. Начались реформы, а с ними трудности. Пришел новый директор и нашел выход: передал хозяйство в собственность другой организации и стал этот же мясокомбинат снимать в аренду. А потом — банкротство, директора увольняют, всех людей — на улицу с трудовыми книжками, а в них нет отметок об увольнении. С такой трудовой и на работу не устроишься, и пенсию не получишь... Так-то вот... Но я еще буду отсутствовать!

— Эт-то ты, как выяснилось, можешь, — сказал Истратов. — И все-таки, Геша, как же нам быть с выборами? Ты что, не понял, зачем мы тебя двинули? Мы ведь залог за тебя внесли!

— Залог я верну.

— Верне-ешь?! — взвился Истратов, подскакивая на диване, но тут же плюхнулся назад и сказал потише: — Ну да, судя по рейтингу, ты сможешь вернуть ... — он немного помолчал, подумал и спросил: — А чё ты упирался-то? Вспомни, как мы тебя уговаривали. Как ты выдал свой прихват: на хрена мне это ши-ило! С чего такая перемена? Шило, что ли, оказалось в жилу?

— Меня *осенило* не сразу.

Истратов с минуту мрачно смотрел на него, потом сказал:

— Ничего я тут не понимаю... Странный ты какой-то... В общем, сходить с этой своей линии не собираешься?

— Так точно. Не собираюсь.

— А не боишься, что тебя грохнут, как того президента, которого ты мне напомнил, когда тебя подстригли?

— Мне бояться не предназначено.

— Ну, так если ты оборзел до такой степени... Короче, придется мне вернуть тебя на базу.

— Возвращай, — спокойно пожал плечами Кистенев.

— Последний раз спрашиваю, — угрожающе сказал Истратов. — Будешь работать как нам надо?

— Нет.

— Ну, тогда... — Истратов вышел из комнаты и вернулся, волоча по полу серебристый полиэтиленовый мешок с Гешинной рабочей одеждой. — Переодевайся!

— А мне и так неплохо, — сказал Кистенев, весело глядя на Истратова.

— Сейчас тебе будет плохо! — пообещал Истратов, доставая из внутреннего кармана своей меховой куртки сотовый телефон. Он набирал номер и крикнул: — Поднимайтесь! Мигом!

Секунд через десять со стороны лестничной клетки послышался топот бегущих ног, и в квартиру ворвались двое телохранителей Истратова, тех самых, которые защищали его от разъяренных плотников во дворе лыжной базы. Сейчас они были не в блейзерах, а в таких же, как у Истратова, черных меховых куртках. В ушах у них по-прежнему блестели кольца, но бритые головы обтягивали черные вязаные шапочки.

— Стоп! — выставил перед ними руку Истратов. И посмотрел на Гешу: — Ну!

Кистенев засмеялся.

— *И поставил овец по правую сторону*, — указал он на Истратова с Вьюновым. И тут же указал на телохранителей: — *А козлов — по левую*.

— Ты кого назвал козлами?! — завопил один из телохранителей.

— Да это он из своего Писания шпарит! — крикнул ему Истратов. — Не обращай внимания!

Но телохранитель, не слушая, бросился на Кистенева. А тот резко встал со стула и посмотрел в его глаза так, что он застыл на месте.

— Не расходуи энергию, — тихо и ласково сказал Кистенев. — А то для ухода в *огонь вечный* не хватит.

От него исходило нечто такое, что заставило всех оцепенеть. В полной тишине Геша начал переодеваться. Лишь мешок, из которого он доставал одежду, шуршал. Уже почти переодевшись, он пробормотал:

— *Поражу пастыря, и рассеются овцы стада...* А не должны, не должны рассеяться... Да и можно ли теперь *поразить*?

Выходя из квартиры, он усмехнулся и сказал:

— *Блаженны изгнанные за правду...*

А на улице уже светало, и проходившая мимо женщина из соседнего дома, взглянув на Кистенева, когда он выходил из подъезда в сопровождении телохранителей, сразу узнала его.

— Геннадий Степанович! — всплеснула она руками. — Что за одежда на вас! И куда это вы?!

— Возвращаюсь на лыжную базу, — сказал он. И, проходя мимо нее, посмотрел ей прямо в глаза.

— Но зачем? Зачем-ем?! — кричала женщина вслед отъезжающим машинам. И вдруг смолкла и прошептала: — А-а, да-да... Поняла... — И быстро пошла в обратную сторону.

8

Весь длинный путь до горно-лыжного комплекса сопровождался глухим молчанием; в машине слышен был лишь мерный рокот двигателя да шум улицы за тонированными стеклами. Геша сидел на заднем сиденье, сосредоточенно о чем-то думая. В утренних пробках ползли медленно, и добрались только к одиннадцати, когда желающих покататься с гор было уже предостаточно. Они толпились у красных палаток кафешки и пункта проката, между горами, на вершинах гор. И непрестанно неслись и неслись с гор на лыжах, сноубордах и тюбингах под громко звучащую музыку из колонок на столбах. День был субботний, ясный и солнечный, но не морозный. Чудесная погодка для зимнего отдыха!

Выйдя из машины у распахнутых ворот лыжной базы, Геша с наслаждением полной грудью вдыхал чистейший сладкий воздух, оглядываясь вокруг и все о чем-то думая.

А его сразу увидели. И подбежали, обступили — техничка, выносившая мусор, официантка из кафешки, несколько мальчишек-подсобников, кто-то еще. И все они кричали, перебивая друг друга:

— Геша, мы тебя каждый день смотрим по телевизору!

— Какой ты красивый без бороды!

— Дайте нам, Геннадий Степанович, ваши листовки! Мы их здесь раздадим!

— А вы будете еще по телику выступать?

К нему подходили и подходили, людское кольцо вокруг него ширилось, а он улыбался всем светло и приветливо.

Вьюнов сострил, обращаясь к Истратову:

— Так встречают героев космоса, выполнивших задание по ликвидации аварии на орбитальной станции!

Истратов недовольно покосился на него и крикнул Геше:

— Подшамань средний подъемник! Третий день не работает!

Геша неторопливо входил во двор. Облепившие его люди сыпали и сыпали вопросами. Вьюнов прокомментировал:

— А теперь он как сенатор, вышедший из здания Конгресса в окружении журналистов!

— Умолкни, а? — попросил Истратов и заорал: — Оставьте в покое нашего завхоза! У него сегодня уйма дел! — и бросился к толпе, пролез сквозь нее к Геше, схватил его под руку, вытащил и повел по двору к помещению, в котором был заперт сварочный аппарат.

Отдав Геше ключи, Истратов пошел в свою комнату, где ничего, кроме холодильника и деревянного стола с лавками, не было. Здесь, в этом горно-лыжном комплексе, через который протекала масса людей со всего миллионного города, Истратов всячески старался выдать себя за предпринимателя со скромными доходами.

Он снял с головы кожаную зимнюю кепку, швырнул ее на стол и сказал вошедшему следом Вьюнову:

— Да-а, запустили гладиатора в гарем!

И снял куртку, бросил на лавку, сел за стол и, взлохмачивая свои черные, жирно блестящие волосы, с досадой проговорил:

— Как же это я сразу-то не додумался?! Рассказывали же мне, как он в пять секунд обломал мента-старлея, начальника охраны!

Вьюнов, не раздеваясь, тоже сел за стол и слушал его сокрушенные словоизлияния, глядя в окно. Сквозь висащие

черными нитями в сережках березовые ветви был виден освещенный золотистым солнечным светом двор в сугробах вдоль дорожек. Сквозь стеклопакеты приглушенно доносились голоса, крики, смех, чириканье воробьев, музыка. Геша в своем бушлате-камуфле, в черной шапочке и надетом на нее черном поднятом щитке сварщика, со смотанным кольцами и перекинутым через плечо кабелем, с кувалдой в руке выходил со двора, на ходу оглядываясь через плечо и что-то говоря двоим мальчишками в фирменной синей одежде, которые тащили сварочный аппарат.

— И еще рассказывали, — говорил Истратов, — что он в любой сериал, с какого бы места не начал смотреть, может за пару минут вникнуть и дальше смотреть так, будто все серии видел. А один раз мужики спросили его в шутку: ты, мол, постоянно смотришь новости, так, может, проведешь нам политинформацию? И он часа два рассказывал про все, что случилось за последние две недели и у нас в городе, и во всем мире, и его слушали разинув рты... М-да-а... Можно, можно было предвидеть... Короче, выход я вижу один: держать его здесь! А тем, кто ждет встречи с ним, то бишь избирателям, говорить, что заболел. Ты как считаешь? — посмотрел он на Вьюнова.

Тот буркнул:

— Не знаю... Наверно...

— Что значит, не знаю? Ты должен знать! Надеюсь, тех голосов, которые он оттянул, Цышуку хватит? А?

Вьюнов молчал, глядя в стол.

— Слушай, а чё у тебя такой вид? — подозрительно спросил Истратов. — Прямо тоску нагоняешь! И без того тяжко... А ну достань чего покрепче и налей мне, — велел он. — Там и огурчики есть.

Вьюнов живо вскочил, открыл дверцу холодильника, достал банку с солеными огурцами и тарелку с ложками и вилками и поставил на стол. Пробежав взглядом по нераспечатанным бутылкам, достал водку «Посольская» и показал Истратову. Тот одобритительно кивнул. Вьюнов свернул с бутылки пробку, взял из холодильника маленький граненый стаканчик, поставил перед Истратовым и налил доверху слегка дрожащей рукой.

А потом спросил осторожно:

— А себе я могу?

— Да теперь-то уж что... Лей!

Вьюнов мгновенно выхватил из холодильника двухсотграммовый стакан, налил себе полный и мигом опорожнил. Захлопнув коленом дверцу холодильника, он поставил бу-

тылку и стакан на стол, взял вилку, подцепил из банки огурец и с наслаждением, брызжа рассолом, захрустел, садясь на прежнее место. Истратов смотрел на него с оттенком такой же брезгливости, каковая еще недавно часто появлялась на его, Вьюнова, лице.

— Гриф, — сказал он тихо, взял стаканчик и аккуратно понес ко рту...

Захмелев, Вьюнов заговорил:

— Сан Саныч, я тебе должен сообщить... Сегодня утром, как раз перед тем, как я отправился из гостиницы к Геше, мне позвонил один из наших и сказал, что Хлычковский откопал где-то компромат на Цышука: махинации с кредитами, незаконная скупка земли... На Хлычковского ничего подобного нет. В-общем, дело серьезное...

— Почему сразу не сказал?! — грохнул кулаком по столу Истратов.

— Да... Ждал...

— Чего ждал, заяц?! Из-за этого, значит, мрачным-то был?! А если компромат сработает? Что тогда?! Отвечай! Ты должен знать!

— Такой компромат... Хо-хо!.. Это выкинет Цышука из борьбы.

Истратов надолго задумался. Вьюнов смотрел на него с застывшей, как в остановленном кинокадре, угодливой улыбкой.

— Н-да-с... — проговорил, наконец, Истратов. — Взяло Фоку сзади и сбоку... А если борьбу продолжит Геша, то, как я понимаю, он и победит?

— Однозначно!

9

А Геша тем временем стоял на вершине средней горы и подколачивал кувалдой стойку подъемника. Подколотив, положил кувалду на снег, взял лежавшие на сварочном аппарате кронштейн и держак с электродом, резким кивком головы опустил на лицо щиток и начал приваривать кронштейн к стойке. Двое мальчишек в синих формах стояли рядом, наполовину отвернувшись и подняв к глазам сложенные ковшиком пятерни. Люди, что толпились на вершинах двух других гор, тоже отворачивались, но как только вспышки трескуче-слепящего огонька гасли, многие из них снова начинали поглядывать в сторону Геши.

— Вас временно вернули? — спросил один из мальчишек, когда Геша, подняв щиток рукой в брезентовой рукавице, положил на аппарат держак и взял кувалду.

-
- Похоже на то, — ответил Геша и нанес удар по стойке.
 - Значит, опять уедете?
 - Видимо, да.
 - А когда?
 - Думаю, скоро.

Он быстро закончил «подшаманивать» подъемник, включил его, посмотрел, как он работает, как начинают далеко внизу, прицепившись к его тросу, заползать на эту гору люди на лыжах... И вдруг в общий шум и звуки музыки ворвался громовой голос:

— Геннадий Степанович! Мы приехали за вами! Берем вас под свою защиту!!!

Наверху, за шлагбаумом, у красно-синей будочки с петушком на острие шпиля, стоял, сверкая под словно бы впаянным в нежно-голубое небо золотым пятяком солнца, оранжевый микроавтобус, а возле него — председатель совета ветеранов Лобзаев и майор запаса Медведев. Лобзаев держал в руках мегафон и говорил в него:

— Вас ждут! Вас просят вернуться! Мы пойдем с вами до победы!!!

— Вот видите, — сказал Геша мальчишкам. — Помогите-ка мне, ребята, донести сварочный аппарат до той оранжевой газели!

10

А разговор Истратова и Вьюнова продолжался.

— Если Цышук проиграет, — говорил Истратов, закусывая соленым огурцом второй стаканчик, — он уже нич-чего для меня значить не будет.

— А в бизнесе не задавит? — спросил Вьюнов.

— Ни в коем разе!

— Но ты вчера говорил, что могут и аренду аннулировать, и кредиты забрать...

— Это я болтанул для эффекта. Здесь, — кивнул Истратов за окно, — у меня бессрочная аренда. А все кредиты я могу вернуть хоть сейчас, поскольку уже такие бабки поднял, что... нет проблем... Другое дело, развиваться без опоры во власти будет сложно, это да. Всегда хочется большего. Потому-то мне и нужны свои люди в городской думе! Одним словом, пиарщик Вьюнов, я думаю, пусть лучше победит Геша.

— Вот так да! — удивился Вьюнов, довольно уже пьяненький. — Ну, не знаю, не знаю... Может, ты и прав... У меня у самого, ты понимаешь, Сан Саныч, честно говоря, после всего этого... главное, после знакомства с Гешей... в корне переменялось, знаешь ли, мнение о провинции... Есть тут, оказыва-

ется, силы!.. Но опять же, вопрос: а станет ли Геша поддерживать тебя?

Истратов хмыкнул и уверенно ответил:

— Ста-анет! Куда он денется... Пойдем-ка, приведем его!

Но когда они вышли со двора, Кистенев уже был наверху, за шлагбаумом, возле оранжевого микроавтобуса. Мальчишки заталкивали в него сварочный аппарат. Медведев снял с плеча Геша кабель и тоже уложил его в газель.

— Жители Ленинского района! — гремел в мегафон Лобзаев. — Голосуйте за Геннадия Кистенева!

Медведев перехватил у него мегафон и прогремел:

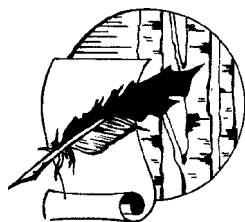
— Вам жалеть не придется! Попадете в «десятку»!

— Это его новые доверенные лица, — сказал Вьюнов, глядя, как Лобзаев с Медведевым садятся в кабину газели.

— Да? — пробормотал Истратов. И заорал во все горло: — Геша-а-а! Геша-а-а-а! А ну, вернись сейчас же! Слышишь?! Верни-и-и-ись!

Но Геша, сорвав с головы щиток вместе с шапочкой, кинул его в микроавтобус, взмахнул на прощание рукой и несколько мгновений постоял в этой позе: рука со сложенными шепоткой пальцами высоко над головой, ободок солнечного света на плечах поднимается к голове и переходит в огненное колечко в непричесанных волосах. И улыбка на лице — открытая, мягкая, спокойная. В следующий миг он легко вскочил в газель и с хлопком задвинул дверцу. Газель тронула с места, развернулась и покатила прочь.

г. Омск

Валерий ХАТЮШИН

ТРЕТИЙ СНЕГ

* * *

Последний летний день
осьмнадцатого года
уходит навсегда,
как тысячи других,
еще чуть-чуть — и он
сгорит во мгле исхода,
как семьдесят живых
печальных лет моих.

Но что-то от него
останется...
Хоть что-то...
Не в памяти, не в снах,
но в сердце и в душе...
Вот этот тихий вздох
и взгляд вполоборота
прохожей,
меж других
не видимой уже...

31 августа 2018

* * *

Уходящее лето — прекрасно.
Неизбежная осень — светла.
И, наверно, жалел я напрасно,
что сирень под окном отцвела.

Столько цвета кругом, столько света
в сентябре — и в полях, и в лесах!
А улыбки минувшего лета
у прохожих застыли в глазах.

И о чём сожалеть, в самом деле?
В этом свете — своя благодать.
И не хочет сентябрьская зелень
с вековечных деревьев опадать...

4 сентября 2018

ГУНИБ

Крылья белых журавлей,
песня светлая Расула...
И шары в руках детей
из кавказского аула.

Он высок, аул Гуниб,
он закону гор послушен.
И плывут шары, как нимб,
в небесах к солдатским душам.

Дагестанская земля,
здесь повсюду помнят свято
о джигитах Шамиля
и большой войны солдатах.

Здесь я новый смысл обрёл
лет прошедших, дней грядущих...
А вдали парит орёл —
символ горцев, здесь живущих.

21 сентября 2018

* * *

...Надо бы всё же хоть малость
сердцу надеждой помочь...
Лета последняя жалость...
Осени первая ночь...

Что это было? Давно ли?
Жизнь или месяц назад?
Снова сердечные боли
будет лечить листопад.

Неба высокая ясность
долгим сменилась дождём...
Этих стихий сопричастность
я ощущаю с трудом.

Вспомню на миг чью-то нежность,
чьей-то печали слезу..
Только ночей безутешность
прошлой слезой не спасу..

Как это было? Давно ли?
Сон или вечность назад?
Выход из нервной неволи,
может, найду наугад...

7 октября 2018

* * *

Что через годы эти строки скажут?
Какую грусть в сердцах разбередят?..
Семидесятой осени всё так же
сухие листья под ноги летят...

Всё так же красный клён в ограде храма
горит огнём холодным на Покров...
Всех лет моих причудливая драма —
лишь редкий отблеск стихотворных слов.

Пусть жизнь моя останется как тайна
в живом потоке бесконечных дней.
Я в этом мире промелькну случайно,
как дальний поезд в сумраке полей.

И сохранит душа не дни лихие,
а этот миг застывшей красоты —
семидесятой осени сухие
кленовых листьев красные цветы...

14 октября 2018

ТО ЛИ ГОДЫ, ТО ЛИ ДАТЫ...

То ли годы, то ли даты...
Всё смешалось и ушло...
Помню, я любил когда-то
непокорное тепло
глаз печальных, глаз глубоких
(их не в силах скрыть лета),
одиноких, чернооких —
в днях далеких, как мечта...

Всё смешалось — годы, даты:
тридцать, сорок, пятьдесят...
Эти вехи, как солдаты,
на своем посту стоят.
И мою волнуют память,
знают всё, что я забыл...
Мы легко теряли сами,
тех, кто слишком нас любил...

То ли зрелость, то ли старость...
Всплески счастья, слёз, обид...
Что-то важное, хоть малость,
сердце всё же сохранит.
Годы, даты — всё смешалось...
Ясных дней душа не ждет...
Но осталось в ней, осталось
то, что в вечность с ней уйдет...

26 октября 2018

ТРЕТИЙ СНЕГ

Первый снег — словно юность,
он растает как дым.
Вспомню в зимнюю лунность
то, что был молодым...
Так в отставшем вагоне
свет чуть брезжит во мгле...
Первый снег не догонит
никого на земле.

Снег второй, словно годы, —
то пуржит, то парит...
От ненастной погоды
он виски серебрит.

Снег второй, не стихая,
будет долго мести,
день за днем засыпая
все следы и пути.

Третий снег безобманно
сыщёт нас всё равно,
беспричинно, неожиданно
постучится окно.
К нам напросится в гости:
мол, пришли холода...
...У креста на погосте
ляжет он навсегда.

25 ноября 2018

* * *

Фонари, фонари на снегу,
золотая вечерняя стынь...
Я в душе навсегда сберегу
этот свет и закатную синь.

Этот свет и январский закат
навсегда западут мне в глаза,
как сибирских ночей звездопад,
как заветных церковей образа.

Никуда, ни к кому не спеша,
я по хрусткому снегу бреду...
Скоро станет свободной душа,
я, быть может, покой обрету.

Но из вечных вселенских огней —
разгляжу в густоте синевы
снежный блеск золотых фонарей
новогодней морозной Москвы...

1 января 2019

* * *

Не ждите антихриста, ждите Христа.
Всесилен, кто верит и ждёт.
Лишь слова Его и любви высота
от злобы всемирной спасёт.

Все грешные мысли свои и дела
мы копим в темнице сердец.
И съёжились мы в ожидании зла,
в погибельный веря конец.

Но слова Его и любви красота
спасает наш мир каждый час.
Не ждите антихриста, ждите Христа.
Антихрист давно среди нас.

12 января 2019

* * *

Что впереди? Печаль и старость.
Что позади? Мечта и жизнь.
В душе полней всего осталось
к себе сплетенье укоризн.
В своей молитве покаянной
с неё пытаюсь соскрести
всю накипь жизни богоданной,
чтоб тихий свет в ней обрести.
Но сколько б свет ни лился свыше,
покоя в ней не нахожу,
звезда мечты не стала ближе,
и вновь молитвенно прошу,
чтоб голос мой исповедальный
среди других услышан был,
чтоб в этой старости печальной,
как поздней осенью прощальной,
я ждал, и верил, и любил...

*19 января 2019,
день Крещения Господнего*

* * *

Замечает Москву, замечает..
Снег не радуется здесь никого.
Он кружит и пуржит, и не знает,
что устала Москва от него.
Снег летящий, бодрящий, скользящий,
фантастический, сказочный снег —
из свистящей метели, манящей
в ностальгический пушкинский век.

...Тройка белая полем безбрежным
мчит, объята свиридовским сном...
...Спит наш город под саваном снежным —
ни дорог, ни машин под окном.
Ни моторного нервного шума,
ни бомжей, потерявших ночлег...
Только с неба сходящий угрюмо,
всё собой укрывающий снег...

28 января 2019

* * *

Снежный февраль, заморожено белый...
Сонно застывших ветвей белизна...
Что-то предчувствую, оцепенелый.
Взгляд затуманила глаз пелена.

Белая россыпь узоров и кружев.
Тонкая белых кустов бахрома.
Сыплет и сыплет, всё кружит и кружит —
мягкий, бесшумный, сводящий с ума.

Свесились хрупкие серые стебли,
еле заметные, словно вуаль.
...Снежное ложе нам стелет и стелет
непредсказуемый белый февраль...

15 февраля 2019 (Сретенье)

КРЕЩЕНИЕ ОГНЁМ

...Идущий за мною сильнее меня...
Он будет крестить вас Духом Святым и огнем...
Мф. 3: 11; Лук. 3: 16

Мечты растворятся, как дым,
и жизни рассеется муть...
Крещённые Духом Святым,
найдем ли мы истинный Путь?

Пусть сердце ведёт за собой,
и вера — на крыльях несёт...
Но даже крещение водой
от адových мук не спасёт.

Слова не угаснут во мгле
навек: «Иди, не греши...»
Единственный путь на Земле —
сожжение грешной души.

Тогда лишь — останемся в Нём,
впитавшие Тело и Кровь.
Спасенье — в крещенье Огнем,
который есть Божья любовь.

3 марта 2019

ПОЗНАНИЕ

Ушёл поэт, сомкнул уста...
Безмерно он далёк отселе...
Он ведал Путь земной Христа,
того Пути не зная цели.*

Нам так близки под свет лампад
пророков смутные прозренья...
И всё ж имеем мы про ад
и рай — земные представленья.

К Нему душой хотим прильнуть
дорогой долгой, не случайной...
Его мы знаем крестный Путь.
Но цель Пути осталась тайной.

В познание сладостном своём
найдем ли мы ответ на это:
куда идём? к кому идём?
И нет важней для нас ответа.

17 марта 2019

* * *

Семьдесят вёсен, затерянных где-то,
грустно вздыхают о новой весне...
С кем, Боже праведный, было всё это?
В чьём неразгаданном призрачном сне?..

* Юрий Кузнецов, автор поэмы «Путь Христа».

Было ль всё это на свете со мною —
точно сказать я уже не могу.
Прошлые вёсны рождённой весною
ищут меня в тополином снегу.

Помню лишь свет из распахнутых ставней...
Дом возле речки — наш низенький сруб...
Помню лишь запах черёмухи давней...
Помню лишь сладость некрашенных губ...

Было ли это иль только приснилось?
Иль промелькнуло в далёком кино?
То ль — возвратилось, как Божия милость,
юным волнением, забытым давно.

Семьдесят вёсен, оставленных где-то,
сердцем услышанных этой весной,
в лунном сиянье вечернего света
знают о скором свиданье со мной...

30 апреля 2019

* * *

Одуванчики, одуванчики —
золотые ковры полей...
Эх, давай, мой друг, по стаканчику
в память наших весёлых дней!

А ведь было когда-то весело!
Как жемчужно смеялись мы!
Было нам и светло, и песенно
даже в вихрях слепой зимы.

Как-то стало, мой друг, безрадостно,
хоть всё чаще теперь — смешно.
Что-то небо совсем безрадужно.
Что-то слишком горчит вино...

Дети наши давно не лапушки —
высоки уже, далеки...
Наши девушки стали бабушки,
да и мы уж не рысаки...

Что ж, давай, мой друг, по стаканчику
в память буйной весны своей!..
Одуванчики, одуванчики...
Огоньки невозвратных дней...

11 мая 2019

* * *

Трели птиц в лесу слышны,
дни длинней, короче тени...
Мимолётны и нежны
сны цветения сирени.

Этой ласковой весной
не хочу жалеть о прошлом.
Лучше помнить нам с тобой
о недолгом, но хорошем —

о таких же звучных днях
наших бережных свиданий,
о полночных соловьях,
о словах смешных признаний...

О мгновенной, как весна,
в жизни хмурой, в доле мгливой
в синей вазе у окна
ветке нежной и душистой...

20 мая 2019

* * *

А наши не придут..
А. Шигин

Их *тут* — давно не ждут.
Им *там* — теплей и краше.
Да, «наши» — не придут.
Они уже **не наши**.

Машина, дача, спорт
и сети обольщений...
Их победил комфорт.
Им прошлое — до фени.

Распался наш редут.
И нам связали руки.
Но будут — наши внуки,
которые — придут.

Они продолжают бой,
не завершённый нами.
И гордо над собой
поднимут наше знамя.

За честь святой земли
исполнят долг Победы.
И скажут: «Мы пришли.
Здесь были **наши** деды».

4 июня 2019 г.

* * *

И снова жасминная ласка
нисходит на жаркие дни.
Влечёт эта белая сказка
забыться в душистой тени.

Забыться, исчезнуть, остаться
в сердечном цветенье былом...
Как скоро придётся расстаться
с недолгим жасминным теплом!..

Соцветий манящие очи...
Вот-вот источатся они —
июньские светлые ночи,
горячие яркие дни...

И снова под вьюжные ласки,
сквозь хмурые снежные сны
взгрустнём о сиреневой сказке
живя в ожиданье весны...

25 июня 2019

Сергей ГЛАЗЬЕВ,
профессор, академик РАН

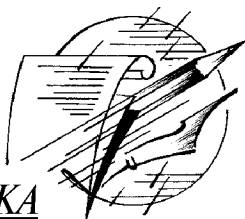
ЭКОНОМИКА КАННИБАЛИЗМА

Александр Нагорный: — Сергей Юрьевич, в мае этого года миссия МВФ посетила Россию и выдала очередной набор рекомендаций. Есть ли в них что-либо принципиально новое?

Сергей Глазьев: — Нет. Это короткий документ, смысл которого можно выразить известной со времён СССР формулой: «Правильной дорогой идёте, товарищи!»

— Но ведь другие «товарищи» идут совсем иной дорогой! Я имею в виду не только Китай, Индию и другие бурно развивающиеся страны, но и США, ЕС, Японию...

— Да, из стран «Большой двадцатки» только Россия и Бразилия проводят макроэкономическую политику в соответствии с рекомендациями МВФ. Все другие страны в ответ на глобальный финансовый кризис перешли к принципиально иной политике так называемого «количественного смягчения», суть которой сводится к резкому увеличению денежной эмиссии и снижению, вплоть до нуля и даже ниже, процентных ставок в целях стимулирования инвестиционной и деловой активности. Денежная база мировых валют с начала 2009 года утроилась, что и позволило западным стра-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нам предотвратить обусловленную сменой технологических укладов новую великую депрессию, аналогичную имевшей место в 30-е годы, а Китаю и Индии — поддержать свой бурный экономический рост. Мы же устроили себе хронический кризис, лишив, по рекомендациям МВФ, экономику кредита.

— В Бразилии это привело к социально-политическому кризису и ползучему государственному перевороту. Наши денежные власти добиваются того же?

— Следуя рекомендациям МВФ, они остановили экономический рост, поскольку повышение процентных ставок сверх средней нормы рентабельности реального сектора экономики застопорило трансмиссионный механизм банковской системы, обеспечивающий трансформацию сбережений в инвестиции. А перевод курса рубля в режим свободного плавания сделал рубль весьма ненадёжной валютой, что окончательно испортило наш инвестиционный климат. Не удивительно, что наши денежные власти уже около десятилетия не могут выполнить президентскую установку по повышению нормы накопления хотя бы до 27% ВВП. Она остаётся одной из самых низких в мире — в полтора раза ниже уровня, минимально необходимого даже для простого воспроизводства экономики. При такой денежной политике ожидать экономического роста не приходится...

— Ущерб от политики Банка России, начиная с 2014 года, вы оцениваете в 25 трлн. рублей...

— Это накопленное недопроизводство товаров и услуг по сравнению с трендом, который складывался до резкого повышения ключевой ставки и отказа руководства Банка России от своей конституционной обязанности обеспечивать устойчивость курса национальной валюты. А если сравнивать с потенциально возможной политикой опережающего развития, то эту цифру можно и удвоить. Россия могла бы сегодня производить минимум вдвое больше продукции, если бы денежно-кредитная политика была ориентирована на максимально полное использование имеющихся ресурсов. Ведь у нас нет объективных ограничений для экономического роста производства: производственные мощности загружены наполовину, сохраняется скрытая безработица, две трети сырья экспортируется, продолжается массовая утечка умов и капиталов. Именно искусственно созданная недоступность кредита стала главным ограничителем экономического роста. Мы могли бы расти сегодня с темпом не менее 8% ВВП ежегодно. Но для этого нужен рост инвестиций от 15% в год,

а значит — и расширение кредита, который является главным механизмом авансирования роста современной экономики.

— Банк России объясняет свои действия необходимостью удерживать инфляцию на целевом уровне в 4%...

— Это и есть традиционный подход МВФ. Он не учитывает главного фактора экономического роста и снижения инфляции — научно-технического прогресса. Долгосрочная стабилизация экономики в условиях острой международной конкуренции возможна только на пути инновационного развития, которое одновременно обеспечивает рост производства, повышение качества продукции и снижение издержек. Но для этого нужен кредит на финансирование инновационных инвестиционных проектов. На единицу кредитной эмиссии в успешно развивающихся странах с разумной макроэкономической политикой получают, в зависимости от мультипликационного эффекта тех или иных отраслей экономики, несколько единиц готовой продукции. Благодаря этому в таких странах кредиты возвращаются за счёт роста доходов, а монетизация экономики сопровождается не повышением, а снижением инфляции. МВФ же рекомендует под предлогом борьбы с инфляцией сжимать денежное предложение. Это всегда и везде приводило к падению инвестиций и производства. Несмотря на кратковременное снижение инфляции за счёт сокращения спроса, эта политика никогда и нигде не обеспечивала долгосрочной стабилизации. Вызывая снижение конкурентоспособности экономики вследствие падения инвестиций, она неизбежно приводила к девальвации национальной валюты и очередной волне инфляции. Мы по этому порочному кругу сужающегося воспроизводства идём уже пятый раз...

— Неужели МВФ не очевидны пагубные последствия этой политики?

— Думающим людям — очевидны. На последней сессии МВФ на руководителей Банка России смотрели как на умалишенных, но при этом хвалили за последовательное следование ортодоксальной мифологии «вашингтонского консенсуса», которую МВФ навязывает всем странам мира. Только, как я уже сказал, ни одна из крупных экономик мира, кроме нас и Бразилии, ей уже не следует. Но ведь для МВФ экономический рост и не является целью. Политика «вашингтонского консенсуса» служит интересам американских корпораций, заставляя другие страны открывать для них свое экономическое пространство и лишая собственных производителей внутреннего кредита. Она даёт возможность экономическим убийцам, как метко охарактеризовал консуль-

тантов МВФ и Мирового банка их бывший коллега Джон Перкинс, создавать условия для захвата и эксплуатации национальных богатств «туземных» стран американским капиталом.

— Но ведь США даже не скрывают, что ведут против нас гибридную войну. Зачем же мы следуем рекомендациям противника во внутренней макроэкономической политике?

— Потому что она крайне выгодна для той части нашей властвующей элиты, которая распоряжается деньгами государственной банковской системы. Когда искусственно создается дефицит, его распорядители усиливают влияние и получают власть над теми, кому этот ресурс жизненно необходим. А поскольку деньги являются универсальным ресурсом, то и власть над экономикой, которая не может функционировать без кредита, государственные банкиры получают абсолютную. Ведь значительная часть оборотных средств промышленных предприятий формируется за счёт кредитов. И заёмщики, вынужденные привлекать кредиты под процент, превышающий рентабельность производства, расплачиваются за счёт занижения зарплаты и амортизации, отказываясь от модернизации основных фондов. Все, кто занял деньги на финансирование инвестиций, по сути, оказались в долгой ловушке. Многим из них приходится отдавать свои предприятия кредиторам за бесценок. Государственная банковская система работает сегодня как гигантский насос, выкачивающий деньги и собственность из реального сектора экономики. При этом её руководители ощущают себя богатыми: ведь они управляют судьбами десятков тысяч предприятий, манипулируя условиями предоставления кредита и не неся никакой ответственности за это.

— Это делается с целью присвоения доходов и активов заёмщиков?

— В том числе. Как только в 2014 году ЦБ взвинтил ключевую ставку, резко выросло и количество банкротств. При этом, в отличие от общемировой практики, где половина неплатёжеспособных предприятий проходят процедуру финансового оздоровления, у нас идёт поголовное их уничтожение с присвоением заложенного имущества и активов юридическими и физическими лицами, аффилированными с кредиторами...

— Но это же типичное рейдерство!

— Именно так. Появился даже термин — «залоговое рейдерство»! Каждый банк обзавелся специализированными структурами по управлению «проблемными активами», карманными судами и прикормленными сотрудниками право-

охранительных органов, которые формируют сетевые сообщества по «легальному» отъёму активов у заёмщиков. Сейчас в их сетях находится около 50 тыс. предприятий с активами на 15 трлн. рублей. В настоящее время посредством криминализированных процедур банкротств они «переваривают» уже отнятое имущество на 5 трлн. рублей.

— Мы писали о типичном примере такого рейдерского захвата лучшей в Европе компании «Стальинвест», хозяина которого заманило, обмануло, посадило и обокрало руководство одного из госбанков. Но причем тут МВФ? Это ведь какая-то экономика каннибализма — банки вместо того, чтобы кредитовать развитие предприятий, выжимают из них все соки и поедают активы...

— Это побочные последствия выполнения рекомендаций МВФ, весьма выгодные распорядителям госбанков, но убийственные для экономики в целом. Тот же «Стальинвест», лишившись своего создателя, сегодня управляется как попало и работает на четверть мощности. Пройдя сквозь жернова залогового рейдерства, предприятия попадают в руки случайных людей, которые не умеют ими эффективно управлять. Резко падает конкурентоспособность экономики, которая, в конечном счёте, поглощается иностранным капиталом и приспособливается под его нужды. Сегодня уже около половины российских предприятий контролируются из-за рубежа. А свободное плавание курса рубля автоматически создаёт крупным валютным спекулянтам идеальные условия для манипулирования национальной валютой. И среди таких спекулянтов, несмотря на санкции, доминируют американские хедж-фонды, извлекающие сверхприбыли на колебаниях курса рубля к доллару, — за счёт обесценения доходов и сбережений наших граждан.

— МВФ рекомендовал не только такую финансовую политику, но и пенсионную реформу, и другие непопулярные меры...

— Разумеется, это всё из стандартного пакета их рекомендаций. Ведь «туземная» экономика должна предоставлять иностранному инвестору дешёвые факторы производства. Ради их эксплуатации и придуманы рекомендации МВФ. Этот финансовый институт и навязывает бесхитростную по своей апологетике интересов частного капитала мысль о том, что для повышения эффективности экономики нужно сокращать социальные расходы, поскольку это повышает прибыли бизнеса, позволяя ему больше инвестировать. Иными словами, для повышения инвестиций нужно сокращать потребление. Такое средневековое мышление кажется весьма убедительным для людей, которые не понимают фундамен-

тального значения кредитной эмиссии для финансирования инвестиций и научно-технического прогресса с целью повышения эффективности экономики. В современной «экономике знаний», где главным фактором роста является человеческий интеллект, экономия на социальных расходах оборачивается нарастающим отставанием, деградацией, снижением эффективности и конкурентоспособности. Исполнение рекомендаций МВФ в этой части — гарантия экономической катастрофы. Особенно в части пресловутого «бюджетного правила», требующего вывоза значительной части нефтяных доходов российского государства за рубеж в объёме до 7% ВВП. С учётом двукратного недофинансирования социальной сферы по сравнению с передовыми странами источником вывоза этих денег являются не лишние доходы бюджета, а экономия на воспроизводстве человеческого капитала, то есть недоинвестирование в развитие.

— Но это же прямой вычет из наших инвестиций, в том числе — на национальные проекты!

— Разумеется. Бюджетное правило и национальные проекты несовместимы. Если Банк России планирует в ближайшие 3 года изъять из реального сектора отечественной экономики более 5 трлн. рублей, если падают реальные доходы населения и сокращается налоговая база бюджета, то откуда возьмутся дополнительные деньги на национальные проекты? А если ещё изымать и вывозить за рубеж нефтяные сверхдоходы, то национальные проекты могут быть профинансированы только за счёт сокращения расходов по другим направлениям государственной политики. А эта операция с переменной мест слагаемых не даст никакого положительного эффекта для развития России...

— И что нужно, на ваш взгляд, делать в такой ситуации?

— Прекратить прикрывать политику разорения страны рекомендациями МВФ и перейти к давно обоснованной в Российской Академии наук политике опережающего развития, представленной на Московском академическом экономическом форуме в мае этого года. Она направлена на выполнение поставленной президентом России В.В. Путиным задачи совершения рывка в экономическом развитии страны. Пока у нас ещё остается научно-промышленный потенциал, способный, при создании соответствующих макроэкономических условий, обеспечить рост производства до 10% в год на основе нового технологического уклада.

ИА Аврора

РАСКАЗЫ

ГОВОРУХА

Десятки, сотни, а может, и тысячи лет в дали дальние торопится речка Говоруха. Словно по крутой лестнице стекает. Полотно — перекаты, полотно — ступени, и снова ровное полотно, потом опять зашумела на перекатах, а тут попала в тесные берега и взревела, заторопилась, стараясь вырваться из каменного плена. Вырвалась и постепенно успокаивается, чтобы потом опять взбунтоваться. Характер своенравный у реки. Пройдут дожди в верховьях — она вздувается, вскипает, а вырвется на равнину — успокаивается и несёт воды в дали неизвестные. Серьёзная речка, кто с ней незнаком. Но для Семёныча она говорливая, своя. И будет речка бормотать и нашёптывать, пока он ловит пескаришек да плотвичек. А бывает, путники с ночевьем останавливаются, тогда всю ночь речка шепчет и убаюкивает всех, кто оказался на берегу.

Уже много лет прошло с тех пор, когда Владимир Семёныч впервые приехал сюда. По нраву пришлись ему эти места. Каждый раз, когда выпадало свободное время, он торопился на берег. Приезжал, чтобы посидеть, поговорить с речкой. И

ПРОЗА

она разговаривала с ним, рассказывала о том, что произошло в деревне, пока его не было. Обо всём нашёптывала, кто и чем занимался, кто в деревню перебрался жить, а кто махнул рукой и укатил в город. У каждого человека своя тропка. Одни ищут лёгкий путь, а другие живут и не гонятся за призрачным счастьем, потому что они уже счастливы на своей земле, возле своей речки.

Много лет Семёныч ездил к реке, а потом решил перебраться из города в деревню. Надоела суетная жизнь, ничего не держало его в городе: ни семьи, ни детей. Один как перст, не сложилась личная жизнь. Сторговал небольшой, но добротный домик в деревушке, что была разбросана по склонам холмов вдоль реки. Правда, бывал наездами, всё не решался окончательно перебраться. Понимал, что жизнь придётся заново начинать, с чистого листа, как говорят. И тянул с переездом. Прикатит в деревню, посидит в доме, а потом подхватится и уходит к реке. Там ему было лучше. Он привык к одиночеству...

В один из дней, когда Семёныч приехал в деревню, к нему в гости зашли соседи: Анисим и Фаина Алёшкины. Лето в разгаре. Анисим зашёл, скинул глубокие галоши возле порога. Ноги грязные, разводя от края галош. Он пошевелил пальцами, дрыгнул, сгоняя ползущую по ноге муху, поправил кургузый пиджак с разодранным боковым карманом. Поддёрнул штаны неопределённого цвета. Наверное, сам давно забыл, какими они были. Снял шапку (в жару-то!), лицо коричневое, а лысина белая и пушочек кудрявится. Шагнул, мотнул головой и протянул кирзовую, ороговевшую, по-другому не скажешь, ладонь.

— Это... — он почесал седую небритую щеку и ткнул себя в грудь. — Я Анисим, твой сосед, а это моя жинка Файка.

— Здравсьте вам! — она поклонилась. — Я Фаина, баба его. Вот зашли познакомиться. А то приезжаешь и живёшь отшельником, так сказать.

Улыбнулась, прикрыв широкой ладонью рот, где отсутствовали передние зубы. Застеснялась.

Фаина росточком была под стать мужу. Высокая. Правда, фигура какая-то грушевидная, с большим оплывшим животом, плоское лицо в россыпи не рыжих, а огненно-коричневых веснушек, которые сплошь покрывали лицо, остренький носик спрятался между щеками, маленькие глазки под выбившимися рыжими волосами. Даже пальцы были усыпаны веснушками. На округлых плечах съехавшая косынка. Откинет волосы, и в ухе заметна простенькая серёжка с зелёньким камушком. Сарафан с коротким рукавом, а под ним шерстяная кофта с продранными локтями.

— Здравсьте, — сказал Владимир и обвёл рукой горницу. — А я, Владимир Семёныч. Вот, домик купил. Правда, наездами бываю.

— И правильно сделал, что купил, Семёныч! — замотала головой Фаина и, оттолкнув мужика, заглянула в горницу. — Хорошая изба, а уж люди какие хорошие живут в деревне, таких больше нигде не встретишь. Душевные — страсть! — и запнулась. — Ничего, что по-простому, так сказать?

Владимир пожал плечами.

— Зовите, как хотите.

— А, это хорошо, — опять закивала Файка. — А мы с разведкой зашли, узнать, что за человек поселился. Услышали, что избу бабки Маньки сторговали, вот и решили заглянуть на огонёк, пока опять на речку не сбежал, так сказать. Бабка Манька в город подалась к младшей дочери. А что тебя из города занесло в нашу глухомань, а?

— Речка позвала к себе, — сказал Владимир Семёныч и заметил, как заухмылялся сосед, поглаживая белую лысину. — Говорливая она. Понравилась. И природа красивая. Вот и приезжаю к ней, разговариваю. Если соберусь с духом, в деревню переберусь насовсем.

— Так у нашей речки и название подходящее — Говоруха, — захекал Анисим, поглаживая лысину, и подтолкнул жену. — Вот и я когда-то в молодости уговорил Файку на бережку. Правда, давно это было, но до сей поры живём. Можно сказать, многие там уговариваются, на бережку-то, а потом свадьбы играют.

— Эть, язык без костей! — всплеснула руками Файка и звонко шлёпнула по крутым бедрам. — Уговорил... Ещё неизвестно, кто кого заломал на том бережку, так сказать.

И засмеялась тоненько, весело, и заколыхалась, сморщившись, и без того маленькие глазки спрятались где-то между щеками среди коричневых веснушек.

— Ага, скажи ещё, на себе женила, — заворчал сосед, а потом не выдержал и вслед за женой засмеялся. — Может, и правда, что женила. Вон, какая рыжая! А рыжие — бесстыжие, как мой батя говорил, хотя сам такой же был, да у нас почти вся деревня — рыжие да конопатые. Все словно под одну гребёнку деланы...

Сказал, хохотнул и затоптался, поглядывая на соседа.

Владимир смотрел на неожиданных соседей и, к своему удивлению, радовался, что к нему пришли гости, но в то же время растерялся, не зная, что делать. Привык за долгие годы к одиночеству. Посмотрел, нахмурился, морщинки пробежали по крутому шишкастому лбу, и заторопился на кухню.

— Проходите, не стойте возле порога. Давайте по стопке выпьем за мой приезд, — сказал он и стал греметь в сумках посудой, разыскивая стопки. — Присаживайтесь.

Анисим громыхнул расшатанной табуреткой и уселся в уголок возле стола, шапку положил на колени. Увидев бутылку, причмокнул в предвкушении.

— О, глянть, Файка, какая прозрачная, — Анисим выхватил налитую стопку и поднял, рассматривая на свет. — Редко такую употребляем, больше к нашенской привыкли, а она — ух, вонючая да крепкая! Глянть, от этой даже запаха никакого, — он шумно втянул воздух, пригубил и снова почмокал толстыми губищами. — Как вода, даже не обжигает.

Едва дождавшись, когда Семёныч поднял рюмку, Анисим опрокинул одним глотком, замер, прислушиваясь, что внутри творилось, а потом выдохнул и заулыбался таким же беззубым, как и у Файки, ртом.

— Ох, мягко пошла, словно елеем по сердцу мазнули, — он почмокал и погладил по груди. — Всё на пользу, если в меру. А для мужика мера — это ведро.

И засмеялся.

Файка пригубила. Сморщилась. Ладонью помахала перед ртом. Двумя пальцами подхватила кружочек колбасы. Посидела, дождалась, когда Владимир выпьет, а потом выпила свою рюмку, сунула кусочек колбасы в рот и замычала, закатывая маленькие глазки. Понравилось.

— Сладкая, — сказала Файка. Правда, было непонятно, что сладкая — колбаса или водка. Потом взглянула на мужика и погрозила пальцем. — Симка, не балуй! Ишь, мера ведро. Опять придётся тебя тащить, — и виновато посмотрела на соседа. — Слабый он, Симка-то. С виду крепкий мужик, а две-три рюмахи пропустит и, как куль, валится. Организма такая. Не принимает градусы, так сказать.

Владимир опять наполнил рюмки. Колбасу потолок накромсал. Хлеб нарезал. И кивнул.

— Давайте ещё по одной опрокинем, — сказал он, поднимая рюмку. — За то, чтобы жилось хорошо...

— О, за это давай, — закивал Анисим и потёр белую лысину. — Хорошо жить — это хорошо!

Он подхватил рюмку, медленно выпил, сразу глаза заблестели, похорошело на душе, занюхал кусочком хлеба, вытащил из пиджачка мятую пачку, достал папироску.

— Куришь, сосед? — он взглянул на Семёныча. — Пошли, подымим...

— Отстань от человека, — заворчала Файка и широкой ладонью беззлобно вlepила затрещину. — Может, он не курит. Иди и дыми на крыльце, а в избе не смей, так сказать.

Анисим послушно поднялся, потирая лысину, и протопал к двери, оглянувшись, хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

Поправляя платок, Файка, словно невзначай, окинула взглядом кухоньку, где, кроме стола, табуреток и кастрюль, ничего не было. Поднялась, колыхнув большим животом, похлопала ладонью по обшарпанной печи. Открыла кран, вода была проведена в дом, удовлетворённо покачала головой. Заглянула в горницу: на полу несколько узлов, в углу кровать с тонким матрасом, в другом углу стол, на котором стоял небольшой телевизор, а рядом старое радио и несколько книжек вперемежку с пожелтевшими газетами.

— Печку подмажем, побелим, так сказать, порядочек наведём, а вот мебелишки негусто, — она наморщила лоб, светлые бровки удивлённо поднялись. — Что-то добра маловато, Семёныч. Видать, не нажил...

— Мне хватит, — пожимая плечами, сказал Владимир. — Кровать есть, радио тоже, печка с кастрюлями есть, а что ещё нужно?

— Ну.. — Файка задумалась, подняла голову, поглядывая на щелястый потолок. — Ну, это... Цыпляток заведи, свинку, так сказать...

— А чем кормить? — пожал плечами Владимир. — У меня за душой ничего нет, живность-то передохнет. Молочка, картошку да яйца могу в деревне купить. А остальное...

— Пора бы определиться в жизни, на одном месте осесть, а не мотаться. Вот приехал и обживайся. У нас люди хорошие, душевные. Помогут.. — и, прислушавшись, замолчала и оглянулась.

С грохотом распахнулась дверь. В избу ввалился Анисим. Шатаясь, подошёл к столу. Долго смотрел на бутылку. Словно соглашаясь, кивнул головой. Налил в рюмку. Выпил. Повернулся к ним. Хотел что-то сказать, поднял руку, покачался, пытаясь удержаться за дверной косяк, и, как стоял с поднятой рукой, так и грохнулся на пол. Шапка отлетела в сторону. Заелозил на полу, а потом захрапел — густо, протяжно, громко.

— Ну не зараза ли, — всплеснула руками Файка, шагнула к мужу, пнула в бок грязной ногой. — Пробку нюхнул и всё — расписался. От заразы такая! — Потом взглянула на соседа. — Ладно, пусть Анисим валяется. Ничего с ним не случится. Проснётся, не похмеляй его, сразу выгоняй. Ладно, Семёныч? А я побегу, хозяйство, так сказать.

Вихляя из стороны в сторону своим необъятным животом, она поправила сбившийся платок и затопала к выходу.

Так Владимир познакомился с соседями и впервые остался ночевать в своём доме...

Прежде он редко бывал в деревне. Наткнулся на неё, когда бродил по реке. И про речку-то узнал случайно. А когда узнал, решил на неё взглянуть. Приехал, побродил по берегу, посидел, послушал, как бормочут перекааты и рыба плавится на поверхности. Взглянул и остался. А потом на деревню набрёл. Маленькая деревушка, если не сказать крошечная. Всего десятка три дворов, которые разбросаны по заросшим холмам, словно рассыпавшиеся кубики, а несколько домов у самой речки. Деревенские жили своим хозяйством. Правда, коров осталось не более пяти на всю деревню, но свиной да всякую птицу держали многие. А ещё возле каждого дома были огороды. И каждую весну и осень соседи помогали друг другу: сажали, окучивали, выкапывали и закладывали на зиму. Речка рядом, рыбы много, а рыбаков маловато — раз-два и обчёлся. Ловили помногу, но всю раздавали, едва возвращались домой. Да ещё заготавливали рыбу на зиму. В бочках солили и держали на ледниках, а когда нужно было, доставали, споласкивали под водой, чтобы лишняя соль ушла и готовили.

Семёныч, бывая в деревне, заходил за продуктами, которые привозили на машине раз в неделю, если была дорога, а потом отправлялся на речку. Старался подальше уйти от людей, от жилья. Ставил палатку или шалаш, притаскивал охапку душистого сена или травы, неподалёку забивал рогатульки для котелка, приволакивал побольше дров, и несколько дней был в одиночестве, если это можно так назвать. Бывало, наловит пескариков или плотвичек, сварганит ушицу, похлебаёт, а потом уляжется в шалаше или в палатке и лежит, слушает бормотание Говорухи. Смотрел на воду и думал, что жизнь человека и его характер похожи на речку. Вся жизнь состоит из порогов да перекаатов, из стремнины и спокойной воды, и пока идут годы, река человека тоже меняется. Ближе к порогу, что свыше отпущено, становится спокойной и широкой, словно устье речное. И характер человека такой же, как сама речка. Так оно и есть...

Иной раз, бывало, забредал пастух. Присаживался возле костра, что-нибудь спрашивал, а больше молчал. И тоже всё смотрел на воду. Может, речку слушал, может, о жизни думал: люди, характеры, судьбы — это реки...

Когда Семёныч появлялся в деревне, его часто останавливали местные жители и начинали разговор — вроде издалека, с мелочей. Владимир присядет на лавку, они рядышком пристроятся и начинают расспрашивать про городскую жизнь и

работу с зарплатой, про себя и соседей рассказывали, но чаще семьёй Семёныча интересовались. А что говорить-то про семью? Дважды женился, но не получилось притереться друг к другу. Первый раз женился после техникума. Оба из детдома. Казалось бы, родственные души. Такая любовь закрутилась, хоть романы пиши. Но исчезла эта любовь, когда столкнулись с семейными проблемами. Квартиру обещали, а потом забыли. Года два-три по съёмным квартирам мыкались. Он, как молодой специалист, с работы не вылезал, а когда возвращался, бывало, что за столом засыпал — так выматывался. Жене не нравилось. Правильно, какой бабе понравится, если замуж вышла, а мужа не видит? Маленькие ссоры и обиды, большие ссоры и скандалы, которые всё чаще и чаще возникали, казалось бы, на пустом месте. Потом у жены появились подруги. Всё с ними гуляла, в кино ходила или на концерты, а потом к одной подружке на дачу поехала, к другой... Не успел Владимир оглянуться, как она уже и замену нашла ему. Собрала вещички и укатила с новым мужем. Вот и вся любовь...

Он очень сильно расстраивался, когда жена сбежала. Ис бабами крутил, и водку пил, чтобы эту боль заглушить. Советовали, будто от водки полегче станет. Нет, не стало. Но в бутылку всё чаще стал заглядывать. Может, так бы и скатился на самое дно, но случайно оказался на берегу речки. Пьяный уснул. А проснулся, почти весь день просидел на берегу. На воду смотрел, слушал её, как журчит, как шепчет, бормочет и показалось ему, что она живая, эта речка. И мог он ей всё рассказать: про работу, про себя, жену и эту самую любовь, которая вспыхнула быстро, а погасла ещё быстрее.

Потом собрался и уехал в дальние края. Всю страну исколесил. На многих великих реках побывал. Много разных людей встречал. И вторую жену там нашёл — на набережной стояла, на реку смотрела. Познакомились. Гуляли. Казалось, понимала его с полуслова. Долго не решался жениться и всё же женился. Хотел, чтобы семья крепкая была, чтобы жена любила и детей семеро по лавкам. Добрая девушка, красивая. С работы ждала. А потом тащила его на концерты, на выставки, где знакомила с нужными людьми, которые в жизни пригодятся, как она говорила. Потом ехали в ресторан, и мужики заглядывались на неё, на её фигуру. Действительно хороша она была: идёт по улице, и не захочешь, а оглянешься. Несколько лет прожили, а детишек не было. Она не хотела. Говорила, что не готова стать матерью, не хотела фигуру портить. И тыкала пальцем в соседок, смеялась, что если родит, станет такой же толстой и

неухоженной. Владимир предлагал съездить в детдом, усыновить ребёнка, знал, как ребятишки ждут отцов и матерей. Но она отказывалась: мол, не нужна эта обуза. И Владимир не выдержал. Уехал. И опять стал колесить по стране — может, счастье искал, а может, себя хотел найти. Не успел оглянуться, уже полжизни как не бывало. Работа, общага, снова работа, переезды в другие города и опять работа: и так каждый день, месяцы, годы... Мотался, пока не наткнулся на деревню, где, как ни удивительно, его всегда ждали. Радовались, когда он приезжал. И он радовался. Здесь и речку нашёл, о которой мечтал. Понял Семёныч: это и есть место, какое искал долгие годы, где всегда ему рады, где душа отдыхает...

— О, Семёныч прикатил! — всплёскивая руками, говорила Файка, хлопая по необъятным бокам, и тут же толкала мужика. — Я же говорила, Симка, что сегодня появится, а ты — брешешь да брешешь... Здорово, Семёныч!

Поднималась. Колыхаясь животом, протягивала широкую крепкую ладонь. Здоровалась.

— Здорово, Семёныч! — вслед за ней вторил Анисим, поднимаясь, и тоже совал свою кирзовую ладонь. — Опять приехал к своей Говорухе? Хе-х! — и мелко закатывался, снимал шапку и вытирал мокрую лысину. — К бабам нужно ездить, а не к речке. Речка холодная, а баба тёплая и мягкая, вот как моя Файка, к примеру.

И хватал Файку за необъятный бок.

Утробно рывкнув, Файка разворачивалась и звонко шлёпала по его лысине.

А Семёныч смотрел на них, смеялся и радовался, что его ждали и всегда ждут — души родственные.

— Что сидите? — Семёныч кивал. — Как дела в деревне?

— Говорю же, тебя ждём. Утром поднялась и толкаю своего, что ты приедешь, а он отбрыкивается — не может быть, не может быть... А у меня вот тут свербит, — она похлопала по большой груди. — Вот чую, должен появиться — и всё тут! Что говоришь, Семёныч? А, да какие дела в деревне? Работаем, так сказать. Ага... Утром поднимаешься и не знаешь, когда до постели доберёшься, а улягешься, думки одолевают: что сделали, что не сделали, что нужно сделать. И так каждый день... — Потом встрепенулась. — Да, Семёныч, мы твой огород вспахали, картоху посадили для тебя. Ага... Вон несколько грядок лука, морковки... Да ещё всякую мелочь... Зимой пригодится, всё уйдёт, так сказать.

— Зачем? — удивлённо посмотрел Владимир. — Я бы купил два-три мешка, и мне на всю зиму хватит.

— Купило — притупило, — опять затрясла ладонью Файка. — Нечего деньгами сорить, ежли своё есть. И своё — вкуснее. Да, Анисим?

И толкнула мужика, который курил папироску и о чём-то перекрикивался с соседом на противоположной стороне улицы.

— Что говоришь? — Анисим, не дослушав, кивнул. — А, твоя правда! Из магазинного может быть вкусной водка, а остальное — дрянь. Кстати, Семёныч, а ты привёз пузырёк, а? Посевную обмыли бы. Это наши бабы с мужиками постарались. Глянь, как твоя картоха всходит. Загляденье!

Он лукаво взглянул на соседа.

— Как же, обязательно обмоем посевную, — засмеялся Владимир и кивнул. — Заходите. Посидим за столом, поговорим...

Владимир всегда удивлялся, как они успевают всё переделывать по хозяйству. А ведь ещё работа! Анисим, к примеру, мотается за десять километров в лесхоз, там на станках что-то делает. А Файка с Валькой Леоновой затемно перебираются на другую сторону речки и топают в любую погоду три километра по лесной просеке к свинарнику, где возятся до самого вечера. Вернутся и опять впрягаются в работу. И так почти вся деревня. Пять стариков да три старухи никуда не торопятся, но и то, едва начинает светать, кружатся по хозяйству: козы, куры, гуси, огороды. А как же без хозяйства в деревне? Пропадёшь!

Файка вроде бы нескладная, но сноровистая баба, шустрая. Не успели мужики вылезти из-за стола, а она уже разыскала ведро, тряпку и принялась сметать паутину из углов, со стен, окна помыла, мебель протёрла, а потом выгнала мужиков, подоткнула свой неизменный сарафан, завернула рукава кофты и, несмотря на необъятную фигуру, ловко принялась мыть полы. Это в городе развозят грязь швабрами, а в деревне принято мыть руками. И Файка, вихляясь из стороны в сторону, ловко шваркала мокрой тряпкой по широким половицам. Потом согнала мужиков с крыльца, отправила на скамеечку возле двора, а сама разыскала косырь, отскоблила полы, промыла, насухо протёрла. Спустилась к лужайке, нарвала травы, связала пучками и разложила по углам. Вкусно, духмяно.

Потом вышла на улицу, уселась на крыльцо, расставив толстые ноги, вытерла вспотевший лоб и стала обмахиваться косынкой. Устала.

— Умаялась, Файка? — выглянув из-за забора, участливо сказал Анисим. — Аж пот в три ручья льётся.

— Это же не рюмку поднимать, — не удержалась, съязвила Файка, а потом хохотнула и веснушки побежали по лицу.

К мужикам подошёл дед Нестор.

— Дед Нестор, здоров был! Помогать пришёл, да? Показывать, где банка с перваком стоит?

Дед Нестор — маленький, высохший старичок, лицо с кулачок, в пиджаке с подвёрнутыми рукавами, на котором блестел какой-то значок, из-под застёгнутого пиджака видна рубашка на выпуск, штаны заправлены в шерстяные носки и в галошах, а на голове военная фуражка с козырьком. Старик приложил ладонь к уху, прислушиваясь, взглянул на Файку, потом на мужиков.

— Слышь, Анисим, когда свою бабу образумишь? — нахмутив кустистые брови, громко сказал он и погрозил пальцем. — Ишь, совсем распустилась! Вот уж гляди у меня, ежели родной мужик не может приструнить, тогда я возьму кнут и задам тебе перца!

Владимир посмотрел на них, словно спрашивал, что произошло.

— Ай, — Файка хохотнула и махнула рукой. — Осенью, когда убрали картоху, дед Нестор пришёл помогать, так сказать. Покрутился возле нас, потоптался, а помощник-то плохой: ни лопату взять, ни ведро принести... Когда сели передохнуть, говорю ему: мол, принеси банку с перваком, я приготовила, да на столе забыла. Отправила. Ждём-пождём, а деда нет и нет. Захожу, а дед Нестор лежит на полу в обнимку с банкой и храпит, аж стены трясутся. Зараза, отпил и тут же упал! А первак у меня — ух, какой, быка свалит! Видать, лишку хлебнул. И свалился. Ладно, хорошо хоть банку не разбил. Обхватил её, как клещ вцепился, едва смогла забрать. Сам падай, а банку спасай, так сказать.

И засмеялась тоненько, визгливо, протяжно.

— Вот, говорю же, не баба, а язва первостатейная! — дед Нестор ткнул пальцем. — Никакого покоя от неё. Как встречается, так и тычет, так и напоминает. Да я выпил-то глоточек, решил пробу снять, так сказать, даже вкуса не успел почуять, как ноги ослабли и я свалился. Видать, организма слабая стала, а раньше, бывало, ух как принимал на грудь, а сейчас... — Он махнул рукой, а потом ткнул в Файку. — А она до сей поры житья не даёт. Совсем загрызла из-за одного глоточка. Все бабы такие, все! Ты, Володька, правильно сделал, что не женился. Это не бабы... Это чудища заморские с клыками! Я и бабушку свою так называю — чудо-юдо. Ага, вот...

И запыхтел, рассердившись.

А Файка ещё громче закатилась, зашлёпала по толстым ляжкам.

— Ладно, дедка, не серчай, — махнула рукой Файка. — Я ж не со зла, а так просто, чтобы настроение поднялось, так сказать. Вон Семёныч приехал — это же хорошо. Посидим, поговорим, и душа радуется. Да, Анисим?

— Что говоришь? — Анисим вытянул шею. — А, да, правда твоя! Слышь, Семёныч, а что не переезжаешь-то, а? Домик взял, а сам туда-сюда катаешься, только деньги зазря переводишь. Ты же говорил, что один живёшь. Ни семьи, ни детей... Болтаешься по жизни, как коровья лепёшка в проруби...

— Ну, сказанул! — повысила голос Файка и звонко, привычно влепила затрещину. — Дед Нестор, что говорю-то, вон Семёныча уговариваем в деревню перебраться. Дом купил, а сам в городе пропадает. Определился бы, так сказать...

— Что? — морщинистое лицо старика ещё сильнее сморщилось, он приложил ладонь к уху и опять взглянул на Файку. — Что болтаешь, а?

— Что-что... глухая тетеря, — буркнула Файка и повторила громко: — Семёныча уговариваем, чтобы к нам переехал.

— Так у вас же изба маленькая, — ткнул пальцем старик. — И семеро по лавкам. Пусть ко мне перебирается. Я же вдвоём с бабкой живу. Всем места хватит. И веселее будет...

— Эть, глухарь, — отмахнулась Файка и повернулась к соседу. — Что скажешь, Семёныч?

Владимир оглянулся, посмотрел на деревню. Красивая она. Небольшая. Домики на холмах словно игрушечные. Возле каждого огорода — ровные, зелёные, ухоженные. И лес. На другом берегу сосны — огромные, толстенные, красивые. Стоят, вытянувшись, речку стерегут. А здесь разрослись дубы да берёзки. Дубы кряжистые, будто мужики заматерелые. Раскинули свои кроны. Ни солнце, ни дождь не пробивается сквозь листву. Всегда прохладно, всегда полумрак, лишь ветер шумит в кронах. А берёзки светлые, чистые, прозрачные. Растут, словно девчонки хороводы водят. Одна за другую цепляется и ведут, уводят по склонам холмов и ярко в них, зелено и прозрачно. И речка-говорунья. Сама чистая да стремительная. С весны, едва лед сойдёт, и до осени, до ледостава бормочет, звенит на стремнине да перекатах и ласково нашёптывает в заводях и на плёсах. Там и сям кустятся заросли по берегам, есть мелководье, где каждый камушек заметен под спокойной и чистой водой, где мальки-сеголетки греются под солнцем и тут же скрываются, если сюда забредёт щука-хищница.

Но есть и тёмные бездонные омуты, где до дна не достанешь, и живут в них преогромные рыбыны, и даже, как говорят, видели русалку. По вечерам, когда солнце скроется за

Егорьевскими холмами, там лучше не купаться, а то русалка может утащить в глубину. Опутает она, закружит и пропадёшь. А пониже деревни начинаются перекаты. Вода бурлит, бормочет, но за дальними поворотами успокаивается, вишь раздается, затопляя низкие места, и становится медлительной, степенной и неторопливо журчит, а если ветер потянет, белые барашки гуляют по реке. Дальше берега вновь сужаются, становятся обрывистыми и снова речка, словно с цепи срывается, показывая путнику свой нрав...

И люди в деревне живут не такие, как в городе, а проще и чище, и души у них светлые, грязью не запятнаны. Они привыкли жить для других, а не для себя. Они поделаются всем, что у них есть, придут на помощь всегда, когда нужно и помогают легко, словно так и должно быть. А может, и правда, человек так и должен жить? Жить и творить добро прежде не для себя, а для других, как принято здесь, в этой деревне. Принято не ими, а предками, теми, кого уж давно нет и чьи имена забыты, а внутри, в душе заложено сочувствие к ближнему.

Семёныч вздохнул. Посмотрел на соседей. По пригорку протарахтел мотоцикл. Это Андрейка Дёмушкин помчался в соседнее село. Видать, мать отправила. Вон, рюкзак за плечами. Наверное, в магазин... К скамейке подошёл старик. Это Иван Мелентьев. Жену похоронили, так и живёт один. Дети звали к себе, отказался. Негоже покидать места, где родился и вырос, где отцы и матери похоронены. И старик остался, чтобы докуковать свой век. Дед Иван стоял и тоже смотрел на Семёныча. Наверное, соседи рассказали, а может, уже давно разговор был в деревне, чтобы Семёныч сюда перебрался. Кто его знает...

— Думаю, пора переезжать, — после долгого молчания подытожил Владимир. — Пора новую жизнь начинать. Правду говорите, меня ничего в городе не держит. И никто. Сюда приезжаю, и душа отдыхает, радуется. Договорюсь с шофёром, и вещи перевезу. Правда, пока не знаю, чем буду заниматься.

И посмотрел на соседей.

— Был бы человек, а дело всегда найдётся, — сказал старик Мелентьев. — Вон будешь рыбу ловить, к зиме дрова готовить. Зимы суровые, долгие. Дров много нужно. Рыбу умеешь солить, как мы заметили. Вот и станешь помогать, а остальным делам научим. Бабы с огородом помогут. Ну, там, прополоть, окучить... Осенью на помощь придём, выкопаем, да в погреб уложим. А захочешь работать, можешь в лесхоз пойти. Будешь вместе с Анисимом доски тягать да за станками стоять. Без работы не останешься. Она сама тебя найдёт.

— Ай молодец, Семёныч! — всплеснула руками Файка. — Вот уж наши обрадуются! Ты, Семёныч, не беспокойся, мы всегда рядышком, всегда поможем. В любое время покричи, позови, и мы придём, так сказать. Да, Анисим?

И толкнула мужика.

— Что говоришь? — встрепенулся Анисим и стащил с головы потёртую шапку — сразу бросилось в глаза его тёмное лицо и белая, даже какая-то голубоватая лысина. — А правда, Файка, истинная правда! Танька Ерохина намедни тобой интересовалась. К чему бы, а? По деревне слух прошёл, будто вас видели на берегу. Что там делали, а? Таньку уговаривал, да? — посмеиваясь, он покосился на Семёныча. — И Серовы с Нилиными спрашивают, и бабка Матрёна. А дед Кислота вообще проходу не даёт. Как встретит, так начинает про тебя расспрашивать. Видать, по нраву пришёлся. Всё нам рассказывает, как его от смерти спас, всю свою кровушку до последней капельки отдал и последнюю рубаху с себя снял. А мы, будто растерялись, заохали-заохали и палец о палец не ударили, чтобы деда Кислоту спасти. Ну, ему трудно угодить, не зря же прозвали так: Кислота, он и есть Кислота...

Деда Митрича в деревне все называли Кислотой за его неспокойный, вредный и ехидный характер, за то, что влезал везде, где не нужно, что чихвостил любого, кто под руку попадётся и всё с ехидцей. Всё норовил носом ткнуть да по сильнее и поглубже, а если вставишь слово поперёк, жизни не даст, днём и ночью покоя не будет. Наверное, таких, как дед Кислота, в каждой деревне можно встретить. Семёныч познакомился с ним на речке, когда сидел в шалаше, а дед Митрич неподалёку траву косил. Видать умаялся на жаре, солнце башку напекло. Ну и того, крутнулась коса в руках, и располосовал ногу почти до колена. Заблажил на весь берег, заматерился. Такие этажи выстраивал! Откуда слова находил! А Семёныч сидел в шалаше и не мог понять, что произошло. Думал, старик косу поломал, ну, в крайнем случае, ногу подвернул или руку потянул, махая косой-то. Но потом почудилось, что дед Митрич голосом ослабел. Семёныч подошёл. Глядит, старик на траве валяется. Вокруг кровищи — ужас! Ну, Семёныч выдернул ремень, потуже перетянул ногу ему, рубаху разорвал, перемотал, а потом на спину взгромоздил старика и пустился в деревню. Пока добрался, тот уже в беспомощности был. Машину подогнали, старика загрузили, и Семёныч стал подгонять шофёра, чтобы быстрее мчался. Добрались до больницы, дед совсем заплохел, еле дышал. И опять его подхватил на руки и быстрее к врачам. Да ещё пришлось кровь сдавать. Семёныч вышел из больницы и не удер-

жался, прямо возле дверей в бессилии на землю так и сел. Голова закружилась. Потом врачи сказали: ещё бы чуточку позже приехали — и всё, старика бы не спасли.

С той поры дед Кислота называл Семёныча своим спасителем. Всем говорил, как тот его на горбе аж до самой больницы тащил, и отрезанную ногу в руках держал, и не отходил от него ни на шаг, дневал и ночевал на половичке возле кровати. И кормил его всякими фруктами заморскими, и даже заморское вино приносил, чтобы кровь быстрее по жилам пробегала. Семёныч хмыкал, слушая историю старика, обросшую небывалыми подробностями. Ладно, пусть говорит, что хочет, главное — успели спасти...

С той поры дед зачастил к нему. Так, словно случайно мимо проходил, заглянет, покурит на крыльчке, невзначай забудет десяток яиц, баночку сметанки, а то шматок сала принесёт, а однажды приволок живого гуся, чтобы Семёныч его в город забрал, а там уж оприходовал. Хороший старик, душевный, только с виду ершистый.

— И бабу тебе найдём, — тоненько засмеялась Файка, шлёпая по своим бёдрам. Потом посерьёзнула. — Вон Танька Ерохина по тебе сохнет. Ага, так и стреляет глазками, когда приезжаешь. Хорошая баба, душевная, а живёт без мужика — это не годится. У каждой бабы должен быть мужик. Ага... Не бойсь, Семёныч, сосватаем! Ты же ещё не старый, так сказать. Вон, какой здоровущий! Не дело, когда без семьи. Детишки нужны. Состряпаете. Состаришься, будет кому стакан воды подать, а то живёшь непонятно для чего. Слышь, Семёныч, а почему детей не народил? Здесь все свои люди, — так, словно невзначай, спросила Файка. — Признайся, может у тебя того... — она кивнула на него и неопределённо махнула. — Ну, бывает же всякое в жизни, так сказать...

— Дура, что болтаешь-то! — рявкнул Анисим. — Постыдилась бы...

— А что тут такого? — Файка округлила маленькие глазки. — Это жизнь. Вспомни, как с тобой в бане мылись, — она хохотнула, толкнула мужа, а потом взглянула на Семёныча. — В баню пошли с ним. Попарились, уже мыться стали да ополаскиваться. Анисим протягивает ковшик и говорит: «Плесни!» А мне почудилось — сполосни. Я посмотрела на него. Удивилась: сам, что ли, не может ополоснуться. Лодырь! Ну и того... Взяла ковш, а воду не потрогала и плеснула, а там кипяток оказался. Не целила, а попала туда... Куда-куда... Прямо туда! Анисим рявкнул, а потом сиганул из баньки, аж дверь с петель снёс. И как был голышом, так и помчался к речке. А там наши бабы постирушки устроили. Он мимо них

пролетел, блажит дурным голосом. Сиганул в речку, только задница мелькнула. Все бабы в лёжку лежали, а бабка Дарья клялась-божилась, что успела его хозяйство на лету разглядеть, когда через неё прыгнул. Говорит, хороший мужик, крепкий, — и Файка закатилась, хлопая по толстым ляжкам. — Не жалею, мужик-то хороший, а там, куда кипятком попала, всё пузырями покрылось. Думала, отвалится. Долго лечила. Всякими мазями мазала да примочки ставила, да его жалела, обнимала да голубила. Видать, понравилось. Едва болячки прошли, Симкино хозяйство заработало. Да так, словно молодость вернулась! Ну и того... На старости лет последышка, младшенькую доченьку выстругали, так сказать. Хорошая девчонка растёт, смышлёная. В нас пошла. Видишь, как в жизни-то бывает. Может, Семёныч, и тебе плеснули? Поэтому и ребятишек не народил. Ты уж скажи...

И Файка заколыхалась, тоненько засмеялась.

— Не баба, а настоящая язва! — рявкнул Анисим, потом взглянул на мужиков. — А я думаю, дома нужно с бабами спать, а не шляться по белу свету. Мотался по жизни — ни себе, ни людям, — ткнув корявым пальцем вверх, громко сказал Анисим. — Вон, глянь по деревне, в каждой семье пять, семь ребятёнков, а у некоторых ещё больше. И знаешь, почему? Да потому, что бабу от себя ни на шаг не отпускаем. Вон сколько настрогали. И все живут! Никто с голоду не помер, наоборот, одна польза для семьи. Вот вырастешь детишек, они уедут куда-нибудь, а потом прикатят в гости, и такую гулянку устраиваешь — дым коромыслом!

— Да уж, правду говоришь, — вступил в разговор дед Митрич. — Вон к Петряйкиным сынок приезжал, так гуляли, так кутили целую неделю, аж всю живность, какая у них была, всю сожрали. Даже косточек не осталось. А соленья-варенья — это без счёта. Все припасы под метёлку. Ага... А сколько выпили — ужас, я подсчитал: можно было целых два года каждый день по стаканчику опрокидывать и ещё бы осталось. А они угощали всех, кто в избу заходил или мимо проходил. Хорошие люди, душевные... Вот это гуляли, мы понимаем! А сынок укатил, Петряйкины зубы на полку. Всей деревней помогли до нового урожая дожить. Зато как встретили, на всю жизнь память останется. Что говоришь, Семёныч? Нет, ты ошибаешься, в нашей деревне не пьют. У нас гулять любят.

— Что ни говори, мужики, а у нас хорошие люди живут в деревне, душевные. И жизнь хорошая была и есть, — сказал старик Мелентьев. — Если взять меня, я никогда не жаловался на свою жизнь. Войну прошёл, голод и холод, всё по-

видал, всё испытал. Всякое в жизни бывало, а не жаловался. И вот дожил до старости, смотрю на всех, и душа радуется, что вокруг меня люди хорошие. Ага... Вот взять тебя, Файку с Анисимом, даже взглянуть на нашего деда Кислоту — он ведь только с виду вредный. Вот подумайте, сколько всего у вас было в жизни, через какие препятствия прошли, что видели, с чем столкнулись, а сейчас сидите и радуетесь жизни. А почему? Да потому что вокруг люди хорошие, которые всегда на помощь придут. Ага... — Он махнул рукой, обводя деревню, а потом ткнул пальцем вверх. — Придёт наше время, порог переступим и уйдём туда, где нас ждут мамки с папками и дедки с бабками. И такая дорога у всех. Ага... Жизнь похожа на нашу речку Говоруху: вода течёт, и наши годы идут, — старик Мелентьев посмотрел на Семёныча, словно в душу заглянул. — От истока до устья вода прошла и состарилась, а на её месте уже новая течёт. Так было всегда. Каждый день, каждую неделю, месяцы, годы — без конца.

Старик Мелентьев замолчал. Смотрел куда-то вдаль. И все сидели и молчали. Наверное, думали о своём, сокровенном, о судьбах, сплетающихся в один жизненный круг. И о речке Говорухе, которая пережила многих. И скольких ещё переживёт...

КРУГИ СВОЯ

Городок засыпал. По освещенным улицам торопились редкие прохожие, скрывались в темных дворах и хлопали двери в подъездах. Все спешат домой. Ночь над городом. Проезжали машины. Ехали неспешно, словно опасались потревожить тех, кто, умаявшись за долгий день, готовился ко сну. Некоторые засыпали, едва коснувшись подушки, другие прикорнули, и при любом шорохе, открывали глаза, чтобы взглянуть на часы. А иным не спалось, они прислушивались к звукам за окном и думали, перебирали жизнь по дням и событиям. Так и Иван Фалугин лежал и вспоминал, всё раскладывая по стопочкам, а они росли, в прожитые годы превращаясь...

Вечерами в тихий дворик, заросший черемухой, приходил парень. Дожидаясь Таньку Самсонову, свистел соловьем, с местными птахами развлекался, их передразнивал и с ними разговаривал. Вот разнесется трель и тишина — это он ждет, чтобы какой-нибудь соловей откликнулся. Свистнет и снова притихнет, а потом как завернет, как защелкает, даже не верится, что это не птаха малая, а Танькин хахаль вытворяет. И соловьи не выдерживали, вторили ему, и несли свои песни

над городскими улицами, над всей округой. Потом, когда Танька выходила, они до рассвета просиживали на скамейке под окнами Ивана Фалугина. И всегда, услышав за окном знакомую соловьиную трель, старик Фалугин почему-то радовался в душе, но в то же время виду не подавал, а наоборот, хмуро сводил брови к переносице и начинал бормотать.

— Вот сейчас подниму Танькиных родителей, и пусть всю ночь слушают, а этому хахалю, Сережке, накостыляю по загрявке, ежели повстречается. Ишь, соловей нашелся! Ладно, хоть не разбойничает, — Иван Фалугин бубнил, грозно хмурия седые брови.

Выговорится, выпустит пар, а потом сидит на кровати, прислушиваясь к тихим голосам под окном, к приглушенному смеху, к торопливому шепоту, к недолгой тишине, и опять раздавались голоса. Иван вздыхал, скрипел старыми рассохшимися половицами, пересаживался на табуретку возле окна и курил папироски.

Иван Фалугин курил и думал. Цветные пятна, словно кусочки мозаики, мелькали перед глазами, когда крутишь игрушку — калейдоскоп. Некоторые пятнышки исчезали: мутные, непонятные и пустяковые, а другие начинали складываться в картинку. Казалось бы, крутились мысли ни о чем, но в то же время он думал о жизни, о завтрашнем дне и вспоминал прошлое, словно возвращался на круги своя. Иван поднялся, звякнув графином, налил воды и выпил, потом подошел к окну. Громыкнуло. Прокатилось по небу. Сверкнула молния, но где-то вдалеке. Зашумели деревья. Порывом ветра пригнуло кусты. Опять заскрежетало: медленно, протяжно, словно камни ворочают. И тут же тьму располосовала молния. Слепила. Следом еще одна чиркнула по небу и снова в небе рокотнуло. Вовсю заливались соловьи, а потом, испугавшись, смолкли. Ветром донесло густой горьковатый запах черемухи, что разрослась под окнами, где на лавке сидела Танька с ухажером. Прохладой потянуло в ночи. Свежий ветерок пробежал по кустам. Опять заскрежетало. Танька взвизгнула, когда вспышка ослепила ее. Затормошила Сергея, и они припустили к подъезду, а на землю упали первые тяжелые капли дождя и, приближаясь, зашумел ливень. Иван вздохнул, опять перед глазами замелькали картинки, но другой ночи. Почему-то, она всё чаще стала напоминать о себе. Вспомнилась душная и беспросветная долгая ночь, с обложными тяжелыми облаками, нависшими над округой, но без дождя и с таким же плотным запахом черемухи над рекой и округой, как сейчас за окном. Ночь из далекого прошлого...

Светало, когда отец поднял его. На рыбалку собирались. Рыба косяками шла, и батя хотел на всю зиму заготовить. Так было принято в деревне. День год кормит, как у них говорили. Младший братишка, Петруха, тоже увязался. Очень уж хотелось ему соловьев подразнить. Вроде бы еще маленький, но так научился свистеть, что любую птицу в округе мог передразнить. Бывало, усядется на крыльцо и ну давай приманивать пернатых. Пташки со всей окрестности слетались на его свист. Петька, словно понимал язык птичий. С ними переговаривается, а сам смеется, заливается. И Петька увязался за ними. Отец взял его, а потом до последнего дня корил себя. Весь день помогали. Младший, Петруха, во все стороны головой вертел и, услышав пение птиц, бросал работу (маленький еще, бестолковый) и начинал посвистывать. А они отзывались, всё ближе и ближе на кусты садились и выводили такие трели, что отец не выдержал и, когда Петька в очередной раз остановился, бросив загонять рыбу, отправил его на берег, чтобы под ногами не путался. Петька выбрался на берег, развалился на траве, недолго посвистел-подразнил, а потом притих — уснул.

Духотища. Весь день натягивало тяжелые облака, словно гроза приближалась. Где-то громыхало, но вдалеке над рекой нависли темные тучи, а дождя не было. Разметался на берегу братишка, разоспался. Кое-как добудились, когда смерклось. Отец ушицу сварганил. Похлебали. И прилегли возле костерка. Иван сразу засопел, а батя еще налаживал снасти, потом прилег на траву и не заметил, как уснул, а Петька остался возле костра. Всё сидел, соловьев передразнивал. А ночью отец вскинулся. Показалось, кто-то закричал. Смотрит, младшего нигде не видно. Бросился вдоль берега. Зовет сына. Петька не отзывается. Долго метался батя, освещая кусты, нависшие над рекой, темную воду, но Петьки не было. Сердцем почуял, что пришла беда. И тогда отец закричал: сильно, протяжно и больно. Ивану велел мужиков на помощь звать, а сам опять стал метаться вдоль реки и разыскивать сына.

Иван помчался, а отовсюду неслись соловьиные трели, словно птицы старались перепеть друг друга или что-то рассказать хотели... Мгла вокруг, хоть глаз выколи. Вытянутой руки не видно. И он бежал, задыхаясь, по земле, над землей и внутри ночи, чувствуя терпко-сладковатый запах трав и горьковатый запах черемухи, которой в округе было немеряно, и когда она цвела, над деревней нависали черемуховые облака. Этот запах он запомнил на всю жизнь, а еще соловьиные трели, которые сопровождали его, дорожку указывали.

Он падал и поднимался, бежал и задыхался, переходил на шаг, но опять срывался и мчался, пока не добрался до деревни. Глухая ночь. В редких домах виднелся тусклый свет или огоньки лампадок. Иван перевалился через забор, вскарабкался на завалинку и заколотил в окно, поднимая соседей. Бросился к другому двору, и там забарабанил, потом к третьему, четвертому... И так, пока не поднял мужиков и не разбудил мать. Он кричал во все горло, а потом помчался обратно, показывая дорогу. И опять закричал: тоненько, протяжно и больно.

Всю ночь мужики с баграми и бреднями мотались по реке, бороздили омутки и заводи. А нашли Петьку неподалеку. Буквально в двух шагах от стоянки. Под вывороченное бревно-топляк затянуло, где запутался в корнях, зацепившись рубашонкой. Достали его, на берег вынесли и положили возле костра на траву. Подбежал Иван, увидел отца, который сидел на бревне и не двигался, смотрел куда-то в черную ночь и беззвучно плакал, а глаза были сухие. И рядом с ним, на охапке повядшей травы лежал братишка: бледный, темный чубчик прилип ко лбу, с синюшными губами, и какой-то вытянутый, словно успел подрасти за это время, пока Иван бегал в деревню. Следом в ночи разнёсся долгий протяжный крик — это мать заголосила, увидев младшенького, и схватив на руки, запрочитала еще громче.

И были тихие похороны. Несколько стариков и старух, кто-то еще заходил... Темные одежды, скорбные лица, разговоры ни о чем. Запах ладана и воска. Бабка-читалка с потрепанной книгой возле небольшого игрушечного гробика, который сколотил одноногий сосед, дядька Арсений, а в гробике лежал Петька: чистенький, в новенькой рубашке в мелкую клеточку (почему-то запомнилось), руки на груди, а на лбу какая-то полоска. Мать с отцом замерли на табуретках. Старшая сестра забилась в угол и молчала, ни слезинки не проронила. Иван не помнил, как прошли похороны, близкие соседи крестились и проходили в избу, чтобы помянуть братишку, но всегда перед глазами Ивана Фалугина вставали лица отца и матери: осунувшиеся, почерневшие и угасшие.

Мать не смогла смириться со смертью младшенького и разболелась. Сильно. Так расхворалась, что отец бросил работу и хозяйство, и они перебрались в соседний городок, где народу больше, где побольше забот: как ни странно, на общем фоне городской и торопливой жизни как-то незаметно начинает исчезать печаль на сердце, и на душе становится немного полегче, нежели там, в деревне, где каждый куст,

каждая игрушка или вещичка напоминала о брате и сыне. Но прошло несколько лет, Ивана после техникума призвали в армию, а родители опять вернулись в деревню. Не дело, когда живые забывают мертвых.

Отслужив в армии, Иван Фалугин не захотел возвращаться в город, где пришлось бы скитаться по общежитиям и столовкам — суета да и только, а вернулся в деревню, к родителям. Неделю отсыпался и отъедался на домашних харчах, нигде не появляясь. Потом устроился механиком в гараж и как с цепи сорвался, закуролесил, загулял, изредка появляясь дома, чтобы переодеться или отоспаться. Высокий был, статный, косая сажень в плечах. Девки заглядывались на него. И он не обходил их вниманием. Не кружил головы девочкам, ничего не обещал, а они не спрашивали, но привечали его ночами. Когда вволюшку накобелился, отец сказал, что надо жениться, и ткнул в сторону соседки, Маруськи Демушкиной, что будет ее сватать. Раз батя велел, значит, так тому и быть. Слово отца — закон для семьи. Хорошая девка, хозяйственная. Всё в руках горело. Батя не ошибся, на нее указывая. Иван ни разу не пожалел, что послушался его и женился. А любовь... Иван как-то не задумывался. Да и не говорили про нее, как ему казалось.

Столько лет с той поры пролетело. Разве сейчас вспомнишь. Иван Фалугин вздохнул. Покосился на жену. У Марии не было родителей. Её отца, давно уж снесли на мазарки, а мать уехала за длинным рублем, устроилась где-то на краю земли и не вернулась. Исчезла. Подавали в розыск, но затерялись следы. Сгинула мать, словно ее и не было на белом свете. Бабка Люба воспитывала, на ноги ставила Маруську. Хозяйственная девка выросла, даже красивая, как болтали в деревне. Месяц-другой погулял с Марусей, в кино водил, на танцы в клуб, а осенью, когда убрали урожай, расписались в сельсовете. Вот и вся любовь.

Правда, что-то такое появилось у него в душе, чего не мог объяснить себе, а сердце, словно в кулак сжимало, когда она рядышком присаживалась. Иван неуклюже погладит по плечу, прижмет ее к себе и молчит. А вечерами, после работы, он отмахивался от мужиков, которые направлялись в пивнушку или в магазин за бутылкой, и торопился домой, где жена ждала. Детишек нарожали. Закрутилось колесо жизни: дом, работа, в выходные к матери с отцом, чтобы помочь по хозяйству. А если вырывались в город, брали с собой ребятишек, театров не было, но в музее бывали или в кино ходили, а еще любили цирк, где вволю смеялись над клоунами, а затем в парке или в кафе ели мороженое. Много. Всей семьей. Потом

возвращались в деревню и снова начиналась жизнь по кругу: дом, работа, родители...

Пролетели годы, уж порог близко, а он не помнил, когда в последний раз с Марией разговаривали про эту самую любовь. Да и нужно ли? Просто жили, как должны жить люди, ребятишек на ноги поставили, выучили, женили и замуж выдали, у каждого своя семья, а они остались вдвоем век доживать. Оглянешься, а позади долгая жизнь без конца и края, и всегда были вместе, и никогда не расставались. Горести и радости — всё пополам. Странные мысли в голову лезут, непонятные. Иван Фалугин вздохнул и покосился на спящую жену.

— Слышь, Марусь, проснись-ка, что хочу сказать, — заговорил он и дотронулся до плеча. — Ладно, не ворчи... Вот сижу и нашу жизнь вспоминаю, как гуляли с тобой. Не забыла? Мы же никогда не любились, даже не говорили на эту тему. А ты — раз и вышла замуж за меня. Почему? Может, понравились друг другу и всё? Или боялась в девках засидеться? Поэтому согласилась, когда сваты пришли. Парней-то маловато было. Все они в города подались, пижонами заделались. Вот сижу и не знаю, как бы объяснить... — Он пожал плечами. — Слов не хватает. Не умею говорить за эту любовь, да и нужно ли... — Иван опять пожал плечами и взглянул на жену. — Ведь слова — это ветер в поле, а надо, чтобы вот здесь сжало, так заколотилось сердце, чтобы ни дня, ни минуточки друг без друга, — это главное в жизни, а не пустая болтовня. Мне кажется, что так должны жить люди. Мы не гуляли, не любились, три раза в клуб сходили, возле речки посидели и всё на этом, потом взяли и женились, но в то же время, если посмотреть, целую жизнь с тобой прожили. Может, раньше время другое было, а, Марусь? Не знаю... Сижу, годы раскладываю по полочкам, словно странички перелистываю, а в башку всякие мысли лезут. Почему, а?

— О, с ума сошел, старый! — всплеснула руками жена. — Глухая ночь на дворе, а ты нашел время разговоры разговаривать. Годы на закате, порог перед глазами, а ты вспомнил про шашни, — сказала и опять заворочалась на кровати, поудобнее устраиваясь. — Никому покоя не даешь. Дня ему мало. Спи, сказала... — И протяжно зевнула.

— Ну погоди, Марусь, — не унимался Иван Фалугин. — Вспоминаю, как на берегу речки сидели, пока не рассветало. Тебя доведу до калитки, потом на работу бегу. Даже не забыл, как гребешок подарил, такой вот с дырочками, сам темненький, а сверху светлая полосочка была — это я в сельпо покупал. Помнишь? Даже странно, почему такая мелочь выплы-

ла. Видать, вся наша жизнь состоит из мелочей. Сватать приходили. Твоя бабка Люба сидела и плакала. Свадьба была и родня гуляла. А я первый раз поцеловал тебя, когда «горько» закричали, ты же не подпускала до свадьбы, а любились ли... — И, сгорбившись, задумался.

Жена лежала, молчала и не знала, что ответить ему. И то правда, годы пролетели, она не заметила. Вроде как вчера еще были молодыми, а гляди ты, уже дети выросли и разъехались, уже внуков привозят: носятся по дому — дым коромыслом. А они с дедом сидят и радуются, поглядывая на них. Возможно, что-то еще этакое есть в жизни — самое главное, чтобы вот так, не разлучаясь, до старости быть вместе, как они прожили. Всё может быть...

— О, дурной, — не удержалась она и привычно заворчала. — Ночь глухая, а тебе в бошку лезут всякие мысли. Выбрось и спи!

— Не получается спать-то, — Иван Фалугин достал папироску и задымил. — Сижу, годы перебираю, уже порог близко, а вспоминается детство, наше прошлое. Может и правда всё возвращается на круги своя, а, Мария? Родились, жизнь прожили, детей вырастили, а потом, когда порог перед глазами, хоть в думках своих, опять оказываешься в детстве и в доме, где вырос и откуда в жизнь ушел. Вот и получается, что листочки жизни перекладываю. Одни в сторону отбрасываю, а другие в стопочку складываю, а стопка растёт, всё больше и больше становится. К чему это, Марусь? Твою бабку Любу помню. Хорошая старуха была. Тебя на ноги поставила, а после нашей свадьбы легла отдохнуть, в комнату зашли, а она не дышит. Легко ушла, значит, добрая душа была. Вот братишка перед глазами. Казалось бы, столько лет прошло, должно исчезнуть, стереться из памяти, словно и не было его, но каждую мелочь помню из той ночи, когда он утонул. И как бежал в деревню и как соловьи заливались, когда мчался по кустам, и этот горький черемуховый запах. Прямо как сейчас за окном. Так же пахло: густо, тяжело, удушливо. Вон, чуешь, Марусь? Там на скамейке Танька с ухажером шепчутся, влюбляются, видать, дело к свадьбе, а у меня в душе ворохнулось и тянет, и сосет, не отпуская... Они второе лето любят, а может, и третье — уже не помню, надышаться не могут друг на друга, осенью свадьбу сыграют, как Сережка сказал, и нас, и всех соседей обещал позвать, а у нас-то и времени не было на эту самую любовь, но мы всю жизнь прожили, всегда вместе и никогда не разлучались. Я раньше не задумывался об этом, а сейчас лезут мысли и лезут, и никуда не денешься от них. Даже не по себе становится. К чему это, а, Марусь? Устал я, правда...

— Как же без любви-то, Ванюш? — пожала плечами Мария и поправила бретельку. — Ведь баба раньше срока увядает без любви. Натура такая, чтобы ее всю и навсегда, до дня последнего, и чтобы она — вся, без остатка, тогда и дети родятся, и семья крепкой будет. Вон какие у нас ребятишки — загляденье! Сам же говоришь, что мы всю жизнюшку вместе... Значит, я любила и ты — тоже!

— Всё может быть, — неопределенно буркнул Иван Фалугин. — Ладно, Маша, я посижу, а ты еще поспи. Ночь на дворе.

Вскоре жена засопела. Тенью промелькнула кошка. Запрыгнула на кровать. Потерлась об руку Ивана, потом устроилась в ногах и замурлыкала: громко, протяжно, уютно.

А Иван Фалугин сидел на кровати, поджимая ноги — ночной прохладой тянуло от окна. Он сидел и продолжал раскладывать мысли по стопочкам. Тусклые убрал в дальние уголки, а яркие, которые всё чаще и чаще всплывали в памяти, раскладывал по дням, по событиям и держал на самом виду, чтобы не забыть о них и достать, когда понадобится. Он сидел, размышлял и всё не мог понять, почему в последнее время стал часто о братишке и родителях вспоминать. Зачем напоминает о себе цветущая черемуха, запах ее: горький и густой, как в ту далекую ночь, когда Петька утонул, словно вчера это было. Почему, а? Скорее всего, Танькин хахаль виноват в этом. Когда Иван услышал, как Сережка передразнивает соловьев, ему показалось, будто братишка засвистел, подманивая птиц.

И старик Фалугин, когда разносились трели, опять в прошлое возвращался, в ту далекую ночь, когда Петька сидел на берегу, а соловьи так и заливались, так и щёлкали, словно встрече радовались, а может, разговаривали с Петькой, предупреждали его, а он не прислушался к советам мелких птах и утонул в быстрой речке. И почему он полез ночью в воду, для чего — уже никто не узнает...

Мария-то засыпала, едва коснувшись головой о подушку, а он ворочался, крутился, а потом поднимался, открывал окно, брал папиросы и курил, прислушиваясь к ночному городу. Долетел соловьиный свист, потом тишина, снова разнеслась трель и щелчки, а вслед завторили другие соловьи, так только братишка умел подманивать. Гляди ты, и Танькин хахаль научился! Иван вздыхал, и на душе становилось полегче. Умеет, шельмец, трели выводить! Прямо, как Петька в далеком детстве, словно сидишь на крыльце и наблюдаешь за ним.

А Танькин хахаль шел и вовсю насвистывал, не догадываясь, что теребит душу старику Фалугину. Иван, сначала

прислушивался к свисту, потом к жаркому шепоту на скамейке под его окном, снова вспоминал жизнь. И думал, укладывая мозаику воспоминаний...

Снова пятна закружились. Что-то отсеивалось, исчезало, а другие события всплывали ярко и подробно. Вот в памяти мелькнуло, как учился в техникуме. Группу отправили осенью на картошку. А ему не хотелось ехать в такую даль (не нагулялся летом), и он развернулся, сказал, что в своем колхозе отработает, и смотался домой, надеясь, что целый месяц отдохнет, а потом справку привезет и всё. А батя... Ох, суровый мужик! Когда узнал, ремень выдернул из штанов, как ухватил за шею, на колено завалил и всыпал по первое число. Потом велел матери, чтобы накормила, взял сумку, молчком до остановки дошел, в автобус посадил и обратно отправил. И ничего не хотел слушать! Так и пришлось, когда вернулся, узнать адрес и опять помчаться на вокзал, чтобы свою группу догнать. Зимой приехал на каникулы, а отец ни разу не напомнил про этот случай. Будто и не было ничего. Одно-го раза хватало, приучил, что за чужими спинами нельзя прятаться...

Почему-то всплыло, как всей бригадой ездили на речку, когда практику проходил на заводе. В последний момент появилась цеховая фифочка, нормировщица. Всегда ярко накрашенная, с длиннющими кровавыми ногтями, с морковными губищами, вся напомаженная, наштукатуренная. Всегда восторженная, в ладошки хлопала — радовалась. Странная какая-то. Прям, дурочка... И эта фифочка, как её все называли, захотела на пчелок посмотреть, кто мед в баночках приносит, как она сказала, и помчалась к ульям, которые стояли вдоль опушки. Не успели предупредить, может, не захотели... «Ой, мальчики, а что это за полосатенькие мушки?» — и сцапала пчел, ползающих по крышке улья, словно никогда не видела. А следом на фифу набросился весь пчелиный рой. И такой визг, такая ругань разнеслись по реке, что рыба выскакивала из воды, а мужики восхищенно языками зацокали, услышав матерщину. И фифочка, ломая каблучки, как была в нарядном платье, так и сиганула в воду, но было поздно. Потом долго на больничном сидела, морду разнесло шире зеркала. Тьфу ты, бестолочь...

Иван Фалугин чертыхнулся, почесывая впалую грудь. Странно, почему эта фифочка вспомнилась. Да ну её, дуру этакую... И сгорбился, задумавшись...

И опять закрутилась мозаика, но уже из детства, где с мальчишками, не предупреждая родителей, убегали на речку. На берегу бросали удочки и с разбегу прямо в одежке влетали в

воду, а она была теплая-претеплая, словно молоко парное. Весь день ловили рыбу на перекатах и в заводах. Картоху пекли, какую исподтишка прихватывали с собой, и рыбу съедали, какую налавливали, а вечером возвращались чумазые, грязные и опасно расходились по домам, вдруг отцы устроят взбучку, что весь день промотались и ничего по хозяйству не сделали, что велено было. Мать всегда ругалась, если Иван убежал на речку. Они боялись, что тоже утонет. И если Иван задерживался и возвращался затемно, мать в сердцах хваталась за отцовский ремень и лупцевала, а потом прижимала его к себе и тихо-тихо плакала, а он стоял и тоже шмыгал носом...

Иван Фалугин поежился, набросил рубаху на плечи. Опять братишка перед глазами. А старшая сестра никогда не говорила про него. Отмалчивалась. Может, оставаясь одна, думала про Петруху, а на людях не показывала. Избегала разговоры. Потому что нельзя. Потому что начальница. Всегда в черном костюме и с черной папкой под мышкой, строгая, всегда хмурая, и брови сошлись на переносице, словно думает, а глаза прячет за очками. Попробуй, разгляди, что за ними делается. У нее голова другими делами занята, а не братом, Петькой, — это же давно было. Столько лет прошло. Стерлось из памяти. Здесь бы родителей не забыть, а уж...

Иван Фалугин встрепенулся, оглянулся на жену, потом посмотрел на улицу, где сидела Танька с хахалем, и снова закружились мысли, бесконечные думки. Вспомнил мать с отцом и Петьку, и тут же о себе с женой подумал. Вон, к примеру, взять братишку. Родители до последнего дня говорили о нем, а мать почти каждый день на могилку ходила, его проводывала, благо, мазарки неподалеку, на взгорок поднялся, а там и оградки виднеются. Рукой подать от дома. И умерла там же, присела на лавочку, прислонилась к березке и всё. Кинулись искать, а мать сидит возле оградки, лицо чистое, аж светится. Наверное, с Петькой встретилась. Там и похоронили.

Вот интересно, когда время настанет, и его отнесут на мазарки, будут навещать или нет? Ну, Марусяка, наверное, придет. Она уж точно придет — это факт. Что ни говори, а все-таки хорошо прожили жизнь. Детей нарожали и выучили, а когда они оперились, в жизнь отпустили. Маруся ни разу кулака не видела. Всегда перед соседками хвасталась. Правда, были скандалы, но так, по мелочи. Да, выпивал. Иной раз на бровях приползал, а Маша не ругалась. Быстренько одежду стащит, на кровать завалит борова эдакого и утыркает спать. Правда, утром мораль читала. А как же без этого? Но понапрасну не ругалась, как другие бабы, не была злопа-

мятной, а носом ткнет и все. Стыдно — правда, очень стыдно было, но терпел, сам же виноват. Ага, ребяташки не забудут, наверное... Приедут на праздник, на родительский день, сходят на могилки, в порядок приведут, цветочки посадят и веночки положат, если с собой захватят, а потом помянут. Он же ездит к своим родителям. И они проведаят, а может, и поплачут. Надо сказать, чтобы место возле бати приготовили, чтобы рядышком лежали и...

— Эть, елки-колотушки, всякая дрянь в бошку лезет! — чертыхнулся Иван Фалугин и поплотнее запахнул рубаху. — Чего только не передумаешь за ночь! — и, забыв, что на дворе глухая ночь, нетерпеливо ткнул жену в бок. — Слышь, Маруська, я что хотел сказать...

— Ну что опять придумал? — буркнула Мария и заерзала, укрываясь одеялом. — Что колобродишь всю ночь? Спать не даешь...

— Вот ты в последнее время частенько про порог жизни болтаешь, — сказал Иван и пошкрябал щетинистую щеку. — И ты понимаешь, я стал задумываться об этом. И так, и эдак размышляю ночами, когда не сплю, и мне почему-то кажется, что человек заранее готовится, чтобы уйти в мир иной. Себя настраивает, других подготавливает, чтобы не внезапно получилось, а когда настанет его время, ему знак подадут с небес, что ждут его, родненького, тогда он помоеется, в чистое переоденется, со всеми быстренько распрощается, чтобы никого не задерживать, не рвать понапрасну душу, в домовину уляжется, рученьки сложит на груди, а потом — раз, закрыл глаза, и всё, прошу выносить домовину — мазарки дожидаются. А ты, Мария, как думаешь?

— О, дурень старый! — спросонья разворчалась жена. — Живи, скока свыше дадено и радуйся. Туда всегда успеем попасть. Ишь, знак ему... Я те подам! Долго будешь ходить и отсвечивать?!

— А вот мне сдается, что мой порог уже не за горами, — задумчиво протянул Иван Фалугин и потопал голыми пятками по холодному полу. — Вот и ноги стали замерзать. Странно... А на дворе лето. К чему это, Марусь?

— О, дурак, — опять буркнула Мария. — Днем выдрыхнешься, а ночью не спишь и мне не даешь. Отстань! Скоро светать начнет, — и, зевнув, перекрестилась. — Спи, а то на улицу выгоню! Будешь с нашими влюбленными рассвет дожидаться. Хе-х!

Иван поднялся. Заскрипев половицами, прошел на кухню. Сделал несколько глотков из графина. Постоял возле окна. Там, на скамейке сидела Танька с ухажером. Сидели,

словно одни на белом свете. Мир сузился до размеров скамьи, а остальное для них не существовало. Иван распахнул окно. Сразу пахнуло влажной травой, терпко-сырой землей, и густо потянуло горьковатым запахом черемухи. Опять сердце сжалось, словно вновь бежал домой темной ночью по высокой траве и через этот плотный запах. Братишки не стало, а черемуха каждый год цветет. И его отнесут на мазарки, а она так и будет накрывать белым облаком дома. И опять на эту скамейку, что под окном стоит, усядется какой-нибудь соловушка, и станет дожидаться свою подругу, свою будущую жену, а другой старик начнет на них ворчать. Получается, что всё возвращается на круги своя.

Осторожно прикрыв окно, чтобы не потревожить парня и девчонку, Иван Фалугин опять выпил воды из графина. Вернулся в комнату. Постоял возле кровати. Посмотрел на жену. Она лежала, сопела, изредка вздрагивала, видать, что-то приснилось, а потом отвернулась к стене и притихла. Кошка потянулась, зевнула и, покрутившись, опять улеглась в ногах и замукала. Иван прилег на краешек. Укрылся одеялом, а сон так и не шел. Лежал, пялил глаза в темноту. Прислушивался к неторопливому разговору за окном. Потом раздался быстрый шепот. Тихий смешок. И донеслись шаги. Медленные. И прозвучал свист, а потом щелчки. Громкие. Соловей завел песню, а ее подхватили другие птицы и разнеслись трели, его сопровождая. И соловьиный свист пошел по сонному городу.

Иван Фалугин не спал. Лежал, думал и вспоминал. Взглянул на окно. Светало. Он шевельнулся. Поднялся. Уселся на кровати и зевнул. Пора собираться. Надо съездить в деревню. Давно не были. Проведать родителей и братишку. А к вечеру надо вернуться. Обязательно. А когда настанет ночь, он снова будет лежать и ждать соловья, его замысловатые трели, и станет прислушиваться к тихому разговору под окном. И опять поднимется, чтобы закурить, и будет думать, раскладывая бесконечные мысли, дни и события по стопочкам, словно листочки, и вновь перед глазами закрутится калейдоскоп прошлого.

О чём будет думать? Да вроде бы ни о чём, казалось бы, но в то же время о завтрашнем дне и прожитой жизни. И получается, что обо всём... Значит, всё возвращается на круги своя.

ЛЮДИ-ПТИЦЫ

Алёшка, сидевший на крыльчке, потёр красные воспалённые глаза и поёжился, поправляя старую куртку. Казалось, солнце пригревает, а потянет ветерок и сразу знобит. Что ни

говори — осень на дворе. Он вздохнул. Вот уж который день не спит. Вроде закроешь глаза, а сон не идёт. Всё бабу Шуру вспоминает. К ней привязался, когда родители померли. Баба Шура забрала его к себе. Одна жила. Дед Василий давно пропал. Вышел на двор и исчез. Долго искали, но не нашли. Разное говорили в деревне, будто он с нечистой водится, но чаще дурачком называли, но баба Шура никого не велела слушать. Говорила, что дед Василий хорошим мужиком был. Пусть у него мозги набекрень и со своей чудинкой, но все люди такие же, как дед, и ничем не лучше, а может, и похуже, но скрывают это. И обещала, когда Алёшка вырастет, рассказать про него. Алёшка остался жить с бабкой Шурой. В школе слабенько учился. Бог ума не дал, как соседи говорили. Учителя махнули рукой: что толку тратить на него время, если ветер в голове гуляет. В одно ухо влетает, а из другого со свистом выскакивает. Сидит на уроках и ворон в окне считает. А бывало по осени, когда птицы собирались в стаи, Алёшка выскакивал из класса и начинал кружить по двору, словно взлететь пытался. Девчонки смеялись и дураком обзывали, а мальчишки нередко лупили его, а он ни на кого не обижался. Он смотрел на всех и улыбался — широко и радостно. Учителя головой качали: мол, бабка Шурка, ты намучаешься с внуком-то, а когда тебя не будет, совсем пропадёт паренёк. И советовали, чтобы сдала его в детдом или в специальный интернат, где такие же живут, как он, а то и похуже. Убогие — одним словом. А баба Шура хмурилась, и начинала грозить всеми земными и небесными карами за то, что живого человека хотят на погибель отправить, и говорила, что костями ляжет, но не отдаст родного внучка. Пусть мозги набекрень, как у деда Василия, но он же человек — это главное! Как же можно взять и своими руками родную кровиночку в интернат отдать? И грозила скрюченным пальцем...

Баба Шура повезла внука в райцентр, врачам показала. Может, таблетки или микстуру выпишут, чтобы умишка прибавилось. Всего лишь капельку, а больше и не нужно. Жалко внучка, к жизни не приспособлен. Врачи руками развели. Если своего ума нет, чужого не добавишь. Хворобу в башке нашли. Какое-то наследство передалось, как баба Шура всем говорила, а потом смеялась, что богатым будет внук-то и справки показывала, а что там понаписали врачи, чёрт ногу ломает. Махнёт рукой баба Шура и мелко засмеётся, прикрывая беззубый рот уголком косынки. А потом пристроила Алёшку в мастерские. Пусть полы подметает да всякие железяки таскает, чем сиднем сидеть дома. Глядишь, копеечку заработает. Какая-никакая, а помощь.

Там Алёшке понравилось. Особенно, когда разрешали в кабине посидеть. Вот уж радовался! И Алёшка стал в мастерской пропадать с утра до вечера. Особенно, когда посевная или уборочная, когда каждая пара рук на вес золота, даже руки убогонького. Вернётся домой, усядется за стол, а сам носом клюёт. Не успеет улечся, уже засопел. И почти всегда один и тот же сон, будто баба Шура стоит возле калитки и ладошкой машет ему, словно подзывает, чтобы поторопился, а сама улыбается и вся светлая-светлая. Родители не снились. Ни разу. Потому что не помнил их. Так, какие-то образы мелькали и всё. И деда Василия не видел, только на фотографии. А баба Шура всегда во сне приходила. Наверное, успевал соскучиться за день. А она жалела его, всё расстраивалась, как он будет жить с птичьими мозгами, если ни к чему не приспособлен. Всё дожидалась, что старшая дочка приедет. Надеялась, что Алёшку к себе заберёт. И не дождалась. Померла. Тихо ушла, незаметно...

Осень на дворе. Пусть солнце не такое яркое и тёплое, а всё же согревает, но ветер прохладный. В теньке сидишь — как задует, аж сразу начинает знобить. Осень, ничего не поделаешь... Вон дедка Ефим выбрался из дома, не стал на крыльце сидеть, а на лавочку подался, где солнца побольше. На улицу вышел, чтобы с баб Шурой попрощаться, в последний путь проводить, а потом на лавочке старые кости погреть, покуда солнышко тёплое. Сидит в зимнем пальто с потёртым и облезшим воротником, в шапке, очки на кончик крупного носа сползли, а он не поправляет. Видать, пригрелся и уснул, притулившись к забору. Сидит старик, посыпывает...

Алёшка вздохнул и, приложив ладонь к глазам, всмотрелся вдаль. Там желтел густой лес, а опушка покрылась пятнами: где-то зелёные мелькают, в других местах пожухлая трава, а там чернью отдаёт. Издалека донёсся птичий гомон. Алёшка задрал голову, взглянул вверх и не удержался. Вскочил и завертелся на одном месте, размахивая руками, словно крыльями, а сам засвистел, будто с птицами разговаривал и так тоскливо, так больно, словно жаловался, что баб Шура померла, что один остался... Птицы закружились над головой, загомонили, точно за собой звали, а потом скрылись за лесом. Следом за ними потянулась огромная стая. Вон полнеба закрыли. Гомонят и гомонят... В осенние дни Алёшка места себе не находил. Закружат птицы над головой, и тут же словно душу в кулак сжимают. Непонятная тревога охватывала, тоскливо становилось на душе, как-то неуютно, но в то же время был необъяснимый восторг, и ему хотелось разбе-

жаться, вытянуться в струнку, взмахнуть руками, закричать громко и протяжно, взлететь над деревней и помчаться вслед за птицами...

— Алёшка, ну-ка, прекрати! — крикнула баба Шура и нахмурилась, когда впервые заметила, что он, раскинув руки, мечется на краю высокого обрыва, а над головой кружилась стая птиц. — Отойди от края. Упадёшь. Костей не соберёшь. Уйди, пока не отлупила! Весь в деда уродился. Таким же был — мозги набекрень. Узнала про это, да поздно. Замуж выдали, а потом сказали, будто у моего Васьки с головой не в порядке. Вся деревня потешалась, когда он в птицу превращался, — и опять закричала, намахнувшись тряпкой. — Ну-ка, хватит кружиться, живо по заднице надаю. Кыш, кыш отсюда! Ишь, разлетались! Мало, один пропал, так ещё и внука за собой тащите. Летите отсюда, летите. — И тут же повернулась к Алёшке. — Твой дед Василий начинал чудить, когда осень наступала, и птицы в стаи собирались. Он следом за ними рвался. Говорил, что душа мается, места не может найти. Встанет посередь улицы, задерёт башку и смотрит в небо, где птицы кружат, а сам квоччет, вскрикивает, словно с ними разговаривает. И птицы ниже опускались, тоже криком исходили. Столько было, что белый свет застилала. А твой дед Василий раскинет руки в стороны и начинает кружиться и хлопает себя по бокам, хлопает, словно крыльями, а потом взмахнёт руками, тоненько вскрикнет, словно прощается с ними, и птицы выше поднимались, ещё кружочек делали над двором и улетали. А дед усядется посередь дороги и с тоской глядит вслед. И так до следующей стаи. И так, пока последние птицы не улетят.. А потом дед Василий пропал. Вышел на двор. Всё на крыльчке курил и прислушивался, как птицы летели. Я выглянула — он кружится по улице, руками машет. Позвала, а он не слышит, на небо смотрит, и отовсюду птицы кричали, словно за собой звали. И так мне тоскливо стало на душе, аж в груди защемило. Вышла на двор, гляжу, на крыльчке папироски лежат, спички, а деда Василия нет. Думала, может, к кому-нить подался. Всё ждала, что вернётся, ан нет, так и пропал, и до сей поры не могут найти. Может, птицы забрали с собой, а может, рассудок потерял и теперь лежит в какой-нить больнице с решётками и даже имени своего не помнит. Никто не знает, где он и я — тоже...

И баба Шура посмотрела на тёмное небо...

Алёшка поднялся. Потоптался на крыльчке и с неохотой зашлёпал в избу. Сегодня снесли на мазарки бабу Шуру. Она лежала, как принято, три дня в избе, и каждый раз, когда свечи догорали, кто-то из старушек, что сидели возле гроби-

ка, неслышно поднимались и меняли свечи, зажигая новые, и опять присаживались на лавку, горестно покачивая головой. Это дядька Кондратий смастерил гробик. Небольшой. Лёгонький, как сама бабка Шура. Алёшка хотел помочь ему, но дядька Кондратий прогнал. Велел возле двора сидеть и никуда не уходить. Соседки приходили, обмыли, переодели в смертную одёжку, какую Алёшка вытащил из старого сундука — это давным-давно бабка Шура показала и велела, ежели она преставится, отдать соседям, а они разберутся, что к чему. Так и получилось...

Бабка Шура тихо, неприметно прожила свою жизнь. И ушла так же тихо. Правда, последние дни твердила: как же Алёшка останется один?.. Он же не знает эту жизнь, не приспособлен к ней, потому что у него своя жизнь, более понятная для него, где чужим не место. Ему легче с птицами разговаривать, чем быть с людьми, которые его прогоняли и смеялись над ним — убогоньким. А если баба Шура помрёт, тогда Алёшка может пропасть без неё, как когда-то исчез дед Василий. Вон уже птицы кружат над двором — его высматривают.. Как бы с собой не забрали... И тыкала пальцем в потолок. Расстраивалась. И в последний день, ближе к вечеру, всё возле Алёшки ходила и печалилась, что один останется на белом свете, и норовила дотронуться до него, по плечу или голове погладить, а он отдёргивался и хмурился. Не нравилось, словно маленького гладит, а он же большой. За окном темно было, когда они собрались спать. Бабка Шура долго сидела на кровати, глядела на него, что-то шептала, а может, молилась, а потом перекрестила его, спящего, и задёрнула занавеску.

Алёшка проснулся утром, в доме тишина, лишь ходики отсчитывали секунды, и запоздалая муха сонно колотилась в окне, а потом притихла. Он поднялся. Вышел на улицу, постоял на крыльце. Не слышно бабки Шуры, зато птицы кружились над двором. На него пикировали и опять взмывали, а на их месте другие появлялись и снова взлетали, а сами криком исходили, словно что-то рассказывали. Алёшка встрепенулся, опять появился какой-то непонятный восторг. Хотелось спуститься во двор, взмахнуть руками, словно крыльями, закричать протяжно и... И следом навалилась тоска, словно к земле придавила, аж дышать тяжело стало. Он оглянулся. Куры бросились к нему, думали, корм насыплет, а он нахмурился, опять взглянул на небо, махнул рукой птицам, чтобы прочь летели, и скрылся в избе. Зашёл в горницу. Отдёрнул занавеску, где стояла кровать бабы Шуры, и уселся на табуретку, что рядом стояла. Казалось, баба Шура спит.

Морщинистые руки на груди сложены, а лицо какое-то светлое и спокойное, а по щеке муха ползала, а она лежала и не прогоняла её. Алёшка посидел возле кровати, несколько раз окликнул бабу Шуру, потом дотронулся до руки и отдёрнул. Холодная она — рука-то...

— Баб, вставай, баб, — забубнил Алёшка и снова дотронулся. — Почему лежишь, а? Дай хлеба...

Но баба Шура не шевелилась.

Алёшка опять завздохал, закрутил лохматой башкой, не зная, что делать, поддёрнул одеяло, прикрывая бабу Шуру, опасно прикоснулся к руке и опять отдёрнул, потом поднялся и поплёлся к соседке, к тётке Зине, которая частенько его подкармливала, то яблочко совала, то пряник.

— Это... Теть... — Он сунулся в дверь и затоптался возле порога. — Это... Бабака не встаёт. Я кушать хочу.

И замолчал.

— Как не встаёт? Давно утро, а она... Да неужели померла, — она заметалась по избе. — Я ж вчера с ней говорила. Она всё за тебя тревожилась, да старшую дочку ругала, что не приезжает, а потом взяла молочка, сказала, что кашку потомит в печи и ушла. Как же так, а?

И, прижимая руки ко рту, опять качнула головой.

— Она лежит, — пожимая плечами, повторил Алёшка. — Я проснулся. Подошёл, а она лежит. Холодная. Одеядку поправил. Бабака замёрзла.

Сказал и зябко передёрнул плечами.

— Ой, божечка, беда пришла, — запричитала тётка Зина, рот платком прикрыла и закачала головой, а потом вздрогнула от окрика и засуетилась, повернулась к мужу, который сидел за столом. — Петь, а Петь, накорми паренька. Чать, маковой росинки во рту не было. Налей вчерашних щец. Вкусные — страсть! — Она причмокнула, закачала головой, потом подтолкнула Алёшку к столу, а сама подалась к дверям. — Петька, обойди мужиков. Пусть могилку копают. Проследи за ними. Я в правление сбегая, начальству сообщу, потом бабок покличу и за монашкой зайду. А ты, Алёшка, когда покушаешь, посиди на лавке. Не входи в избу-то, не путайся под ногами — не мужицкое дело покойницей заниматься. Сами управимся, а тебя покличем, когда понадобится.

Сказала и умчалась, хлопнув дверью.

Алёшка изредка подходил к двери, стоял на веранде, прислушиваясь к тихим голосам, но войти, не решался. Тётка Зина ругать начнёт, ежели заметит. Заскрипела дверь. Вышел дядька Кондратий. Сунул в карман складной метр. По-

стоял, задумавшись. Потом коряво написал цифры на клочке бумаги, посмотрел на Алёшку, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и, надвинув фуражку на глаза, заторопился со двора. Алёшка подался следом за ним и вернулся, когда его прогнали. Постоял возле двора, посмотрел, как дядька Кондратий захромал, подтягивая ногу с протезом, и размахивал руками, когда оступался. Взглянул на занавешенные окна, а потом уселся на лавку возле забора. И стал ждать, когда его позовут. Он сидел, поглядывая по сторонам, смотрел на старух, которые заходили в избу, а некоторые так и норовили погладить по голове, как делала баба Шура, но Алёшка отдёргивал голову и хмурился. Не любил, когда его гладили, как маленького. Старухи уходили, а он продолжал сидеть. Услышав гомон птичьей стаи, Алёшка поднимал голову и с тоской посматривал на птиц, которые пронеслись над головой. Поднялся и, размахивая руками, начал кружиться на траве, криками подзывая птиц, и рассказал им, что произошло, а они метались над головой, за собой звали. И Алёшке хотелось разбежаться, взмахнуть руками и полететь вслед за птицами. Он бы полетел, да нельзя, как же бабу Шуру оставит одну-одинёшеньку. Алёшка встрепенулся и опять посмотрел на птиц. Баба Шура говорила, что птицы — это души людские. Его ругала, что с ними разговаривает, прочь гнала, а сама вслед ушла. Видать, правду говорила бабака, что души людские — это птицы...

— Врёшь ты, бабака, — отмахнулся Алёшка, когда она опять взялась ругать его за то, что кружился на краю высокого обрыва, — будто птицы — это души. Птички маленькие, а люди вон какие большие. Обманываешь...

Сказал и тут же получил подзатыльник.

— Нельзя так говорить, ежели не знаешь, — баба Шура погрозила пальцем. — Ишь, умник-полоумник выискался! Мне ещё отец твоего деда Василия говорил, что души переселяются в птиц. Ага... Вот каким был человек в жизни, его душа в такую же птицу перебирается. И не спорь со мной, Алёшка, потому что умишка в тебе кот наплакал! Вот, к примеру, взять плохого человека. Как ты думаешь, в какую птицу попадёт его душа, а? — И бабка, подбоченись, взглянула на Алёшку, который сидел и молчал. — Правильно думаешь — в плохую птицу. Если человек обманывал в жизни, воровал и на других вину перекладывал за дела содеянные, его душа окажется у кукушки или в сороку-воровку переселится. Что смеёшься-то, злыдень! — И она опять намахнулась. — У чёрного человека, душегуба какого, душа попадёт в ворону-падальщицу и будет до скончания веков дохляти-

ной всякой питаться. Ага... А ежели светлый человек был или, не дай Бог, ребёночек помер, а у них-то души всегда чистые, значит тому дорога к светлой птице.

— Ага... — недоверчиво протянул Алёшка. — А куда дядька Еремей попадёт, который всё стучит и стучит большим молотком, аж страшно становится, когда к нему заглянешь. Как же он в птицу залезет? — Он засмеялся, плечики затряслись, а потом затих, задумавшись, и опять сказал. — А наша деревня тоже в птичек заберётся, а куда всякие артисты переселятся, которых по телеку показывают, а?

И Алёшка опять засмеялся, прыгал с пятого на десятое, задавая вопросы.

— Ишь, разговорился! То слово из него не вытянешь, а тут не остановишь. Куда... — Бабка Шура задумалась, а потом кивнула. — Дык это же... У души дядьки Еремея одна дорога — это птица, которая дятлом зовётся. Ну, ты видел этих дятлов, когда в лес ходили. Вот и Еремей привык по наковальне стучать, а помрёт, душа к дятлу отправится и опять-таки начнёт своим делом заниматься, как при жизни. Деревня, говоришь... Мы же привыкли работать, каждый день землице-матушке в пояс кланяемся. Вот и получается, что переберёмся в грачей. Ты видел грача. Такие важные весною ходят по полям. Тоже кланяются, корм добывают. Наши душеньки к ним отправятся, и опять начнём поклоны отбивать, как при жизни было. Что касаемо артистов... — Бабка Шура поджала губы, нахмурила и без того морщинистый лоб, потом сказала: — Одни в соловьёв перебираются, другие в дроздов, в общем, кто куда, а самые знаменитые и голосистые — эти в жаворонков. Ага... Ты, Алёшка, не гляди, что жаворонок — птичка-невеличка, зато её вон как с небес слышать. Звонит голосочек-то! И людям радость несёт, и к Боженьке поближе. Поэтому и говорю, что у каждого человека своя птица, и у тебя — тоже. Ага...

И утвердительно ткнула пальцем в потолок.

— Баб, а где твоя птичка? — Алёшка долго молчал, видать, старался понять, о чём говорила бабака, потом спросил: — Где она?

И задумчиво поглядел на сухонькую бабу Шуру.

— Моя-то? — усмехнулась баба Шура и поправила платок. — Я стану курочкой Рябой. Яички буду для тебя нести. Ты ж из избы не выйдешь, пока парочку не скушаешь, а с улицы возвернёшься, с пяток можешь умять за один присест, а то и поболее, и глазом не моргнёшь. Наши курочки не успевают нестись для тебя. Хочу или не хочу, а придётся в несущку превращаться, чтобы ты с голодухи не помер.

И тоненько засмеялась.

Вслед за ней рассмеялся Алёшка, представляя баб Шуру несущей...

Сегодня снесли бабу Шуру на мазарки. Остался лишь небольшой холмик и неуклюжий крест, да ещё веночек и маленькие букетики ярких осенних цветов. Видать, в школьном саду сорвали. Соседки пришли проводить в последний путь бабу Шуру. Поплакали возле могилки, когда её опускали, а Алёшка стоял, смотрел на неё, а потом задира голову, чтобы взглянуть на стаи птиц, и ему хотелось взмахнуть руками, взлететь и помчаться вслед за ними.

С кладбища все отправились в дом бабы Шуры. Тётка Зина с бабками щи сварила и лапшу, кто-то кутью приготовил, а баба Вера кашу принесла. Откуда-то пироги на столе появились. Всё сделали соседи, чтобы проводить бабу Шуру и помянуть её. Недолго сидели за столом. Мужики стопки подняли. Выпили. Алёшка сидел в уголочке. Сгорбился. Глядел, как поминали, как едва слышно разговаривали. Потом стали расходиться. Две соседки остались. Всё убрали, помыли и тоже ушли.

— Алёшка! — Дверь распахнулась и появилась тётка Зина. — Слышь, никуда не уходи. Дома сиди или во двор выйди. Я все дела переделаю, а потом за тобой приду. Пока у нас побудешь. Может, твоя тётка приедет. Телеграмму отбили. Ну, а не появится, тогда в интернате станешь жить. У себя не могу оставить. Извиняй!

Она развела руками, поправила платок и ушла.

Алёшка остался один...

Он долго сидел и смотрел в щелку между ставнями, а потом не выдержал, вышел на улицу. Сегодня тепло. Алёшка вздохнул. Взглянул на солнце и прислушался. Яркий день и тишина на улице. Казалось, всё притихло в природе. Лишь берёзки золотом горят, а трава уж пожухла, прижалась к земле, прислонилась — зиму дожидается. Откуда-то донёсся запах дыма. Видать, старую ботву сжигают на огородах. Туманом стелется дымка, скрывая округу. Тишина... Нет, издали донеслись крики птиц и сразу же душу сжало в кулак, тоска накатила, а вместе с ней непонятный восторг и, едва птицы показались в вышине, опять потянуло за ними и снова захотелось разбежаться, раскинуть руки, взлететь и помчаться вслед за птицами...

Алёшка встрепенулся. Оглянулся на дом. Показалось, баба Шура позвала. Взглянул и тут же поник. А потом закутался в куртку и притих. Солнце яркое, дымка плывёт по огородам, всё прозрачно до синевы, а здесь холодно. И птицы покоя не

дают. Кружат и кружат над головой. Видать, за собой зовут. А может, среди них и душа бабы Шуры. Алёшка задрал голову, стараясь рассмотреть птиц. Вот одна пошла вниз и закурилась над двором, словно присесть хотела, а потом жалобно вскрикнула и помчалась вслед за стаей...

Поднявшись, Алёшка осмотрелся. Дед Ефим, что напротив живёт, так и сидел возле двора. Видать, пригрелся. Хорошо ему. Задремал... Алёшка зашёл домой. Тишина в доме. Все звуки с улицы приглушены закрытыми ставнями. Тик-так, тик-так — качается маятник на старых часах, что висели в горнице. Как Алёшке казалось, часы всегда здесь висели. Старые. Циферблат уж давно облез да потемнел, и цифр на нём не видно, а маятник продолжает качаться, отсчитывая секунды жизни: тик-так, тик-так, тик... Алёшке нравилось смотреть на маятник. Усядется возле стола, смотрит на него, прислушивается к звукам, и сам качается как маятник. И так сидел до тех пор, пока баба Шура не прогнала его. А сегодня бабу Шуру закопали, а часы всё тикают и тикают, отсчитывая секунды. И сколько они ещё будут стучать — никто не знает, и Алёшка — тоже...

Он стоял в дверях горницы, но не проходил. В горнице темно. Лишь редкие лучики солнца пробивались через закрытые ставни. Густой запах воска, тлена, каких-то трав, и тянет лекарством. Зеркало завешено, на телевизоре накидка, окна закрыты. Пусто в доме. Лишь на стенах несколько фотографий в рамках и всё. Да ещё кошка промелькнула, припав к полу, и исчезла на кухоньке, скрывшись на печке. Под полом заскребалась мышь, и тут же пробежала кошка. Неслышно скользнула по горнице и опять скрылась. Алёшка медленно подошёл к фотографиям. Баба Шура говорила, что это отец и мать, а Алёшка не помнил родителей. Так, что-то мелькало в голове и тут же исчезало. Он взглянул на фотографию. Отец хмуро и напряженно смотрел перед собой, а мать наоборот, улыбалась. А сегодня бабу Шуру закопали. Нет, её душа с птицами улетела...

Алёшка вышел из горницы. Потоптался на маленькой кухоньке и присел в уголок, где всегда сидел, и прислонился к обшарпанной стене. Опять мелькнула кошка. Муркнула, а потом притихла. Видать, тоже чует, что одни остались. Он скрипнул табуреткой. Взглянул на окно, закрытое ставнями. Сквозь узкую щель пробиваются последние лучи солнца...

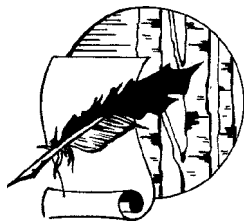
Тихо в доме. Изредка осенняя муха зажужжит, забьётся и притихнет. С улицы донеслось мычание коров — это стадо под окнами прошло, а вскоре затихло вдалеке, лишь редкий раз в проулках блеяли овечки, отбившись от стада. Взлаива-

ли собаки лениво так, словно напоминали, что службу свою несут, хозяйское добро стерегут. Протарахтел мотоцикл. Видать, кто-то поехал кататься. Молодёжь собиралась в берёзовой рощице, что стояла на взгорке над рекой. Сидели до первых петухов, ребята показывали свою удаль, гоня на мотоциклах, а те, кто постарше, парами расходились вдоль речки, находили укромные места и сидели до рассвета...

Он долго сидел на крыльце, дожидаясь, когда тётка Зина придёт. Потом прислушался. Со стороны обрыва донёсся птичий гомон. Алёшка затоптался. Тоскливо стало на душе, и в то же время появился непонятный восторг. И Алёшка не удержался. Неуклюже побежал по меже между огородами. Он бежал, размахивая руками, словно крыльями. В сумерках казалось, будто летит. Алёшка выскочил на обрыв и закружился, раскинув руки. Зашёлкал, засвистел, птиц подзывая, потом взглянул ввысь, а небо над ним: яркое, тёмно-синее и бездонное. Опять восторг, и захотелось взлететь. Он вытянулся в струнку, взмахнул руками и с обрыва шагнул в небо. Шагнул и закричал: громко, восторженно и замахал руками, словно крыльями и полетел. Он летел над деревней, над лесами и полями, над реками и озёрами, и отовсюду к нему присоединялись такие же люди-птицы, чьи души в птиц превратились, и они стали подниматься всё выше и выше в синь небесную, навстречу солнцу, и вокруг него был яркий и тёплый свет...

А над деревней опустилась ночь...

г. Салават, Башкортостан

Эмма МЕНЬШИКОВА

НА РАССТОЯНЬЕ СЕРДЦА

НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Незначительная поэзия,
Мелкотемье: деревня, глушь.
Ну, подумаешь, Русь болезная
Замерзает от гулких стуж.
Ну, подумаешь — бесполезная,
Не любимая, не жена...
Одрыхлевшая, нетверезая —
Да кому она и нужна?

Отживает своё, деревянная,
От осенних дождей слепа.
Родниковая, первозванная,
Ныне имя ей — гольтепа.
Но последняя, бранная, гнанная,
Русь воспрянет — ещё не срок.
Строки эти — мое упование
И поэзии высший долг.

* * *

И снова ни двора и ни кола...
И если уж пристало быть поэтам
Бездомными, голодными, при этом
Иметь всего лишь душу и крыла —
Так, может быть, и я того же рода?
Не накопив и сребреника впрок,
Всю жизнь живу под кровом небосвода
Лишь Словом я... И Слово — это Бог.

ГОСПОДИ!

Как бы мы, Господи, без Тебя на Земле жили?
Ради чего бы рвали нервы свои и жилы?

Зачем бы ели, дышали, в муках детей рожали,
Когда б душа не ведала то, что хранят скрижали?

Как бы мы век коротали свой без любви Божьей?
Чем бы мы жили в мире с ненавистью и ложью?

Как бы мы знали, что ничего на Земле не страшно,
Если душа жива, если любит она и страждет?..

ДУША ЖИВАЯ

Что бабке — куршавели и гавайи?
Она в избе унылой доживает.
Идёт ли дождь, сияет в небе солнце —
Сидит она, сутулясь, у оконца,

И глаз не сводит с этого экрана,
Где всё её родное мирозданье —
Калины куст, скамейка у порога,
Косой плетень, разъезжая дорога...

За днями дни в окне её — всё то же.
Но нет на свете ничего дороже,
Чем улица и хатки по соседству,
Всё, без чего не выжить её сердцу..

И что ей — демократия, свобода,
Когда в деревне нет её народа?!
Глядит в окно — но пусто у колонки,
Давно уже не видно почтальонки...

Покрестится она на Красный угол,
Переберёт медали за заслуги —
И вновь в окно воззрится, уповая,
Что есть еще за ним душа живая...

ГОВОРЯТ

Наступили времена лихие.
Тьма одолевает Божий свет.
Молодицы бегают нагие,
Бабы не грехов стыдятся — лет...

Скроены по западным лекалам,
Расшивают, ушивают плоть.
Куклы с сигаретой и бокалом,
Где уж им — стирать или полоть.

Говорят, что Русь одни старухи
Держат у святого рубежа.
Сколько их осталось по округе?
Чья еще не заросла межа?

А придёт иное поколение —
И не станет о земле радеть.
Всё предаст огню, разрухе, тленью,
И не вспомнит о России впредь.

Говорят, что правды нет на свете
И что мир сегодня полон зла...
Говорят, не зная о секрете, —
Что старухам русским несть числа!

Вроде бы им неоткуда взяться.
Можно всё: менять лицо и пол...
Сколько их — из пластика и глянца,
А потом глядишь — и юбка в пол.

А потом — в платке глухом старуха
Обживает отчий дом в селе.
Кается пред Богом и округой,
Кланяется матушке-земле...

СВЯТЫЕ ЖЕНЩИНЫ РУСИ

Святые женщины Руси —
Княгини и простолюдинки.
Февроньи, Анны, Ефросиньи,
Монахини и семьянинки,

В веригах, в злате-серебре,
В чужих обносках — ради Бога!
Великим подвигом смиренья
Вела земная их дорога.

И первой вестницей Христа
Была у нас княгиня Ольга:
Крест вознеся над Русью, стала
Примером верности и долга.

Благочестива и строга,
Она при малолетнем сыне
Русь от разора сберегала,
Уготовляла ей крестины.

Взрастила внука, что сумел
Русь к вере привести Христовой.
Крещёная святой купелью,
Стоит у Божьего престола.

А жёны Муромской земли,
Тверской, Владимирской, Московской...
Сияют тихим светом лики
Княгинь рязанских, Марфы Псковской...

Датчанки, шведки — и они
За православие сражались,
Когда, уехав от родни их,
С князьями русскими венчались.

Каких бы ни были кровей,
Душой Христу принадлежали.
Смиренно и благоговейно
Святую Русь нам завещали.

Одежды ль царские носить,
Брести ль в пальтишке захудалом —
Не суть, а лишь бы сорной сытью
Душа во тьме не порастала.

Святы великие княжны
И мать их императрица —
Господь за муки их земные
Восславил в Неземных Границах.

Но свят и сонм блаженных жен,
Богоюродивых скиталиц,
За подвиги уничиженья
Ещё при жизни почитались.

Людских грехов тяжёлый груз
Взвалив на худенькие плечи,
Они безропотно, по-русски,
Сносили страсти человечьи,

Во славу Божию страдать
Им было радостно и просто,
Господней греясь благодатью
Во все земные дни и вёрсты.

Святые женщины Руси,
Матроны, Ксении, Анисьи.
Лампады их неугасимо
Сияют нам с Небесных высей...

...А на земле — всё тот же лад:
Плат до бровей, углы в иконах.
И до утра огни лампадок
В проёмах светятся оконных...

РЕКА ЗАБВЕНИЯ

— Поехали домой! —
куда-то мама просится...

Но каждый день её —
как с чистого листа.

Глядит в окно, а там
чужая жизнь проносится,

И в комнате сидит
она случайной гостьицей.

Но даже чай испив,
не омочит уста.

И жажды не уняв,
не утолив желания

Найти, узнать себя
на этом берегу,

Глядит она с тоской
на лица безымянные,

Всё тшится разгадать,
кто чьей родни и звания,

И в чём её вина
и перед кем в долгу.

И то ли это ей
дано за прегрешения —

Стоять в забвеньи у
текущей вдаль реки...

А то ли налегке
за Божье угождение

Живёт она теперь
на свете как блаженная —

И прощена уже
за все свои грехи...

МНОГОТОЧИЕ

Навряд ли это что-то сокровенное,
Но есть в стихах у нас с тобою общее
(Среди иного прочего, наверное):
Мы оба любим ставить многоточие.

Стихи тогда печальны и таинственны,
Как будто обещают продолжение,
Где жизнь не завершается поистине,
И длятся, длятся дни её блаженные...

НА РАССТОЯНЬЕ СЕРДЦА

Ты далеко... Но ближе не бывает:
На расстоянье сердца мы с тобой.
Пусть как поэт горазда на слова я,
Но этих слов и у тебя — с лихвой.

Ты их писал другим, вплетал навечно
Их имена в канву своих стихов.
А я пришла незваная, под вечер,
Закованная в тысячу оков.

Мне сладостен их звон и тяжесть ноши,
Что от Земли мне оторваться не даёт...
Но дни и ночи, дни и ночи, дни и ночи
Открыт путь сердца, что к тебе ведёт.

И пусть необязательны как будто
Слова меж нами, но хочу и в них
Быть рядом... А когда уйдём в распустье,
Останется на свете этот стих...

НЕ ВПРОК

Не торопись! — твердил отец мне с малых лет,
Остерегал от необдуманного слова.
Мол, в ярости слепой наговоришь такого,
О чём сто раз потом придётся пожалеть.

Он и чужим словам учил не доверять:
И мягким, льстивым — даже более, чем колким.
Всё наущал меня держать как ёж иголки,
Не допуская близко к сердцу всех подряд.

Но далеко отец — и я начистоту
Скажу, что мне пошли не впрок его уроки.
Поскольку минули все мыслимые сроки,
А я иголками никак не обрасту.

Седа как лунь, стара, а сердце не уйму,
Когда оно горит, когда ему неймётся...
Отец был прав. Но колкость и немощество
Так и не смог привить он сердцу моему...

* * *

Не надо мне тебя — не приручай.
Мой крест тяжёл, но он — от Бога.
Его несут на собственных плечах,
Не прибегая к дружеской подмоге.

Не надо мне тебя — не говори,
Что я дороже всех на свете.
У нас с тобою разные миры —
Ты на земле, а я витаю где-то.

Не надо мне тебя — и не тревожь
Мне душу суетным признаньем.
Пройдёт над миром легкокрылый дождь —
И всё пройдёт однажды утром ранним...

ПОКАЯНИЕ

Всё чаще приходят ко мне
Мои повзрослевшие дети.
С годами они всё родней,
За них я навечно в ответе.

Их лица светлы и грустны,
Улыбки немного смущённые...
Когда-то я видела сны,
Где все мои страхи никчёмны,

Где нет ни беды, ни грехов,
А дети разъехались просто
И скоро на первый мой зов
Откликнутся, съедутся в гости.

И вот они передо мной.
— Ну, как ты? — с порога бросают.
Пьют чай, говорят о земном.
Но эта картина простая,

Увы, только грезится мне.
А после, уже на рассвете,
Я слышу, как плачут во сне
Мои не рождённые дети...

НОЧЬ

Уже такая ночь, что мне
И вспомнить не дано:
Ты был со мной или во сне
Привиделся давно,

Какие напевал слова,
Прижав к своей груди,
И почему с собою звал,
А уходил один.

Уже такая ночь, что я
И вспомнить не могу:
Твоя была или ничья
На дальнем берегу,

И кто касался губ моих
Шершавым шёпотком,
Но и сейчас я слышу стих
В доме своём глухом...

СОНЕТ

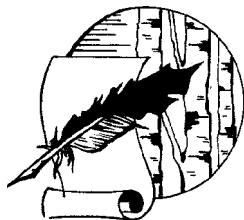
О Боже, если б знать, зачем мне это —
Мерцанье звёзд в распахнутой ночи,
Туманность сокровенного рассвета,
Зари позолочённые лучи...

За что мне жизнь, струящаяся в Лету,
Весна в зелёном отблеске парчи,
Случайность встреч в потоках круговерти,
И грусть-тоска, и звук шагов ничьих...

Ах, если б знать... Но тишина в ответ.
Засыплет снегом незнакомый след.
Не скрипнет ни порог, ни половица...

Но надо жить — страдая и томясь,
Писать стихи, и плакать, и молиться
За тех, кто остаётся после нас...

г. Липецк.

Алла ЛИНЁВА

В ОЖИДАНИИ ТИШИНЫ

* * *

Не жалейте меня, не жалейте —
Я судьбу выбирала сама.
Ветер тихо играет на флейте:
Не сойти бы с ума...
Где-то тихие падают звёзды,
Где-то лётся невиданный свет,
Я его разглядела сквозь слёзы,
Я ему улыбнулась в ответ.
Тихо-тихо ему улыбнулась,
Тихо-тихо развеялась мгла,
Тихо-тихо от горя очнулась
И по свету пошла...

* * *

Ах, какая была метель!
Ах, какая была пурга!
Снег в окошке моём гудел,
Как отец, за грехи ругал.
И взмолилась я: «Боже мой!
И за что же мне гнев такой?
Что ещё не спешу домой,
Что и здесь обрела покой?»
А потом сразу ветер стих,
А потом синева взошла...
И заплакал ребёнок-стих,
Спеленала его душа.

* * *

Осень, ты тоже уходишь...
Лето вот так же ушло...

Неба багровые своды
Плотной завешены мглой.
Жёлтые выпадут листья,
Дождик к земле их прибьёт,
Эти нетленные письма
Чьё-нибудь сердце прочтёт.

* * *

Доченьке

Я твою колыбель не качала,
И на руки тебя не брала.
Ты лежала и слабо кричала,
Ты жила — и почти не жила...
День один и потом ещё вечер,
И потом ещё полночь, и всё. —
Полетела душа твоя в вечность,
Но я помню прощанье её...

* * *

Дни без запаха и цвета,
Призраки — не дни.
Как мне жить на этом свете?..
Боже, сохрани!
Укажи пути земные,
Боли утоли...
Я живу Тобой отныне
В трепете молитв...

* * *

Это тихое кладбище моей тихой земли
С золотыми берёзами, серебристыми ивами.
Кукованье глухое кукушки вдали,
Ну а здесь соловьи — переливами.
Зарастают овраги сиренью, всюю
Ароматные запахи веются.
За оградкой увижу родную семью.
Рада я, и мне рады, надеюсь я...

* * *

Осень, нет тебя прекрасней,
Нет дорож и светлей.

Пусть весной стозвонней счастье,
Но безмолвие милей.
И спокойно, и надёжно.
Тихий шелест, тихий свет.
Заглядеться даже можно
И на то, чего уж нет.

* * *

Осенние стёжки мягки и духмяны,
И мокрые листья от дождика пьяны,
Лежат, распластавши бессильные крылья,
Давно облетели и в полночь остыли.
Такое случилось, не надо печали,
Пусть солнце сквозь ветки крадётся лучами,
Пока ещё светит, пока ещё рдеет,
Ещё приласкает, ещё обогреет...

* * *

Всё пустое, всё сгорит.
Но, горя, душа рыдает
И за всё благодарит,
Просит: «Господи, воздай мне!..»
Всё земное — пыль и прах,
Всё пригрезилось, приснилось,
Но веселье малых птах
Долго по небу носилось.
Всё кружило над жнивьём,
Где колосья шелестели...
Но сгорело всё живьём,
Всё закуталось в метели.
И теперь белым-бело,
Где ступать мне было колко.
Всё взросло и отцвело,
Всё затихло, всё умолкло...

* * *

Здравствуй, день золотой-золотой!
Ликуй, ликуй!
И я ещё куплет простой
Из недр души извлеку.
Ещё наслушаюсь я тишины,
Где лишь ласточек свист...
Где лишь вдали шумы жизни слышны,
А горизонт чист...

* * *

Лодочка качнулась, поплыла...
Лодочка сыночка понесла...
Вдоль высоких трав и берегов
В царство дивных снов.
В лодочке сыночек мой лежит,
На меня не смотрит он: спит, спит, спит...
Ручки на груди своей крестиком сложил...
На земле сыночек мой ой как мало жил.
Рано сердце матери встретило беду...
Травами высокими я за ним бреду..

СЫНОК

Земных забот твоих закончен ритм,
Где всем ветрам мальчишьё сердце нараспашку..
Я вышиваю золотом молитв
Твою рубашку..
Мне не взерошить шёлк твоих волос,
И не прижать к щеке твою улыбку..
Надолго ли? — то не ко мне вопрос:
Всё в мире относительно и зыбко.
Нет времени теперь: лишь день и ночь...
Лишь утра блеск, лишь марево заката...
Но есть ли в мире то, что сердцу матери невмочь,
Когда оно любовью лишь объято?..

* * *

Ветер снежную дымку колышет,
Словно газовый мамин платок.
Сердце жадно вздохнуло и дышит,
Выпив осени горький глоток.
Впереди и метели, и вьюги,
Холода, и морозы, и зной,
Ветер колкий и ветер упругий,
И безветрие талой весной.
Впереди и покой, и тревоги,
И пугливые вещие сны,
И сердечные думы о Боге
В ожидании тишины.

г. Липецк

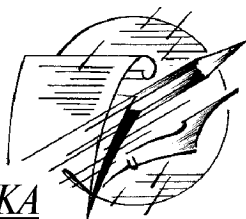
КТО РАЗВЯЗАЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ?

(К 80-летию «Пакта Молотова—Риббентропа»)

80 лет назад, в ночь с 23 на 24 августа 1939 года председателем Совнаркома и наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. Риббентропом в Кремле был подписан Договор о ненападении. В секретных протоколах к Договору разграничивались сферы интересов двух стран. Германия признавала интересы СССР в Восточной Польше, Прибалтике, Финляндии и Бессарабии, т.е. на тех территориях, которые входили в состав Российской Империи (кроме Западной и Центральной Польши, включая Варшаву) и были потеряны в результате Катастрофы 1917 года.

На Западе Договор окрестили «пактом Молотова—Риббентропа», а российские либералы-русофобы (впрочем, «либералы» и «русофобы» у нас давно стали словами-синонимами) называют его не иначе как с добавлением эпитета «позорный».

Почему «позорный»? Ну, как же, разве не позор вообще заключать какой-либо договор с фашистами? Разве не позор вводить войска в восточную часть Польши. Ну и что из того, что была вос-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

становлена граница по «линии Керзона» (предложенная министром иностранных дел Англии еще в 1920 г.). Что из того, что были возвращены западноукраинские и западнобелорусские земли, захваченные в 1920 году поляками? Что из того, что бывший премьер Великобритании Ллойд Джордж в 1939-м сказал: «Советский Союз вернул себе территории, которые не являются польскими и которые силой были захвачены Польшей после мировой войны. Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением [в Польшу с запада] Германии». Что из того, что с фашистами заключили договоры и страны западной демократии? Всё равно позор!

Весь этот непрекращающийся гвалт вокруг Договора имеет, однако, не высокие морально-этические, а весьма низменные причины: поставить Молотова на одну доску с Риббентропом, Сталина — с Гитлером, а СССР представить таким же агрессором, как и Германия, и возложить на СССР наравне с Германией вину за развязывание 2-й Мировой войны. Всё это — не только из зоологического чувства ненависти к России, но и с вполне практической целью: заставить Россию как правопреемницу СССР платить репарации по счетам Польши, прибалтийских лимитрофов и всех прочих, кто не поленится выписывать такие счета. Здесь российские либералы (ещё один синоним этого слова — «пятая колонна») поют в унисон с Западом.

Вспомним, кто же в действительности развязал Вторую мировую.

В годы Великой депрессии (1929—1933), когда экономика и финансы Германии находились в бедственном состоянии, нацистская (антисемитская!) партия Гитлера получала мощное финансирование, в том числе и из иностранных источников, а с приходом Гитлера к власти (январь 1933 г.) огромные средства вливались в германскую промышленность — прежде всего в военную. Средства поступали из американских, английских и других международных банков, включая и банки семейства Ротшильдов. Крупнейшие военно-промышленные концерны Германии имели смешанные капиталы — англо-германские, американо-германские и т.д., а то и полностью иностранные (как, например, автомобильная компания «Опель», выпускавшая и бронетехнику).

Почему же Фининтерн, зная о политических взглядах Гитлера, финансировал его? Потому что «творцы катаклизмов» (по меткому выражению вечночтимого Петербургского митрополита Иоанна) рассчитывали с помощью этого «полезного дурака» развязать новую мировую войну, на которой

хорошо погреют руки, уберут с политической арены ненавистную Россию и приобретут ещё большую власть над миром. («Каждая война, каждая революция... приближает нас к тому моменту, когда высшая наша цель будет достигнута...»)

Если до Гитлера Англия и Франция относились к Германии высокомерно, как к поверженному сопернику, то уже в июле 1933-го они признали её как великую европейскую державу, сели с ней за один стол переговоров и подписали (вместе с фашистской Италией) «Пакт четырёх». СССР на переговоры не пригласили, поэтому в Кремле сделали справедливый вывод: без СССР, значит — против СССР.

После прихода Гитлера к власти Запад стал сквозь пальцы смотреть на откровенно вызывающие нарушения Версальского договора (1919), запрещавшего Германии иметь армию более 100 тыс. чел., вводить всеобщую воинскую повинность, строить военные самолёты, бронетехнику, тяжёлую артиллерию, средние и крупные боевые корабли. Промолчал Запад, когда вместо рейхсвера (буквально «оборона государства») Гитлер стал создавать вермахт («военная мощь»), численность которого к 1939 году достигла 4,2 млн. чел.

В феврале 1936 г. Гитлер, несмотря на возражения своих генералов, считавших вермахт ещё недостаточно сильным, ввёл войска в Рейнскую зону (западная часть Германии у границы с Францией), демилитаризованную по Версальскому договору. Начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Йодль на Нюрнбергском процессе (1945) признался: «Нас могла буквально сдунуть французская армия прикрытия». Франция этого делать не стала.

В 1937 году во время гражданской войны в Испании вермахт уже наглядно начал демонстрировать силу своих мускулов, что не слишком беспокоило Англию и Францию, — ведь в Лондоне, Париже, да и в Вашингтоне тоже изучали «Майн кампф» и хорошо знали, что расширение «жизненного пространства германской нации» Гитлер видел не на западе, а на востоке, а потому посчитали за благо проводить в отношении фюрера политику «умиротворения», т.е. направлять его действия в сторону Востока.

В 1937 году сформировалась «ось Рим—Берлин—Токио». Хотя на «ось» были нанизаны тоталитарные, антидемократические государства, страны западной демократии это вполне устраивало, ибо «ось» была создана под антикоммунистическим знаменем («Антикоминтерновский пакт»), а значит, и направлена против Советского Союза.

В ноябре 1937 г. под предлогом посещения охотничьей выставки к Гитлеру по заданию английского правительства с

секретной миссией приехал влиятельный английский политик, лидер Палаты лордов, в скором будущем министр иностранных дел лорд Э.Галифакс. Никаких официальных документов подписано, разумеется, не было, но Галифакс ясно дал понять Гитлеру: Британия закрывает глаза на всё, что делает Гитлер в Европе (Австрия, Чехословакия, Данциг и т.д.), а Гитлер не нарушает целостности Британской империи, т.е. не претендует на бывшие германские колонии.

События, последовавшие за этим визитом, не заставили себя ждать. 12 февраля 1938 г. Гитлер предъявил канцлеру Австрии Шушнингу ультиматум с требованиями, которые превращали Австрию в протекторат Германии. В ответ Шушнинг объявил на 13 марта плебисцит по вопросу о независимости Австрии (большинство австрийских немцев было тогда настроено против объединения с фашистской Германией). Однако в этот день состоялся не плебисцит, а вторжение в Австрию немецких войск, и вечером того же дня Гитлер торжественно въехал в Вену.

Так, под гитлеровским лозунгом «один народ — одна страна, один фюрер», произошёл аншлюс (присоединение) Австрии, в результате чего Гитлер получил дополнительные источники сырья, людские и промышленные ресурсы и стратегический плацдарм для захвата Чехословакии, а в будущем и для наступления на Балканы. Запад, разумеется, благосклонно промолчал.

Следующей жертвой Гитлера стала Чехословакия, в Судетской области которой был высокий процент немецкого населения. Немецкий генштаб считал недостаточными силы вермахта для быстрой победы над сильной чехословацкой армией, а если чехов поддержит Франция (военная союзница Чехословакии!), то неминуемо поражение. Немецких генералов опередили премьер-министры Англии (Чемберлен) и Франции (Даладьё), которые вместе с Гитлером и Муссолини в ночь на 30 сентября 1938 г. подписали в Мюнхене соглашение о насильственной передаче Германии Судетской области. Делегацию Чехословакии на совещание не допустили, ей лишь огласили принятое решение, а СССР в Мюнхен не только не пригласили, но даже и не поставили в известность.

В тот же день Чемберленом и Гитлером была подписана декларация о ненападении, а по приезде в Англию Чемберлен заявил, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами». 6 декабря 1938 года в Париже была подписана аналогичная Франко-германская декларация. Французский политик П.Рейно писал позднее, что после переговоров с

Риббентропом у министра иностранных дел Боннэ «сложилось впечатление, что отныне германская политика будет направлена на борьбу с большевизмом. Рейх дал понять о наличии у него стремления к экспансии в восточном направлении...». Об этом Боннэ указал в циркулярной записке французским послам. Французский посол в Москве отмечал, что Мюнхенское соглашение «особенно сильно угрожает Советскому Союзу. После нейтрализации Чехословакии Германии открыт путь на юго-восток».

Аппетиты Гитлера этим не ограничились. 14 марта 1939-го в самостоятельное государство выделилась Словакия с прогерманским правительством, а 15 марта «по просьбе» правительства Чехии та стала протекторатом Германии (с новым названием: «Богемия и Моравия»), и в страну были введены немецкие войска. Гитлер получил не только плацдарм для бескровного продвижения на восток, но и богатые природные ресурсы, и мощнейшие чешские заводы («ЧКД», «Шкода» и др.), выпускавшие современное оружие и бронетехнику. Англия и Франция восприняли происшедшее как свершившийся факт и никак не отреагировали.

СССР предпринимал многократные попытки предотвратить мировую войну, однако все его предложения о заключении договора о коллективной безопасности в Европе наталкивались на противодействия — не только Англии, но даже и Польши. Советский Союз был готов помочь Чехословакии (и даже сконцентрировал свои войска у западной границы), но, согласно договору, — только при условии, что такую же помощь окажет и Франция. Франция, как уже сказано, не только помощи не оказала, но и попросту предала своего союзника. Кроме того, поскольку общей границы с Чехословакией не было, для прохода советских войск нужно было согласие Польши. Польша согласия не дала и, более того, сама «поживилась», аннексировав Тешинскую область Чехословакии.

После Мюнхена наша страна оказалась в политической изоляции, и в Кремле была ясно видна суть политики «умиротворения» — сговора Англии, Франции и США с Германией, направленного против Советского Союза. (Был, кстати, ещё и разговор с Гитлером сионистского руководства, но это — отдельная тема.)

В докладе на XVIII съезде партии (март 1939) Сталин сказал: «На деле политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, следовательно, превращение её в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить

свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами — выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия».

Советско-англо-французские переговоры в Москве (апрель—август 1939) о заключении трёхстороннего договора о взаимопомощи убедительно подтвердили правильность такой оценки. Как оказалось, делегации Англии и Франции не имели даже полномочий подписывать какие-либо документы, а имели лишь цель затянуть переговоры, как минимум, до ноября. Притом Англия одновременно вела закулисные переговоры с Германией о поисках компромисса.

Стала очевидной и полная бесплодность англофильской политики наркома иностранных дел Литвинова (Валлаха), который, вопреки политике Сталина и Молотова, препятствовал налаживанию полноценных экономических отношений с Германией. В мае 1939 г. его заменил Молотов. (Литвинова не посадили, хотя по меркам того времени и было за что, а оставили «про запас», учитывая его давние связи с англоязычными политиками и финансистами.)

Тут и произошёл неожиданный поворот событий. Гитлер оказался вовсе не «дураком» и, тем более, не «полезным дураком». По его инициативе началось сближение Германии с Советским Союзом. На новогоднем приеме в январе 1939 года он неожиданно для всех особое внимание уделил советскому послу Мерекалову. Потом засылал в Москву неофициальных представителей для зондажа почвы, потом дал добро на оживление давно замороженных торгово-экономических отношений и, наконец, предложил заключить тот самый «Пакт».

Могли ли в той международной обстановке отказаться от этого предложения Сталин и Молотов? Ответ очевиден. (Кстати, Молотов был не слепым исполнителем воли Сталина, а вдумчивым аналитиком и самодостаточным политическим деятелем. Без обсуждения с ним внешнеполитических вопросов Сталин решений не принимал.)

Что получил от подписания Пакта Гитлер? Он обеспечил себе спокойствие на востоке, чтобы иметь свободу рук на западе, т.е. исключил, как он думал, одновременную войну на

два фронта. Под свободой рук он понимал подчинение Западной Европы со всем её мощным экономическим и научно-техническим потенциалом в качестве неременного условия для завоевания мирового господства.

Что получил Сталин? Он получил приращение территории на западе, послужившей в начале войны буферной зоной. Получил по импорту огромное количество машин, станков и оборудования, необходимых для оборонной промышленности. Получил также некоторое количество боевой техники, которая помогла нашим конструкторам в части совершенствования своих разработок.

Перехитрил ли Гитлер Сталина, как утверждают либералы-историки? Нет, Сталин знал, что Гитлер коварно нарушает любые договора и соглашения и что рано или поздно нападет на СССР. Ещё в январе 1939 г. приглашённый на заседание Политбюро советский посол в Германии Мерекалов дал точный прогноз: Гитлер нападет через 2—3 года, когда накопит достаточно сил и ресурсов. За год и 10 месяцев — от «Пакта» до начала войны — Сталин сделал многое для подготовки к войне, но не всё. Мог ли он предположить, что англичане и французы будут так отважно воевать с немцами, что уже летом 1940 года в послушании у Гитлера окажется вся континентальная Европа (кроме Югославии и Греции — их очередь наступит весной 1941-го)!

Не все знают, что у Сталина был шанс не только отсрочить войну на много лет, но, возможно, и вообще избежать войны с Германией. Для этого надо было согласиться на предложение Гитлера: создать «ось Рим—Берлин—Москва—Токио» и направить советскую экспансию на юг, с прицелом на «жемчужину британской короны» — Индию, оставив Германии для «расширения жизненного пространства» Европу с Англией и африканские колонии. Сталин не согласился.

А может, зря не согласился, господа либералы?

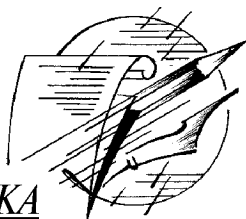
г. Новосибирск

ПАМЯТЬ, ЗАКАТАННАЯ В АСФАЛЬТ

Почти по Некрасову: разговор в вагоне поезда Тронхейм— Будё. Юный Витарр (в национальном норвежском жилете): «Папаша! Кто строил эту дорогу?» Папаша (в пальто на красной подкладке): «Министр-президент Видкун Абрахам Квислинг, душенька».

Безусловно, «папаша в пальто» близок к реальности. Именно в эпоху Квислинга с 1940 по 1945 год был построен значимый по размерам участок железной дороги «Nordlandsbanen», соединяющий Центральную Норвегию с Северной — от Тронхейма до Будё. «Nordlandsbanen» — самая большая в Королевстве Норвегия железнодорожная линия в 729 километров. Первый участок в 31 км, от Тронхейма до Хелла, открыли в 1881 году. Завершили в 1962-м. Следовательно, на строительство всей ветки ушло почти сто лет.

Википедия показывает временную статистику строительства «Nordlandsbanen». Из неё следует: до оккупации Норвегии немцами в 1940-м, т.е. за 70 лет, выстроено 219 км железнодорожного пути. С 1945-го по 1962 год, за 17 лет, построено 187 км. А всего за четыре года — с 1941 по 1945 год — про-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ложили около 160 км железной дороги от Му-и-Рана до Лёнсдала. Как видим, за четыре военных года в строительстве «Nordlandsbanen» произошёл мощный рывок.

Это, на первый взгляд, мелочи, детали — километры, даты. Но дьявол, как известно, кроется в деталях. Начнём с того, что строительство ста километров железной дороги в Норвегии равнозначно строительству тысячи километров Турксиба. Суровые природные условия, сверхсложный рельеф местности. Норвежские железные дороги — это на 4087 километров свыше 3000 мостов и 775 тоннелей в скалах. Двадцать пять процентов сети железных дорог составляют кривые линии с углом поворота менее чем пятьсот метров и около 75 процентов — подъемы и спуски.

Акцент на «рывке» в строительстве с 1941-го по 1945-й делается потому, что «рывок» обеспечили руки и жизни советских военнопленных. Им, их рабскому труду Норвегия обязана запуску важнейшей для норвежской промышленности ветки, соединяющей её северную и южную части. И здесь мы подходим к наиболее закрытой, фальсифицированный теме норвежской истории — теме военнопленных.

Вот что мы читаем на сайте норвежского правительства regjeringen.no о советских военнопленных:

«С 1941 по 1945 г. около 100 000 советских военнопленных было отправлено в Норвегию. Подавляющее большинство пленных составляли военнослужащие Красной Армии. Около 9000 были гражданскими лицами, из них около 1400 были женщины и 400 — дети. У советских военнопленных, пытавшихся убежать в Швецию, было мало шансов на успех. Беглых пленных выдавали те, кто жил вблизи лагерей или мест работы. Немцы хорошо платили за информацию о беглых пленных. Около 13 700 советских военнопленных погибло во время плена в Норвегии. Это самые крупные жертвы в Норвегии за время войны».

«Во время холодной войны история советских военнопленных была вытеснена из норвежской военной истории. События вокруг так называемой «операции Асфальт» 1951 г. были тесно связаны с политикой времен холодной войны. Многие памятники были разрушены во время переноса захоронений. Один из рабочих видел весной 1950 г., как был взорван памятник на реке Бьёрнелва. На вопрос, почему это было сделано, он получил ответ, что «туристам неприятно видеть кругом эти русские могильные памятники».

Вот такая информация с правительственного сайта, в которой ни слова об ответственности самой Норвегии. Впрочем, косвенно о ней можно догадаться, коль упоминается

«Операция Асфальт». Норвежские власти в начале пятидесятых поставили задачу все захоронения советским военнопленным перенести в единое место на далекий остров Хьётта (норв. Tjøtta). То есть уничтожить все могильные памятники, ограничившись одним на острове.

Хьётта — небольшой островок в Норвежском море с деревней в 250 жителей, труднодоступный не только для иностранцев, но и норвежцев. Подлейший трюк правительство Оскара Торпа мотивировало облегчением розыска погибших родственниками из СССР. Истинная цель — стереть из памяти норвежцев гибель тысяч советских военнопленных, похороненных в Норвегии.

Казалось бы, чего норвежцам скрывать? Проклятые фашисты захватили их родину, создали лагеря, где держали советских граждан. Они же и должны нести ответственность. Но в действительности скрывать есть что, ибо списать всё на гитлеровцев не получается. Ибо рабский труд военнопленных использовался как вермахтом, так и в интересах экономики Норвегии. Более пяти тысяч погибших советских военнопленных только на строительстве железной дороги «Nordlandsbanen», каковая к интересам третьего рейха имела отношение самое опосредованное.

Небольшая справка. Железные дороги Норвегии, с момента образования по настоящее время, государственные. «CargoNet AS» (грузовые перевозки) и «Vygruppen AS» (в прошлом «NSB AS») — пассажирские перевозки) принадлежат министерству транспорта и коммуникаций. Ещё в 1882 году, со времени создания «Norges Statsbaner» (NSB) норвежский парламент постановил: все норвежские железные дороги должны иметь единое управление и принадлежать государству. Отсюда правомерность признания Норвегии ответственной за использование на строительстве железных дорог советских военнопленных и за их гибель.

Вообще, как известно, норвежские политики — великие профи информационной фальсификации. В мире нет другого такого государства, какое трескотнёй о толерантности и свободе прикрывало жуткий расизм, ксенофобию и антисемитизм. «Операция Асфальт» с «зачищением» Норвегии от захоронений и памятников погибшим советским военнопленным — часть акта фальсификации истории. Это деятельность по сокрытию преступлений норвежской бюрократии, иных лиц разных слоёв норвежского общества, виновных в использовании труда военнопленных и в их гибели.

Плодами преступной деятельности в построенных железных дорогах, в других объектах экономики Норвегия пользуется по сей день. И — никаких извинений от официальных

персон. Всё, на что «решились» норвежские власти, — память о погибших бессовестно закатать в асфальт.

Впрочем, о какой совести может идти речь? Тот же Квислинг искренне не понимал, за что его судят. Не признавал своей вины его министр труда Рагнар Сканке. Профессор Сканке считал себя абсолютно невиновным, работавшим исключительно на благо Норвегии. Будучи членом Норвежской академии, Сканке не осознавал простой истины — из него сделали стрелочника. С его уничтожением прятали концы в воду о секретах странного роста промышленного производства Норвегии в годы оккупации.

«Суд истории — это не всегда суд времени», — писал Рагнар Сканке другу перед казнью в 1948-м. На счёт времени Сканке не ошибался. Спустя лишь три года после его казни память о советских военнопленных закатали в асфальт в прямом смысле этого слова. Сегодня один плохо ухоженный столб со звездой напоминает о тысячах погибших при строительстве железной дороги «Nordlandsbanen».

Поразительно, как многочисленные преступные мерзости «прокатывают» в Норвегии! Воздадим должное машине пропаганды королевства. Производное от неё — сплошной информационный мёд, в котором при внимательном рассмотрении обнаруживается небольшая толика дёгтя. Но мёд, замешанный на дёгте, вне зависимости от величины его концентрации, всегда превращается в дерьмо.

Яркий образец производителя информационного «меда с дерьмом» — Марианне Солейм, директор Баренц института Университета Тромсё (Норвегия). Сейчас поговорим о работе госпожи Солейм «Советские военнопленные в Норвегии 1941—1945». Всю работу пересказывать нет смысла — она стандартна для подобного жанра. В ней есть почти всё: число военнопленных, находившихся в лагерях Норвегии, нечеловеческое к ним отношение гитлеровцев, традиционные обвинения Сталина по Женевской конвенции и позиции к пленным. Отсутствует лишь участие самой Норвегии в преступлениях третьего рейха.

Прочитируем толику лжи, замешанной на фактах от Марианне Солейм: «Советские военнопленные в основном использовались в строительство железных дорог, взлетно-посадочных полос и крепостей вдоль береговой линии. Главнокомандующий в Норвегии Фалькенхорст потребовал 145 000 заключенных для выполнения плана Гитлера — строительства железной дороги до Киркенеса в Финнмарке (Северная Норвегия). Строительство железной дороги не было закончено до окончания войны».

Ответим лукавой мадам из Баренц института так: советские военнопленные «в основном» не использовались при строительстве взлётно-посадочных полос и крепостей вдоль береговой линии. Этим занималась германская Организация Тодта. В ней рабочие батальоны из военнопленных составляли незначительное число. Военнопленные использовались в «основном» при строительстве авто и железных дорог в совместных норвежско-германских интересах, нередко по норвежским проектам с использованием норвежского технического персонала — это во-первых.

Во-вторых, не существовало никакого плана Гитлера по строительству железной дороги из центральной Норвегии до Киркенеса. Нет и не было никакой «незаконченной железной дороги на Киркенес». Советские военнопленные строили железнодорожную ветку, соединяющую Центральную Норвегию с Северной — от Тронхейма до Будё. Ветку вели к Будё, который находится в 228 км от Му-и-Рана.

Расстояние от Будё до Киркенеса 1215 км. Это совершенно разные направления — от Будё к Тронхейму и от Будё к Киркенесу, достаточно взглянуть на карту Норвегии. Никаких железнодорожных веток от Будё или от Му-и-Рана до Киркенеса нет и вряд ли в ближайшие сто лет такие появятся. Если 729 км «Nordlandsbanen» строили сто лет, то на линию в два раза больше гитлеровцы затратили бы не менее двухсот лет! Ложью о мифических гитлеровских планах норвежская пропаганда скрывает свою ответственность за использование военнопленных в собственных интересах. Напомним — именно при строительстве «Nordlandsbanen» погибло максимальное число советских военнопленных в Норвегии!

Теперь перейдем к выводам. Главный — необходимость требования от Норвегии моральной и материальной компенсации за использование труда советских граждан и за их гибель. Вопрос об ответственности имеет значение и с точки зрения поддержки сил внутри Норвегии, выступающих против её союза с НАТО и против антироссийских санкций. Таковых в Норвегии предостаточно. Сошлёмся на итоги опроса, проведённого по заказу норвежского оборонного ведомства. Согласно ему, членство в НАТО поддерживает 63 процента респондентов.

А есть ещё известные антинаатовские политики и журналисты: Джулия Вильгельмсен из «Норвежского института внешней политики», главный редактор крупной ежедневной газеты «Klassekampen» Мари Скурдал. Есть влиятельнейшие антинаатовские — «Норвежский Союз муниципальных и общих служащих», насчитывающий 364 тысячи членов; пар-

ламентские политические партии — «Красная партия Норвегии», «Социалистическая левая партия», «Партия зелёных». Для них тема ответственности Норвегии станет рычагом борьбы с правящим блоком консерваторов за радикальную смену внешнеполитического курса.

Ответственность Норвегии за преступную эксплуатацию советских граждан в годы войны, за их гибель, кроме прочего, имеет практическую составляющую. Выплата Норвегией материальной компенсации Российской Федерации, родственникам тех, кого гитлеровцы угнали в Норвегию, будет актом справедливости, пусть даже запоздалым.

В обоснование правомочности требований сошлёмся на официальную норвежскую «практику». В 2012 году премьер-министр Норвегии Йенс Столтенберг от имени правительства извинился за депортацию 532 евреев в 1942 году. Извинения принёс и глава норвежской полиции Одд Рейдар: «Я бы хотел принести извинения от имени норвежской полиции и от имени всех тех, кто ответственен за депортацию норвежских евреев в концентрационные лагеря».

Извинения крайне показательны. В них — ни слова о проклятых оккупантах, нет завываний на тему «нас принудили, нас заставили». И глава правительства, и глава полиции говорят о субъектной, самостоятельной ответственности Норвегии как государства за депортацию граждан еврейской национальности и за их гибель в концлагерях.

Но если за депортацию 532 граждан еврейской национальности Норвегия, её силовые структуры признают собственную вину, то почему мы не слышим ничего подобного от норвежских властей за пять тысяч умерших от холода, голода, болезней, либо убитых при строительстве «Nordlandsbanen»? Не слышим извинений за гибель всех остальных, погибших при строительстве обычных дорог. За использование труда военнопленных на «благо» норвежской экономики. Не слышим извинений за норвежский эсэсовский «Караульный батальон хирда», охранявший советских военнопленных. Извинений за норвежских фермеров, сдававших немцам за вознаграждение на расстрел бежавших узников лагерей.

Норвегии для признания своей вины за депортацию 532 граждан еврейской национальности потребовалось 67 лет со дня окончания Второй мировой войны. Может быть, 75 лет со времени окончания войны Норвегии уже достаточно для признания наконец вины за гибель пяти тысяч советских граждан на «Nordlandsbanen»? Вопрос не праздный.

АСПЕРАТУС

РАССКАЗ

Облака эти получили весьма «мягкое» название *Undulatus asperatus*. С латыни переводится как «волнисто-бугристые» или «возбуждённые волны».

Чёрные, зловещие, асператус «возбуждаются» настолько, что видятся как бушующее море кипящей в огне смолы. При полной тишине, жуткой, угнетающей, этот «апокалипсис» наводит ужас на очевидцев.

До второй половины XX века подобные облака никто никогда не видел. В нынешнем веке они появляются часто, чаще всего в Северной Америке.

В 2009 году Общество любителей облаков в Корнуолле обратилось во Всемирное метеорологическое общество в Женеве: внести *Undulatus asperatus* в Международный облачный атлас. Однако вопрос о классификации этого феномена до сих пор не решён. Учёные не могут понять, откуда асператус берется и о чём свидетельствуют.

Герой рассказа Павел Александрович Шульгин, конечно же, ничего не знал об Обществе любителей облаков, основанном в 2004 году в Великобритании.

Автор

ПРОЗА

Приполярье. Раскулаченная Сибирь. Ссылка. До шелухи высосал гнус в таёжном урмане сибирский род Селезнёвых. На лесоповале придавило лесиной крепь его — деда Финадея.

Щелястый складской сарай, просвистываемый ледовитыми ветрами. В углу, в куче фуфаек и кирзачей зарылась с ружьишком дочка погибшего на делянке деда Финадея — Маня. И лихоманка не треплет, и не в горячке, не бредит — а привиделась ей жуть несусветная. Загремел засов... изнутри!.. Расхабарилась в пурге со страшным скрипом дверь. Вскрутился колесом косматый пуржный хвост. Свился в клубок, потемнел. Комок, спутавшийся из калёных, стальных волосев. Иссиня-чёрные волосы те шетинились, топорщились и посверкивали молниейками. И стужей тянуло лютой от этого дикобраза. И душу вынало...

Нестерпимо — моченьки нет!.. Вжалась Маня в казённое барахло, в кусок льда смёрзлась. Лишь глазёнки живы, тащатся на страхоблюдище.

В свистопляске пуржной нечисть закуролесила: скачет, кривляется, хрюкает, визжит, хихикает. Рыла со свиными пятаками, харилупатые, совиные, рысьи; волосохвостые и всякие твари крысорылые, гадюшные. И бесы козлодранные — верные псы сатанинские. С ощером, с усладой расправили каждый прутко сатанинского гнездовья, выпутали своего господина, явили грешнице Марии...

Пасха в помощь ей высветилась.

— Христос воскрес! — дева вымолвила.

И, замороженная, рванулась изо льда своего. Пылинкой ничтожной неслась в ураганном насосе, пока он не выплюнул её.

Обеспамятела совсем. Свист насосный забил уши, колол нестерпимо барабанные перепонки. Очухалась. При мглистой брезже пришла в себя вдали от лесоповала, на болотном кочкарнике. Здесь «жировал» на брусничнике беглый Санька Шульгин, разрывая под снегом ягодные куртинки...

Поскитались сырые по городам и весям неустроенной, послевоенной страны... И вот опять дробит время и километры «пятьсот весёлый» — лихой поезд-хлев. Павлик на коленях у тяти прилип к запотевшему окну. И нестерпимо хочется ему выскочить из вагонного уюта и бежать по полям и лугам туда, где взлетают поля...

— Так хочется иногда сойти на каком-нибудь глухом полустанке, — тоскливо вздыхает отец вместе с сыном, — и начать жизнь заново.

Мария испуганно ойкает, словно заговаривая мужа от порчи, причитает:

— Бродяжий дух всё это, Сань! Омутной...

Обустроились в бараке при шамотном заводе. Александр плотничал, поддоны для огнеупорных кирпичей сколачивал. Мария полы барачные мыла и топила водяной куб-титан. Повестка пришла, Александра в трудовую армию забрали. Он и запропал. Бродяжий дух захватил. Омутной...

Барачный мир с верботой, бывшими эсками и полицаями, с поножовщинами обрыдл Паше. Однако мир этот тяжёлый, надземный, пушинкой показался по сравнению с миром подземным.

Общажную барачную «зону» раскидали по шлакоблочным домам, построенным пленными немцами. Марию «повысили» до дворника и выделили в коммуналке угол на кухне. Заселились соседи: немолодая уже семейная пара. Сосед оказался важной птицей: возил на «Победе» какого-то пузана.

Мария, едва выжившая в ссыльной лютости, в непосильной борьбе со стужей и снегом после «тропической» кубовой надсадилась и начала заходиться в надрывном кашле.

Шоферюга с жёнушкой озверели, от их ора и пакостей не стало житья. Безответная Мария собрала пожитки и с сыном спустилась в подвал.

Ещё недавно там была котельная. Трубу свалили на металллом. Кочегарскую бытовку Мария выбрала пристанищем.

Спускался ли кто-нибудь в крошечной тьме, спотыкаясь и падая на склизких, выщербленных ступенях — в ад?

Только у самой жилой норы тлела чахлая лампочка. Но до норы ещё надо было добраться... Першило в горле от угольно-прокопчённой затхлости. Хлюпал слякотный щелястый пол, едва не сбивали с ног верещащие крысы. В затишьи сердчишко Пашино дёргалось от малейшего шороха...

Самые беспутные забулдыги не рисковали соваться сюда. Ни один кот не прожил и дня у Шульгиных. Китайские фонарики не выдерживали: лампочки быстро перегорали, батарейки садились...

Из подвала выползал зачуханный заморыш. Шурился всё время от яркого света и моргал. Как он завидовал живущим в доме!.. Офицерша Меркулиха распахивала дверь на балкон — из гостиной рвалась популярная песенка: «Ландыши, ландыши — светлого мая привет!..» Меркулиха красовалась в китайском халате, потягивалась, вскидывала руки кверху — навстречу солнцу. Днём под те же «Ландыши» капризным голосом звала своего Альку:

— Аль-бэрт, пора кушать!

Тотчас высывалась из окна Валеркина бабушка:

— Валерик, иди обедать!

И другие бабушки, мамыши звали Славиков, Юриков...

Только Пашку никто не звал. Он уныло слонялся по кварталу. С ним, с подвалышем, с Моргуном, никто не водился.

Всё круто изменилось, когда Шульгиной выделили вполне сносное жильё. Двухэтажный дом в другом квартале аж на три подъезда. Опять же кухонька в однокомнатной коммуналке. Комната же пустовала, ждала какого-то специалиста. Домашняя ухоженность нового жилья сняла придавившее Пашку угнетение. Как говорится, бедненько, но уютно. И мурлыка прижился, ластится. Улыбчивый, певун: мур-мур!.. Мурзик.

Едва забрезжило, Мария натянула серый дворницкий халат с ляжками. Закрывает дверь на ключ, ушла подметать свои «владения» — территории вокруг четырёх домов. Два дома в «своём» квартале. Два близ шумного завода. Ехать на трамвае через весь город и пешком — на окраину.

Под колыбельные Мурзика Павлику спалось сладко. Проснулся и долго ещё нежился в кровати, поглаживая мурлыку. Умылся, поклевал вилкой жареную картошку в сковородке; выскреб хрустящие маслянистые шкварки. От них и Мурзя не отказался.

Оделся в обновку: ковбойка, вельветовые штанишки на ляжках, сандали. Дверь заперта. Ключ на тумбочке в коридоре. Без него обошёл: ещё потеряет на улке. Под маяканные разобитенного кота полез в форточку. В этом квартале котёлка сохранилась. Перед окном высилась кочегарская труба, как на пьедестале. Мурзик рванулся за Пашкой, но тот перед самым его носом захлопнул форточку и спрыгнул на фундамент.

Мать двор уже подмела, но он ещё был пустынным. Посреди серого квартала желтела танцевальная площадка. Недавно сколотили из пахучих свежеструганных досок.

В тишине безлюдного утра Пашка рыскал вынюхал каждую щель на танцплощадке. Расчёска и треснувшее круглое зеркальце — первый его «улов». Обошёл вокруг: полкоробка спичек, портсигар, в нём две папиросы. Нюхнул — чуть не стошнило. Зато под площадкой нашкулял горстку монет: пятаки, десятички. Вылез с таким богатством на свет божий — конкурент перед ним! Долговязый, рыжий, в кепарике с пуговкой на макушке, в заштопанных портках на ляжке через плечо. По возрасту тоже дошколёнок — ровня Пашке. Хмырь скривился, цвиркнул сквозь зубы прилпатнённо:

— Сшибаться будем! До первой крови.

Пашка опешил. Из кармана его штанов выпал портсигар, блеснул на солнце.

— Сорок семь — дели на всех! — выпалил рыжий, нагибаясь за портсигаром.

Витька Сухнев, Сухиса, оказался чуть ли не родней: бэзотцовщина, и мать — тоже дворничиха. Пашка охотно отдал ему побрякушки. Тот с шиком открыл портсигар, шелбанил по «казбечине», лихо зажэг её и, сладостно зажмурившись, затянулся...

Мелочь Паша честно поделил пополам. И Витька, благодарный, начал проводить с ним курс «молодого игрока»: орёл — решка, об стенку. И чика!.. Ставится на кон столбик монет, решкой кверху, с равной долей каждого чикиста. И первый, по жребию, с десяти шагов метит битой, чаще свинчаткой, в цель. Бросок! Сорлом, с остовом! Точняк! Те монеты, что перевернулись на орла, — выигрыш. Другие чикист лёгким ударом биты тоже норовит перевернуть. Подчас удаётся перевернуть все, до полного выигрыша. Если перевертыша не получилось, бьёт следующий.

Через неделю Пашка уже слыл настоящим чикистом и частенько одним броском забирал весь кон. Однако вредные мороженщицы чикистскую мелочь брали неохотно — мятую, побитую.

Глядя на Пашкины успехи, «учитель» преподавал ему ещё один урок. Из бездонного порточного кармана извлёк нечто похожее на мышонка. Пашку знобко передёрнуло: подвал вспомнился. К свинцовой «пуговке» Витька пристебал лоскуток шерстистой кожи. Он подбросил эту шёрстку и внутренней стороной стопы начал ею чеканить: раз, два... сорок!.. Сто! Настоящий мастер спорта по чеканке зоски!

С завистью взирал Пашка на этот рекорд бывалого уличного пацана. Сухиса же позавидовал новому корешу. Труба высылась перед его окном, а в подвале между вторым и третьим подъездом — аж три котла! К ним спускался жёлоб, по нему сгружали уголь. И опилки — для очистки котельной.

Друзей манила гора опилок. И они съехали с неё по жёлобу. Перед ними у огнедышащего зева топки орудовал лопатой и кочергой чумазый истопник. Он даже не цыкнул на сорванцов. И они снова, уже с ликованием, как с ледяной горки, слетели вниз. Ещё раз. И ещё... Изгваздались, точно анчутки. И сменщица, толстуха-кочегарка в робе, погрозила удальцам пальцем:

— Шалуны — чисто негритёнки!..

После кочегарского аттракциона Сухиса повёл Шульгу по своим заветным тропам. Они покружили возле дальних обсаг, где не гуляла ещё дворничья метла. Пока катались с «горки», общежитники до заводского гудка ушли на работу.

Потому общажные дома стояли мрачноватые, безголовые. Лишь кое-где слышались голоса и пластинки с Утёсовым второй смены. Среди кульков с килькой, хвостов селёдки, вспоротых консервных банок «поисковики» нашкуляли под окнами добра целый воз. Сухиса даже выпростал припасённую холщовую котомку. Нахапал всякой мелочёвки: расчёски, окурки, спички, шпильки, запонки, зажигалки, зубные щётки, штопор, пуговицы, носовые платки, бритвенный помазок. Ещё награбастал одеколонных флаконов, аптечных пузырьков, чекушек, поллитровок, стеклянных банок. «Ударнику труда» не досуг даже было взглянуть на «урожай» дружка. Добыча Пашкина оказалась уловистой не по количеству, а по качеству. Перламутровую, дорогую гребёнку скобкой он припас для матери. Алюминиевые ложка и вилка с процарапанным лагерным номером сгодятся в домашнем хозяйстве. Заныкал подальше от Сухисиных глаз кошелёк с шариками-застёжками. Бога-атый! Две бумажные пятёрки в нём! Тоже мамке отдаст. Мурзику — целлулоидный пупсик. Голенький, розовый — точно после бани. Вот будет забава игрунчику! Себе же приберёт перочинный складешек, тоже с перламутровой ручкой...

А драться Пашке всё-таки пришлось! Сухиса отнёс своё богатство домой и привёл шпанистого пацана. Болезненно кривясь, тот сучил пальцами. Его донимали болючие заусеницы на ногтях, и он с ощером, с хищноватым прикусом грыз их. Неужто в чужих карманах заусенил?.. И вот с таким «орлом» Сухиса велел Шульге сшибаться. До первой крови. Так заведено. Стаська — новичок, и обязан пройти обкатку боем. То, что Пашка оказался в ранге старожила, придало ему стойкости. Небольшого росточку, но крепенький, он выдержал «боксёрский», с пританцовыванием, наскок противника. Ухватисто обнял «танцора» и повалил на землю. «Бойцы» с кряхтеньем стали барахтаться. Стаська царапнул Пашку за нос, раскровил. Шульге зачли поражение, после чего соперники обнялись, как закадычные приятели.

Стаська Подойников только сегодня въехал с семьёй в милицейский дом, соседний с Пашкиным. Его уже начали красить в жёлтый цвет, и все называли жёлтым домом. Некоторые знатоки психиатрии при таком назывании ехидно ухмылялись.

Ещё год назад Стаська был таким же безотцовщиной, как и Пашка с Витькой. Но ему сказочно повезло. Мать его, прачка в УВД, познакомилась со старшиной милиции. Фронтвик, израненный, одинокий, он обрёл семейный уют, а

Стаська — доброго отца. Хоть и скуден был скарб новосельцев, но сын, оберегая папку от надсады, по-грузчицки хватко носил вещи. До ломоты, до заусениц.

В ста шагах от квартальных домов в слоистом пару перекачивалась Горячка. Дощатый мост через неё лежал поперёк широченной трубы. Там, где горячая вода с гудом выхлестывалась из «банного» чрева, на кромке трубы после службы парил ревматические ноги дядя Миша — Стаськин отец. Пашка завидовал Подою. Как хотелось ему, чтобы и у него был отец!..

До индустриальной эры металлургического завода Горячка звалась Вязовкой, и в ней водились шуки. Об этом квартальной ребятне поведал дед Матвей. Его огород от избы спускался к речке. И пацанва частенько шастала по грядкам. Горохом рассыпалась при грозном появлении Матвеевой жены — бабки Фроси: она и вичкой могла отстегать!

Сам-то дед баловал ребятку моркошкой, репой и турнепсом. Его он садил для своей любимицы бурёнки Зорьки. Когда жёг ботву, позволяя ребятне пуляться картофельными зелёными «помидорками» — семенными шариками.

В одну из таких перестрелок, пополудни, бледные нити перистых облаков начали скручиваться в сизые клочки. Кучевые, толкали друг друга — и темнели, гряда за грядой. Ворочались свинцовыми валами, выдавливая мглу со ржавым налётом. Взбурлилась она, забагровела. Всклубилась. Аспидно-пламенеющие языки заизвивались. Будто чудовищный дракон лизал небо... Ветер внезапно стих. Гнетущая тишина. Мертвенное небо...

С вытаращенными от страха зенками Пашка глазел на этот ужас. Сквозь едкую дымчатую наволочь — вселенская жуть.

Его затошнило... Заголосила, заблажила живность на Матвеевом подворье. Раздался трубный, трескучий рёв Зорьки...

От угара, от страстей отхаживала мальчика баба Фрося, отпаивала молоком. Она тоже ужаснулась Божьему знаменю, слёзно молилась:

— Светопреставление! Кончина мира! Конец света!.. Сказал Господь: «Восстанет народ на народ и царство на царство. Будут большие землетрясения и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба». Прогневался Создатель за грехи наши. Помилуй нас, Господи Иисусе Христе!..

Долго крестилась на образа баба Фрося.

Продымленный, прокопчённый, приплёлся домой под вечер Пашка. Мать прогорклости его не учуяла. В дворницкой пыли и не заметила никакого знамения. Лишь Мурзик, от-

фыркавшись от горечи, запросился к Паше на руки и лизнул «молочные» губы. Остатки — сладки.

Сердце Марии давно уже закаменело. В дворницкой пыли и стуже лёгкие её становились всё хлипче. Всё дольше и ниже гнул её кашель; костлявый, как смерть, срывался в кровохаркание. Но из всех сил держала она за поводья клячу-жизнёнку. Успеть бы поставить Павлушу на ноги!.. Ушла, сердешная, когда он ПТУ оканчивал.

Металлургический завод набирал мощности, разрастался. Укрупнили его до комбината коксохимом, шамотным, теплоцентралью. Кратно возрос объём ремонтно-строительных работ, и РСЦ вынужден был привлечь на подмогу солдатиков из стройбата. Из-за болезни матери армейскую службу Шульгину отсрочили. После окончания профтехучилища призвали в армию. Со стройбатовской ротой попал в ремонтно-строительный цех.

РСЦ не только возводил новые объекты и ремонтировал старые. Это был своего рода летучий отряд. Ставил новогодние ёлки на площади, теремки, горки-катушки. Оборудовал дворовые детские площадки, заливал хоккейные коробки. Сколачивал и красил заборы, перекидывал мостки через разлившиеся паводковые ручьи. И нёс скорбную службу: делал и обряжал красное гробы для умерших работников комбината. Сваривал из жести памятники. Похоронная команда в любую стужу копала могилы, отогревая ледяную землю кострами из лысых автопокрышек. Слаженно опускала «домок» с усопшим на долгое «житьё».

После службы Павел остался в РСЦ. Плотничал на объектах, комбинатовским художникам-оформителям сколачивал подрамники, планшеты, стенды. Кудесник: кузбаслак смешивал с алюминиевым порошком и получал — серебрин! Грубые краски: сурик, охра, шаровую — не признавал. Тонко наводил голубовато-розовый — утренней свежести, сиреневато-розовый — вечерней. Знатный колерщик: глаз — чуткий и меткий на цвет.

Незаменимый. И швец, и жнец, и на дуде игрец. До него полы выкладывались плитками в шашечку. Он же показал себя как заправский дизайнер. Пол в «предбаннике» перед кабинетом начальника цеха выложил простенько, но со смыслом. Никаких шашечек! Ничего лишнего, отвлекающего. Дорожка — ведущая на «ковёр» к начальству. Огневая. Обрамлённая белыми зубцами. Трепет! Никаких приписок! Правда и ничего, кроме правды!..

После такого, глубокого по содержанию, дизайна начальник доверил плиточнику весьма ответственное дело. Супру-

га его заведовала аптекой. Заботливый супруг надумал к её дню рождения обновить вывеску.

Надрезав нержавейку по контуру букв, Шульгин выгнул их объёмно. Прибил дюбелями на «челе» фасада. Засверкала «АПТЕКА» на солнце! Венченосно украсил её замечательным символом-гербом. На пурпурном кубе, как бы на отлёте, прикрепил серебряную чашу, обвитую змеей. Долго любовался своим произведением. Малыш, проходящий мимо с отцом, разинул ротик и указал пальчиком на эмблему:

— Папа, а это кто?

— Мама кушает мороженку.

С грустью усмехнулся Павел: «Да-а!.. Семейная жизнь...»

— Да ты, Шульгин, классный жестянщик! — начальник был в восторге от «своего» подарка супруге. — Всё символично, блестит, сверкает!

— Как в аптеке, — поскромничал Павел.

К профессиональному празднику День строителя добавил и день жестянщика. Обычно его «празднуют» мастера кузовных работ после аварий в гололедицу. А у Шульгина свой личный, заслуженный.

Благодарный начальник возвёл Павла Александровича в бригады. Походатайствовал, чтобы он получил нормальную однушку, а не ютился в коммуналке с соседями на бывшей кухне. Подвалыш Моргун отхватил целую квартиру! В таких хоромах мама ещё бы долго продюжила. Жаль, не дожила!..

Справил новоселье с бригадой. Хотел пригласить лаборантку Галину из химцеха ТЦ, да сробел...

Плиткой пол в её цехе укладывал: на лазури — бирюзовые цветы. Стены не известью забелил, на которую пыль садится, кафелем выложил — небесно-сиреневатым. Преобразился мрачноватый химцех чуть ли не в фитолaborаторию. И лаборантка в этой небесности: голенастая, лазоревые халатик и косынка, миндальные глаза. Эфирная!.. Очень понравилась Галине Павлова расцветка. Эстетика!..

— Как в аптеке, — поскромничал он.

Походы дворово-школьных друзей и подруг в леса с ночёвкой в разлюбленных шалашах неминуемо должны были возбудить в юных телах природные влечения. Томление плоти — с милым рай и в шалаше. Парням и девочкам приспичило. Уж замуж невтерпёж! Женихальная «пандемия» охватила весь квартал. Ясен пень, любовная лихорадка всегда заканчивается загсом. Слепцы, которым семейная жизнь грезилась в цветущем виде. И погнались за метеорами... Сценарий же семейных «саг» был один: сногшибательные бури.

— Что-то вы часто с Риткой ссоритесь? — встретив Стаса Подойникова, сочувственно покачал головой Павел.

— Да нет, мы сразу дерёмся!

«Да нет...» — вздохнул холостяк Шульгин.

В коммуналке с ним соседствовала пожилая пара. Старик хворал, не следил за собой, неряшливчал. Жена обихаживала его, жалела до слёз. Представляла, что с горя умрёт, когда он скончается... И стала допекать его попреками. Он терпел, терпел и начал огрызаться. Она распалялась, скандалила. И он — в крик. Умер. А ей совсем не жалко. Без него лучше!..

Отчаюга Сухиса забрался как-то через балкон к «временной холостяжке», у которой муж уехал в командировку. Нагрянул нечаянно, неожиданный. Пришлось юному любовничку «катапультироваться» с третьего этажа. Без ноги остался. Одноногий бес с гиканьем гонял на велике, моржевал в апрельской луже со льдом, называемой прудом. Порхал на костылях, задирался даже на шишкарей, отчаянно дрался и получал сдачи — сломанные рёбра. И в шестнадцать лет женился на крале из адвокатской семьи. Попервости целый медовый месяц разводил с милой жёнушкой рыбок в аквариуме. Не уследили молодожёны за рыбками — померли бесхозные гуппи... После рыбно-семейной трагедии перебрал Сухиса ещё пару-другую жёнушек.

Многолюдные свадьбы Павловых дружков справлялись по-купечески разгульно, по неделе. Эти народные гулянья пожирали несметные деньжищи — и месяца через три брак оказывался браком: не сошлись характерами. Прошла любовь — увяли помидоры.

Семейные смерчи многих унесли в иные края, неведомые — по горемычной, пьяной лавочке...

Такие судьбы вызывали у Павла Шульгина естественный отпор. К совместной жизни с Надежкой, бывшей одноклассницей, изначально ею вымечтанной, он не был готов. Бросились девки женихаться, а он стреножил своего рысака Эроса. Кровяная, булькающая плоть облекается обычно в привлекательную форму, в заманиху. А он, серовастенкий, не был молодцом по женской части. Розовые облака виделись ему в форме клоунских губ. Муж — это всё, что остаётся от мужчины. Женильба — хомут. Нет краше хомута из солёных сушек к пивку!..

И вот он, холостяк непреклонного возраста, затрепетал, как осиновый листок... Оба не первой молодости: ему тридцать с лишком, и Галине столько же. Совместная жизнь с нею виделась ему контурной картой. Её очертания он нарисует благополучно. У него с Галей всё будет по-другому, не-

жели у друзей-горопыжек. Уж у него-то покатится житьё разлюбезное!

Попервости так оно и текло медово. Сошлись, съехались, озаботились обустройством двухкомнатной квартиры: рядом да ладком. Притёрлись... Всё переборчивей Галина становилась. Придерживалась вегетарианства. И даже грибы не признавала: не растение. Павел отвык от рыбы, от лука-чеснока. На дух не выносила запахи от них. А уж если пивной запашок от муженька — отдельная ночь.

У неё работа не пыльная. А он иногда так навкалывается на сдаточных объектах, при аврале и штурмовщине, что еле ноги волочит. Мог позволить себе побальзамировать трудовую усталость лёгким выпивончиком... После путяги дворовые парни перед армией на металлургический распределялись. Рабочий класс! Получку обмывали с шиком — коньячным напитком «Звёздочка». И Павел оставался приверженцем этого доброго эликсира молодости. И хочется, и колется, и Галка не велит. Но не подкаблучник же!..

Она с гонором закрывалась в спальне и глазела на мордочкой со всякими шварцами, брюсами, сигалами. Ах, как играют «кубики» на бронзовом животе Слая-Рембо! Настоящий мужчина!..

Павел этот «голливуд» воспринимал как неверность, измену. Выглядел он невзрачно. При сквозняках на строительных лесах нос шелушился, обмётывало губы, и он смазывал бобоны «Тройным». И вот «амбре» одеколону и коньяка вывело из себя нюхачку, и она обозвала выпивоху скунсом.

— Эфирная дамочка, веганка — и взасос наслаждаешься скуловоротом! — пьяненько помотал головой Павел. — Я дико извиняюсь, конечно, Галина Прекрасная, резеда ты моя, дереза! Ах, как сузила свои миндальные глазки! Япона мама!..

Плаксиво заморгала. Но сильные женщины не плачут. Врубил Стинга и принялась за уборку.

Нет худа без добра. Всё в квартире засверкало, словно Боженька вспырынул росой малиновый вечер.

— Как в аптеке, Галь! — доголубил бутылёк «Звёздочки» Павел.

Добродушно махнула рукой: что, мол, с тебя взять, выпивоха!..

Незлопамятные, отходчивые — и горе их улетучивалось, как утренняя роса.

Интим у Павла с Галкой случался нечасто: в неделю всего лишь разик. Скупое мужское счастье! Он так и звал редкие радости разиками. Не старые ещё, и восьмидесяти нет на

двоих. Но у жёнушки вечно что-нибудь да болело. И муженёк язвил:

— А брови у тебя не болят?

Устал клянчить внеочередные «разики» у законной своей супружницы. При таком режиме и ребёночек не появляется. Кто виноват?.. Смирился с унижительными подачками по жестокому графику. Что поделаешь — веганка. Гнал докучливого Эроса калёной метлой от себя подальше. И уходил на лоджию, забитую Галькиным барахлом. Распахивал окно. В успокоении распахивал небо...

Походы виделись с дворовыми парнями и девочками... Ушица жгучая из окунчков с янтарной юшкой, речные закаты; ночные костры, звёздочки от них рассеиваются в небесной звёздности... Первая любовь — Надейка... Был ли он красивым?.. Но молодым был! И ещё не раз томился, как весна, влюбчивый... Сколько вознесующего света вбирал, заскорузный, от отзывчивых девичьих сердец! Юность влюблённая — символ всего светлого в жизни Павла. Без неё, верно, и не стояли бы на расхлябанной дороге верстовые счастливые дни.

Юная любовь уплывала из памяти. Но порой мерцающе струилась в потоках тёплого воздуха, какой от весенних распаров дрожит, как стрекозиные крылышки. И вот текуче заплескался в радужных световых переливах образ. Ясный...

Надейка... Вот бы встретиться!.. Павла даже овеяла черемуховая свежесть неведомой радости!.. Рука в руке, и манит их незабвенное, неповторимое, дабы повториться, а быть может, и остановиться, и длиться, длиться вечно...

Встретились. Она слабо улыбнулась. В тусклых глазах упрёк — на жизнь, о которой мечталось иначе. Долговязый адидасовый недоросль окатил школьного дружка мамки ледяным высокомерием принца. Словно кавалера, она взяла его под руку, и они, будто прохладяясь по набережной, направились к отцу-супругу, застывшему, как изваяние. Павел по достоинству оценил его сановитую дородность. Видный мужик, ничего не скажешь. Шульгин по сравнению с ним просто смерд. Но он не стал самоуничижением изничтожать себя. Взглянул на себя как бы со стороны, другими глазами увидел и Надежду. Да, любовь слепа! Вне любви Надя оказалась обыкновенной тетёхой: рыхловатая, с жирными барашковыми кудерьками — семейно-озабоченная клуша. Павел был потрясён. Милая славнушка стёрлась в коммунальную бабу.

Как опасно тревожить прошлое! Взрывчатое, оно может изуродовать милые сердцу образы, разнести заветные вер-

стовые столбы. Без этих дарованных Богом поводырей — хмарь и хлябь распутицы замотают человека.

Потревожил.

В подшефном совхозе уродился небывалый урожай помидоров. В битву на обильные поля бросили бригаду Шульгина. Возроптали работники:

— Обязаловка!

— Буквой «зю» корячиться!

— Принудилровка! Не гусарское это дело!..

Павел Александрович проявил недюжинное красноречие. Закисли-де в городе. Какая отрада — освежиться на родной природе! Почувствовать корни свои деревенские, крестьянские. Попить молочка парного, коровьего, не порошкового суррогата. Фу, слово-то какое!.. Да и долг гражданский исполнить — помочь селянам и государству. Пообещал бригадир отгулы и премиальные...

Необозримое поле, конца и края не видно. В первый же полевой день полудни ливануло. Кусты помидорные полегли. Солнце вжарило. Парко над полем, душно. Листья волглые, пахучие. Горьковато-терпкий, скипидарный дух паслёновых. Густой, до тумана в большой голове Шульгина... Ребяшня в сквере в войнушку играла. Проголодались солдатики. А из кустов сирени зазывно выглядывала дреза — рясная, в красных ягодках... Тошнило многих. Волчьи ягоды, паслёновые... Когда дед Матвей ботву картофельную палил, та же беда с Павлом стряслась. Тогда ещё небо взбурлило, вскипело до жути. Будто сжигание ботвы паслёновой взмутило небеса до страшного явления — асператуса.

С тех детских времён подвержен Павел аллергии на паслёновые: насморк, чих донимают, глаза слезятся; губы, нос обмётанные, бобоны; голова гудит, как чугунок. Комбинат держал подсобное хозяйство: свиарник, теплицу. Её поколошматил град. Ремонтники вставляли выбитые стёкла. Застеклили. И такой духман паслёновый вмиг настоялся, забил теплицу до отказа! Тошнота, дурнота... От испарений и недужного пота роба превратилась в мокрую тряпку. Пробкой вылетел из этой душегубки парниковой Шульгин. Едва отдышался. Так злодействует отравный соланин в листьях паслёновых. А в белене и дурмане — вообще убойность. Да и картошка, когда позеленеет, — опасна. В такой этого яда соланина предостаточно. Галку же, веганку экономную, картофан с соланином не смущал. Благо, пока не отравились...

И вот помидорное поле в испарениях после дождя. Под жарким куполом неба. Планетарный парник. Парко, полчи-

ща комаров. Тошно, дурно. Хоть респиратор напяливай или противогаз... Почувяв нашествие сокрушительной аллергии, Шульгин ретировался с опасного паслёнового поля. Прикрылся заботой о бригаде: доставит-де ей удовольствие попочеваться свежим молочком.

Ферма раскинулась на окраине села. Внутри она была опутана прозрачными трубками. По ним струилось только что выдоенное доильными аппаратами «Ёлочка» молоко. В две шеренги взмыкивали бурёнки, смачно жующие ароматное сенцо с медвяным клевером.

Погладив бархатистую морду уросливой рекордистки, к шефу, державшему канистру, подошла доярка. Молочная. В белой косынке и халатике. Пропитанная, благоухающая свежим молоком. Манящая... На «молочко» задушевное, сердечное позвала.

Сбегал к бригаде с гостинцем. Попотчевались парным молочком. Пособирали в ящики помидоры. Благо духота спала. И Павел Александрович ввечеру наведлся к любезной доярушке Любаше. Разомлевший после баньки, в гостеприимной горенке понатужился пельменями, блинами с первачком слаще сливок. Посластился в спаленке, тоскующей по мужской ласке. В деревне-то мужики наперечёт: дельные в городе устроились, остальные и не мужики вовсе — пьянь...

Подвергся любовному землетрясению! Даже и не понял, как всё произошло. Куколкой, зная, измена зрела, своего часа ждала, чтобы выпорхнуть бабочкой из постной жизнёнки в манящую даль. Сладостную...

Лучшая защита от совести — нападение. Не он виноват — Галка!.. Вегетарианка, хотела и его склонить к сектантству. «В человеке всё должно быть прекрасно!» — повторяла Чехова Галина Прекрасная. Да ведь хороших мужиков разобрали ещё щенками. А он, Шульгин, — нехороший. Никак не приручается женой. Скажет ей что-нибудь поперёк — а в ответ: а ты! Сам, мол, хорош! Так и тычет. Как с такой тыкалкой разговаривать? Бубновая дама: бу-бу-бу!.. Всё бубнит и бубнит. Переборчивая шибко! Тот, кто любит, не придирается из-за всякой мелочи. Дьявол — в деталях. Вот и не климатит. Нет сочетания. Любви-то — как дождик в две капли. Хотя сносно жили, терпимо... Так ведь жена даже молоко не пьёт!..

Поскучнел Шульгин. В глазах Галины, во всём её облике налёт сомнения появился и недоверия. Женское чутьё... Он же взял отгулы.

11 сентября принялся отмечать День гранёного стакана. Выдающаяся скульпторша Вера Игнатьевна Мухина изва-

яла знаменитую скульптуру «Рабочий и колхозница». Но главный свой шедевр она сотворила 11 сентября 1943 года. Гранёный стакан! К наброскам этого «монумента» якобы приложил руку Малевич, Казимир. Замазал сажей полотно — и гений «Чёрного квадрата» и всех времён и народов! Да не подпустила бы Вера Игнатьевна эту темноту к созданию светлого образа — Гранёного! В созидании нетленного произведения она опиралась на опыт предков. В XVII веке подобное чудо называлось «достакан» и собиралось из липовых дощечек. Мухинское творение из стекла имеет двадцать граней, и в него можно вбухать всклень, с горкой, двести пятьдесят граммов водовки. Для умеренно пьющих позволительны две сотки — до ободка, до «юбочки». Гранёный — незаменимая посуда на кухне. Это вынуждена была признать привередливая веганка Галина. Удобная мерка для воды, сахара, растительного масла, гречки, манки, риса, варенья. Один досужий счетовод прикинул, что высота «Рабочего и колхозницы» — 476 гранёных стаканов, составленных один в другой. Такой вот небоскрёб!.. И где теперь рабочие и колхозницы мухинского величия? И гранёный — музейная редкость.

Павел Александрович весьма чтит День гранёного стакана. Знаменательный праздник! Вот и непочатая, непорочная бутылочка «Путинки»! Замахнул соточку-другую... Возбужден критически. А ведь непорочная — очень даже порочная! Хм-м!.. «Путинка»... Заврались до бреда-бренда! Бренд: водка «Путинка» — двинул ушлый маркетолог с говорящей фамилией Кауфман. Kaufen — в переводе: покупать. При регистрации бренда сей господин с лёгкостью доказал, что фамилия «Путин» к его проекту не имеет никакого отношения. Что «Путинка» — это уменьшительно-ласкательное от рыболовного термина «путина». Какие нежные создания — труженики моря! В потогонную путину! Сезон усиленного промышленного лова рыбы. Тяжелейший труд, зачастую в штормовом океане — и путинка! Попадись просолённым трудягам-рыбакам этот прошелыга-словоблуд, закинули бы на рею вялиться.

Вот такую дичь порют брендисты. Дичь визжит и извивается от счастья! Ещё бы! Патриотично-лиричная реклама пробирает до глубины души: «Товар имеет истинно русскую душу. Мягкость, нежность вкусовых ощущений». Вот тебе и Кауфман: купил простаков!..

«Русскую душу» по достоинству оценил департамент кошрута при главном равнине России — выдал сертификат кошерности водке «Путинка».

Бред сивой кобылы!.. Кошерная водовка!.. Принял Шульгин на грудь ещё сто пятьдесят «кошерности». Разговорился. Сам с собой. В тему..

— Вот смотри, Павел Александрович! — уважительно об­ратился к себе. — В консервах обнаружена подмена рыбы. Вместо нерки, кеты и кижуча втюхивают дешёвую горбушу.

И себе же отвечивал:

— Чему тут удивляться, Паша, коли во власти подмена. Рождённый ползать — пролезет везде!.. А как Галка думает? Она же вон какая умная!.. Галь! — позвал Шульгин жену: — Правительство заявляет, что растут зарплаты. Это как это? А, Галь?

Галина предстала пред мужем во всей красе: шорты «бер­муды» телесного цвета, стрижка боб-каре, миндальные очи. Неотразима!

— Да не врут они, Павлик, — так ласково она называла его лишь в медовый месяц. — Зарплаты у верхушки действи­тельно растут. Посредственности живут не по средствам.

Терпеть не могла политиканства мужа, и вдруг обнаружи­лась схожесть во взглядах. Налёт подозрительности слетел с её лица. И у Павла полегчало на сердце: полегчала измен­щицкая вина. Вдохновился милостью жены, вспылал об­личительной праведностью:

— Какие-то газокосильщики, «достояние» России — всё её достояние в мошну свою сгребают. Это же социальный расизм! Где эти воры-профессионалы получили профессию?

— Где, где... В комсомолах и партиях. Оборотни! И мозги их людоедские такие же, как у племени тумбу-юмбу. И худ­рук их, от слова «худо», вносит большой вклад. А выносит ещё больше! — в ораторстве Галина превзошла мужа.

— Ну ты даё-ёшь, Галинка! — восхитился он. — Это ж надо же: худрук — худой руководитель! Вот это да-а!.. За это надо выпить!

— За что за это? — недоуменно вскинула бровки Галина.

— Как за что, Гал? За твоё точное словечко! Давай по сто­почке!

К изумлению Павла, Галинка, вегетарианка, не отказа­лась. Поцеловались. Чокнулись. От семейного счастья у суп­руга затуманился взор, и он ни к селу ни к городу выдохнул:

— Такая вот петрушка, Галь!..

Раскаяние запутавшегося мужа услышалось ей. И в знак прощения она пьяненько приобняла его. Глаза у обоих по­влажнели, и, слипшиеся плечиками, они задушевно прикло­нили головы друг к дружке. Вот-вот затянута слёзную «Тон­кую рябину»... Слёзы — не признак слабости, а признак того,

что у человека есть душа. Всё вроде уладилось, семейная дорога выпрямилась. Но у женщин нет компаса. У них есть только настроение. Мужик выпьет — всё забудет. Женщина выпьет — всё припомнит!.. Прокурорша! Железная женская логика: всё в кучу сгребла. Когда доводы слабели — голос накалялся. Умная, воспитанная, интеллигентная и даже вроде добрая — и вот как два срока отмотала!

Шульгин заткнул пальцами уши, провёл ладонью по отёчному лицу, аллергически, страдальчески поморщился:

— Много жести в тебе, Галь, и оскорблений.

Во всех своих бедах человек виноват сам. Жалкая видуха у него под обрушением ора. Двухдневная щетина, нос пористый маслится. Шлёпки дырявые, пузыристые треники, обвислая майка. Почесал рябое плечо.

— Чмо! — плюнула в него супружница, уходя к своим шварцнегерам.

— Ну что поделаешь, если похож, — горестно вздохнул «чмо».

Отодвинул в сторону пару стопок. Только что чокались после поцелуя. Всплакнули даже. И вот... Тяжко налил в свой гранёный не сладкую уже водочку. Горькую... И забормотал сам с собой:

— Ясно, Павел Александрович, что пасмурно.

— Да, Паша, видать, вы с Галкой характерами не сродны.

— Бабий ум — что перекаати-поле. Вон в газете реклама: «Схождение и расхождение супружеских пар. Потомственная сваха и колдунья баба Нюра». Может, обратиться, Александрыч, к бабе Нюре за схождением?

— Глянь, Паха, и тут магия: «Король Саудовской Аравии Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд прилетел на Генеральную Ассамблею ООН на четырёх самолётах». Не-ет, без Галки это чудо не понять!

— Да не тереби ты Галину!

Улышалась, что муженёк поминает её. Выставилась в дверном проёме, руки в боки:

— Уймись, надоел со своей политикой!

— Я не с тобой разговариваю. Совет дня: не давай советов!

— Засунь свою бесстыжую голову в банку и засоли!

В тему футбольный репортаж, недавно услышанный на ТВ, скопировал:

— В такой ситуации головой надо бить, а не думать! Матч окончен! Футболисты обеих команд остались без голов.

— Клёво, Паха! Ты — как заправский комментатор! — поаплодировал себе Шульгин. — А супружница не оценила, улепетнула.

— Какую только мундюкаль по ящику не впаривают! Похабель дураншлангов, петросявок, дешёвеньких артисточек — содержанок старпёров. Одна сикушка выначивалась, что у неё рулон не туалетной бумаги для лузеров, а шёлковый!

— Разгулявшееся хutorянство!

— Да в гробу я эту телеканализацию видел, в белых тапках, с телевизором на шее!

— Э-э, Павел Александрыч, ум за разум у тебя, шарики за ролики!.. Как ты, дружище, думаешь, надо ли ещё выпить?

Посучил пальцами в поисках ответа:

— Не знаю, Паш, надо или нет. Но выпью! А вдруг надо!..

Придвинул к себе пару стопок, разлил в них остаток водки. Чокнулся сам с собой, замахнул один стопарик за другим. Крякнул. Уговорил бутылёк! Зажевал долькой лимона, чёрным хлебом с квашеной капустой. Передразнил Галину:

— «Капуста, Павел, полезна в любом виде!» — икнулось: похоже, и Галка вспомнила о нём. — Всё знает!..

— Да не трожь ты её!

— Ладно, ладно!.. Мне-то разум дан в неразумных пределах. Вот никак не могу уразуметь, как обезболивающая таблетка понимает, где у меня болит?

— Однако и она не знает, почему болит душа и где она находится.

— У меня её нет! С Галкой не уживаюсь. Любашу-молочницу даже и не вспомнил... Бездушный я. А душа болит. Фантомная боль. Как у одноногого болит нога, которой нет.

— Нет, Паша, есть у тебя душа! Помнишь, в «Савраску» писал, в «Советскую Россию»? Ты тогда ещё прочитал в «АиФ», что в Объединённых Арабских Эмиратах всем платят доход с реализации природных ресурсов. Родился ребёнок — государство перечисляет на его счёт шестьдесят тысяч долларов.

— А на Аляске, Паш! Там в 1976 году основан государственный фонд по распределению доходов гражданам от продажи нефти. А будь она нашей территорией?.. Вот и воскорбел. Захватили Россию нефте- и газососы и прочие упыри с банкирами. Полное отчаяние!.. А тут ещё из почтового ящика вытащил «жириновщину». Она и толкнула в публицистику..

Ответ «подкидышу» от Жирика выявил у Павла Александровича Шульгина дар письменного красноречия. И подвиг на составление второй и третьей части своего послания в патристическую газету.

«Советская Россия», с Божьим светом и с помощью твоих публикаций да ускорится освобождение нашей Родины от клеп-

томанов-захватчиков! Хочу внести посильный вклад в наше благое дело.

Павел Шульгин

Подкидыши

Обнаружил на днях в почтовом ящике подкидыши: элдэпээровская брошюра-агитка «Русские, жёстче взгляд!» На обложке сам лидер со взглядом Кашиповского. О спекулятивной начинке почти 70-страничного изделия говорить не приходится: вёрткий и хамовитый Председатель без конца шоуменится в телемуре. Умиляет, как доктор философских наук (им «осуществлена общая редакция») зазывает добраться в свои партийные апартаменты в Луковом переулке: «...идти пешком по Сре-тенскому бульвару, поворот в первый переулок направо, затем в третий переулок налево». Только со «свежим и честным взглядом», проплутав изрядно, можно достичь «чистых прудов» Доктора.

Пожелание читателя редакции

Иногда в газетах обнарудуются состояния абрамовичей и прочих вексельбергов. Однако наиболее мощная «агитация» за тандем — обнарудование их капиталов, недвижимости, приобретений, как, например, заметка в «СР» о 56-метровой медведевской яхте и его любимом лакомстве — фаршированной щуке по древнееврейской традиции ашкенази. Пусть люди наглядно видят пропасть между собой и нечестивой верхушкой.

Обращение читателя

к дедам, отцам и матерям олигархов, чиновников, правителей.

Мамы и папы, дедушки и бабушки, образуйте сыновей ваших и внуков, грабящих гибнущий народ — мародёрствующим! Обесчеловечиваются ваши сыновья и внуки в непотребстве — в долларовом животном прожорстве, в дикой поживе. Демон наживы захватил их души. Спасите сыновей ваших от нелюбви народной, образуйте! А Господь укажет им добрый путь. Чем более они присваивают себе, тем менее остаётся людям. Чем более вберут в себя доброты Божией, тем более она изольётся на других.

П.А. Шульгин

Вспомнил Шульгин свою писанину. Деятель, едрит мадрид!.. Встряхнул бутылку: не булькает. Поднял на просвет — ни капли!.. Разочарованно вздохнул. И продолжил «политику» с самим собой:

— «Патриоты»... Ау-у!.. Где вы?!

— В кормных креслах они, Павка. Прикормленные. «Пекучся» о бедноте, а депутатские огребают наравне с ёросами. Кому верить? Писал в «Савраску»... Наивняк, от кого ждал понимания?.. Ну и фрукты!..

— Скулёж: с треском продули выборы!.. Ура- и караул-патриоты... Сбродвей! Четырёхпартийная шайка-лейка, все из одной бочки. Вислозадые холуи с гоголевскими кувшинными рылами, со стёртыми моськами. Совсем обезумели от безделья. Предлагают запретить употребление чеснока в общественных местах. А Галька бы добавила: и в семье! В её же духе требуют ввести норматив на половую жизнь: три-четыре раза в год! А вот женщин, не родивших к двадцати трём годам, надобно отправлять в армию. И Галька бы загремела!.. Активные они, эти женщины-депутатши! Озабочены счастливым детством. Не продавать детям до четырнадцати лет конфеты! В соцсети заходить по паспорту! Для поддержания дисциплины ввести в школе для учителей униформу времён ВОВ с ношением пилоток!.. Ввести закон о топоте котов, чтобы не прыгали громко наверху, не мешали готовить уроки! Депутаты с рудиментной дворянской косточкой вносят законопроект о дуэльном кодексе. Думачки попроще — о футбольном: учредить День футбола и объявить его законным выходным; за оскорбление игрока сборной подвергать уголовному наказанию! Озабоченная наполнением госбюджета, депутатша предложила установить летний налог на шашлык. И тут же, бедолага, слёзно пожалилась, что ей не хватает депутатских трехсот восьмидесяти тысяч рублей. Нашёлся среди депкорпуса честняга. Взял двух поросят. Одного, Хрюшу, кормил на МРОТ, а Хрюню как положено, по-свински. Хрюша быстро отощал, впал в депрессию и очоурился... Вот такие у нас, Паша, «народные избранники»! Кудесники!..

— Старосиды-охотнорядцы. Тухляндия! Вот их географическое местопребывание. Только труд делает депутата человеком!

— Бесплезняк! Челобзьяны они!

— Ну ты, Паха, чересчур!

— А чо, в натуре? Оборзели! У прошмандовки рулон для подтира — из шёлка. У её папика на мальдивской вилле перила — из костей тиранозавра!

— Всё, что сверх меры, — от бесов.

— Свихнувшийся разум рождает чудовищ.

— И на все эти кости тиранозавра с лицом сладко задумавшейся груши взирает худрук.

— И атомизированный электорат бежит и всеми четырьмя голосует за «мочёную грушу».

— Виден ли свет в конце тоннеля, Паша?

— Он уже виден, Александрыч: кроты балуются спичками.

— Да-а!.. Кругом враньё, Пашка!

— И ты кусок вранья, Шульгин! Костеришь грешников, а сам грешнее грешных!..

— Виноват, что сероват!..

Всё в нём надтреснуло. Обмельчал, начал пускать пузыри, слезоточивый, ныть, лбом в ладонях покачиваясь...

Победная поступь. Потрясная дива перед ним: тюльпановая кофточка, фиалковая юбка в белый горошек, пудровое лицо. Такая вот радуга!.. Как однажды Жак-звонарь головой сломал фонарь. Ха-ха-ха!.. Жак-звонарь!..

Захлопнулась дверь. Удар в сердце! Обмерло всё внутри. Ха-ха...

Развод — и девичья фамилия. Разошлись, как в море корабли. Разъехались, двухкомнатную на однушки разменяли. На отдушины... У Галины наболело: ну и супружник достался! Чмо!.. Ясен перец, чмо!.. Любаша звонила: забеременела. Велел аборт делать: выпивши были. Сойтись с Любашей?.. Ждёт поди, надеется. Самогоночку в печали пригубила. Не самогонка — сливки! Такая искусница!.. Не-ет, ещё от схождения и расхождения с Галиной не очухался.

Слонял слоны, как говаривала матушка, из угла в угол. Вот и окончилась семейная сага Шульгиных... Что только не лезло в шарабан-башку!.. Скрёб лысеющую голову, стучал кулаком по черепушке. Гулко. Пусто. И вновь шебутились осуждения... Включал, выключал телек... Да, если к нему подключить детектор лжи, полиграф сразу же сгорит! Худрук глазками круть-верть: тыры-пыры-растопыры; пятое, десятое, ни два, ни полтора... Ничего конкретного, всё обтекаемо, лицемерно. Толкание ядра вверх. Ну что ж, должность есть — ума не надо... Гнусавят страшные Аллергии с Люлитами. Подневольную Татьяну Ларину нагишом заставляет бултыхаться в джакузи прогрессист-режиссёришка. Нос горбат, живёт Арбат, много зарабат. Вери вел по самую окей!.. Для потребителей сплетен артисты из кожи лезут, плятятся, чтобы повыведываться. Если в стране самыми значительными персонами становятся шуты-лицедеи, страна тяжело больна. Потому и поголовное враньё.

Подстать худруку первый из его труппы. Аутист с лупатыми зенками по причине умственной скорби вякнул: «Личный успех — мерило всех вещей». Не голова, а синагога! Вот

его национальная идея. Умник-теоретик. Хмырёк со справкой. Ему бы в коррекционную школу! А он на своей яхте размером со стадион красуется. И подносят господину кошерные кулинарные изыски по традиции ашкенази... Вот такие управленцы великой страны. Ни тпру, ни ну, ни кукареку.

Спокойное озеро. Но вот взбаламучен ил на дне. И чистая вода мутнеет... Россия могла быть чистой, благолепной и благополучной. Нечистые людишки поднялись вверх, как ил со дна. Из грязи — в князи! Оказались у власти, мутят воду, вредят народу, стране. Окаменели их души. И совесть не грызёт — боится обломать зубы. Совесть — голос Божий, дар человечности. Какая у этих успешников в наживе человечность?.. Плюют смачно на народ, на национальную идею. Хранить веру предков, веру в Бога — вот национальная идея. Защита её — это и есть патриотизм. А успешники лишь рядятся в патриоты. Заврались!.. Ничего, таксист ещё больше наврёт!..

— Хватит митинговать, Шульгин! Социальная зависть. Жалкий лепет. Без сопливых обойдутся! У тебя в глазу осколки кривого зеркала. Все у тебя плохие. Один ты хороший. Глянь на себя!

Поскрёб пятернёй недельную щетину: зудится. В такой запуши ещё не закасал.

— Да, ты прав, Павел! Дрянь я! Дрянь!.. Глаза свиньи не могут смотреть вверх. Когда она визжит, свинарь задирает ей башку. И визг обрывается... С детства нахватался я грязи, подвальш. Вот и не вижу неба.

— Бывает, читаешь, в какой благодати провели детство и юность иные счастливицы... Э-эх!..

Попалась как-то Павлу Александровичу добрая книжица одного батюшки. Вершинного ума и благочестия человек. Бабушка его была святая смиренница. Надевала на четырёхлетнего внука чистую рубашку и вела в церковь, которая находилась в двух верстах от дома. Подводила к Причастию Святых Таин. Мир и тихое, благоговейное торжество впечатляли мальчика. Он становился как бы взрослым, серьёзным. Первые слова и мысли о вере заронила в нём мама. Верующими были и родители, и весь деревенский люд. Ни о каких безбожниках они в конце XIX века не слыхивали. Мир Божий, сверхъестественный, был такой же реальностью, как и земной... К Пасхе готовились зѳдолго. Малыш вымолил у мамы, чтобы взяла его на ночную заутреню. Маленькое сердечко трепетало во всеобщей пасхальной радости. Вокруг храма горели костры. Женщины выставили узелки с сырными пасхами, куличами, крашеными яйцами. В пасхи втыка-

ли свечечки. Батюшки пели и кропили их святой водой... Догорали костры, занялась утренняя зорька... Дома родичи трижды возгласили: «Христос воскрес!» И все начали разговляться пасхою, куличами, яичками. Благодать!.. Забывался весь мир. Душа чиста, всё радостно кругом! Счастливое время! Божественное!..

Так и возрастал мальчик под покровом благодати Божией до взросления. В благочестии. До священства. Такой ему уготован промысл Божий... Совсем иной — Павлу Александровичу Шульгину. Что ж, пути Господни неисповедимы.

Запечатлелось в памяти детское пасхальное воспоминание батюшки. Как будто он, Павлик, сам побывал на этой Пасхе. В жизни не довелось, так хоть в рассказовой поприаздновал.

Обвеял себя крестным знамением:

— Просвети, Господи, тьму мою!

...К удивлению своему, с бригадой новоиспечённый пенсионер протиснулся безболезненно. Упрасивали остаться, ещё хотя бы годик-другой поработать. У него же назрела нужда над собой побригадирить, себя в порядок привести. Шибко суетно жизнь мельтешила. Уж осень её дохнула. В спешке мимо закатов пробежишь, сна второпях не увидишь. А ведь один. Да работа суматошная. Бригада «ух!» — смешанная. На прорыв туда-сюда бросают. Всегда на передовой. Без Александрыча никак! Всем нужен. Художник перед самым Первомаем запил. Некому праздничную колонну оформлять. Пришлось Шульгину проявить свои художества. Плакаты, лозунги малевал: «Мир. Труд. Май». Чесала самолюбие такая востребованность. Так ведь вызвана она бестолковщиной начальства. Устал он от головотяпства, от вечного «трудового фронта».

— Всех денег не заработаешь! — отшутился б/у бригадир.

Закатил в ресторане отходную и будто с чистой совестью вышел на свободу.

Припело вольное времечко! Не свидетель уже хода часов. Вольному воля!.. А тут ещё праздника добавил любимый зуб. Последний... Мужичкий организм требовал лука и чеснока. По витаминам они куда мощнее Галькиного силоса. Без них зубные ряды начали редеть. Первыми зашатались несокрушимые, казалось бы, две передние верхние «лопатки». Потом такой дикой болью скрючили — да ещё в воскресенье! Кругами со стенаниями бегал по городу в поисках стоматологии. Наткнулся на единственно работающую — детскую. Дабы избежать грядущих подобных мучений, стал после чи-

стки зубов полоскать рот раствором настойки прополиса. Малярша из бригады посоветовала. Уходили зубики один за другим тихо-мирно: пошатываются малость и выпадают...

И вот пришёл черёд последнему. Верхний третий слева. Поначному, 25-й, верхний моляр, рядом с 26-м, клыком. Долго держался, целый год! Здорово помогал! Затем разболтался, стал надоедать. Шульгин невольно лизал его. И вот языком и выдавил. Без боли. До последнего служил. Родной, верный. Прощай, друг и товарищ!..

Случилось это историческое событие 20 мая. Отныне не наступит никогда ужасы зубной боли! Рот пустой, чистый. Нет худа без добра. И погода под стать.

Солнечный туманец заглянул во двор. Накропило дождичком запоздалым майским. Лужицы и окна пускают зайчики. Пахнет тёплой весенней прелью от распаренных газонов, опушённых резвой зеленью. Галкам разгулка; важничают, словно они затеяли весь этот радостный май.

Гусями тянутся облака. И на земле не все дороги с рытвинами. Спустя многое время зажили метины и на шульгинском житье.

Невыцветающая красота неба. Не объять эту красоту. Не было ничего у Шульгина кроме неба и облаков. Душа тянулась к небесному крылу; мнилось, что и она небесного происхождения, летучая... Курчавились светло-русые облачки. Такие же думки курчавились...

Иные спичечные коробки собирают, редкие монеты; филокартисты — открытки. А он, Шульгин, — коллекционер облаков. Самый богатый! Ибо их столько же, как и звёзд на небе! Одно в другое преобразается — и не углядишь подчас за чудесным превращением.

Созерцатели часами завораживаются текучей водой в речке, пламенем костра. А он — небушкой. Где и реки, и костры...

Свежий ветерок подул на струи перисто-слоистых облаков — словно речка потекла в небо, в небесный океан. Вспенились гребешки в струйном небесном течении, вскудрявились. Ангелочкины кудерьки-колечки, подсвеченные розовой закатной зарёй, преобразились в нимбы. Обрели своё первородство, ибо «нимб» так и переводится — «облако». Всепоглощающее чтение облаков... Шульгин — природовед, облаковед, мечтатель.

При порывистом ветре причудливые волокна поднебесных перистых облаков косматятся клочковато и, уже кучевые, начинают наливаться дождями. Грузнеют, снижаются, лиловые — грозовые... Отгромыхали, отпыхали, отхлестались

ливнями — и лишь у самой кромки земли алеет нить «накаливания», дробится на пунктир из жарких «углей».

Облакофилу довелось не раз созерцать божественные нимбы — гало. Тёплые, влажные воздушные массы так напористо гнали перисто-слоистые облака, что те встучнели, плотно сбились. И начали поглощать лунный свет. Бледно-радужный ореол замерцал, засиял переливчато вокруг луны... Более величественным, солнечным гало, двойным и тройным даже, посчастливилось любоваться Павлу Александровичу. Тогда вокруг солнца захороводили переливчато светящиеся облачные кольца-нимбы.

Высоко-кучевые облака перед похолоданием горазды на причуды. Белые пряди, седые космы, скручиваясь, клубясь, бывают схожи с разными зверушками: зайцами, мишутками, с осётрами, акулами, шуками. А то и в «НЛО» закручиваются, на радость легковерным «тарелочникам». То же «НЛО» создают лентикулярные облака близ гор и холмов на гребнях подветренных волн. Родные облака что угодно могут изобразить и высмеять инопланетную чушь.

Господь сотворил мир. Адам начал обозначать его. Смыслённые потомки адамовы преуспели в наименованиях.

Грозовой воротник — кучево-дождевой мощный вал на переднем крае грозы, швыряющий шквалы. Но вот на зорьке он остепенился, утихомирился до «морских» волн. Идиллия. Поэзия. Утренняя gloria.

Жизнь-соло... По-стариковски ворочаются «солисты» в четыре утра, по обыкновению. Так «исторически» сложилось. Смирился Павел Александрович с этим биологическим порядком. Покорно шёл в туалет, а затем на лоджию: всё равно не уснуть в эти беспокойные полчаса, не опознанные медициной.

Отворил как-то створ окна на лоджии. Отшатнулся. Не свежий напористый воздух так даванул. Зрак — в высококучевых облаках! Пробитое отверстие — Galtstreek.

Летом в глубоком сумраке высотный скоростной ветер явил феерию серебристых облаков. А уж перламутровых насмотрелся после захода и перед восходом солнца!

После ливней и гроз плавали порой в небесном море «медузы» цвета морской волны.

При падении метеорита вырос «гриб», чуток схожий с ядерным. А вот «вымя» видеть не довелось. Если уж Гольфстрим постарается. Облака эти и в тропиках редки.

Облачную «медвежью» шубу видел каждый, кто летал на самолёте. А сколько иных «звериных» шуб перевидал Павел Шульгин на своей лоджии! Зебровые, леопардовые, тигри-

ные... Дамские шляпки на белопенных причёсках дефилировали. У некоего вырванного с корнем дерева свисала с корней энлэошная тарелка...

При разной плотности, температуре и высоте воздушные массы движутся с разной скоростью. Носятся лёгкие в верхних слоях атмосферы. Тяжёлые «эшелоны» ползут в нижних. Сшибаются порой те и другие, завихряются в невообразимые картины. Сердце, разум, воображение Павла Александровича могут дорисовывать их как угодно. Но иногда никакими погодными выкрутасами некоторые небесные явления не объяснить... Нежнеет зорька вечерняя, акварельная, розоватая... И вдруг сполохи. Зареве. Всколыхнулись поля небесные. Воспламенились. Плающее, бушующее море!.. Откуда что взялось? Тишь, гладь, Божья благодать — и буйство в небе!.. Господь из ничего создал Вселенную. А тут робкую зарницу во мгновение ока превратил в огненный девятый вал. Бог всё может! Но для чего подобное преобразование? Для укрепления веры. Как-то начальник РСЦ любопытствовал:

— Вот ты, Павел Александрович, умный мужик, а веришь в Бога.

— Да я-то не шибко верующий... — с сожалением вздохнул бригадир. — Есть люди поумнее меня, вот они веруют. Ехал однажды академик Павлов, физиолог, который собак изучал, в трамвае. Когда проезжали мимо церкви, он покрестился. «Эх, темнота!» — хлопнул его по плечу работяга, стоявший рядом с ним.

— И я вот не верю, сам не знаю почему.

— Господь знает.

Ищешь истину, а она всё время прячется. Блаженны не видевшие, но уверовавшие. Для маловеров же Господь и показывает знамения. Благо, Шульгин начал различать их. В какой мере избывало в нём маловерие, в такой он укреплялся в вере, обновлялся. Вот и ответ на вопрос: есть ли смысл искать смысл жизни? Как выразился поэт: «Блажен, кто верует, тепло тому на свете».

Случилась в осени весна! Ещё вчера октябрьская мозглая выюга застила белый свет. А ныне светило встало раньше Павла Александровича.

— Привет, засоня! — глянул он на себя в зеркало.

— Привет от старых штиблет!

Скинул с ног шлёпанцы-мыльницы, залез в ванну. Хлётско ожёг себя холодным душем, заохал, закряхтел. Растёр докрасна тело жестковатым, вафельным полотенцем:

— Сила, молодость, красота!

Поелозил электробритвой по «наждачной» щетине. Приладил во рту протезы, почакал ими, проверяя на крепость. Когда его величество 25-й, верхний моляр, выпал, малость пошамкать пришлось. И вот два ряда крепких, надёжных «едоков»! До слюнявых пряников ещё не дожил. Звонко похрумтел овсяным печеньем. Музыкально похлопал кофейком со сгущённым молоком. И покатился денёк по своей выверенной колее... Калил на сковородке сухарики, дабы давешний хлебушко не зацвёл. Впрок заготовил: гожи они для «боевого» горохового супа с копчёными бараными рёбрышками. Приступил к священнодействию: сочинил десерт — пальчики оближешь! Накрошил в ступку грецких орехов, потолок пестиком вместе с печенюшкой. Размешал с тёртым яблоком и сметаной. Да-а!.. Пища богов! Ай да Шульгин! Похлеще итальянских кулинаров!.. Уметь выносить одиночество и получать от него удовольствие — великий дар. Уютный шульгинский мирок. Гений места.

Весьма довольный собой, вышел на лоджию. Распахнул створ окна. Распростёртые небеса! Распростёртая душа! Полной грудью дышится, глубоко, широко! Горьковато-терпко запахло тополиными почками. Точно омытый весенним дождиком, сквозил прозрачно дворовый скверик в ручьином птичьем щебете. Божий мир!..

— «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда», — как бы о себе прочитал стишок Павел Александрович и с чувством выдохнул: — Благостно! Пасхально!..

Голубеющие всхолмления облаков словно манили в голубые дали. Словно жизнь сама манила... Да, ещё не сверстались годы в книгу под названием «Жизнь». Всё ещё впереди, что и оглянуться не на что. Хотя... Но лучше уйти от надвигающейся тени. Не оглядываться назад, где грешил. Зачистка совести?..

Всякое небо — загляденье. Но на безоблачное не заглядишься. Растаяли в дымке голубые холмы облаков. Одна голубизна. Одно небо. Много его. Но одинокое оно. Одинокое небо...

Выцветшее, пустое... Крапчато-сизые облачки. Пестрины в облачном крыле.

Лёгкий ветерок достал до костей. Зябко поёжился. Обхватил себя за рябые плечи в пигментных пятнах. Утепился, надел матушкину вязаную кофту с пуговицами-блюдцами. Всунул ноги в её же войлочные тапки в цигейковой опушке.

Белёсо за окном. Ветер выметает тепло из лоджии. Дырёха. Утеплить бы надо. Закрыл окно.

Гривастое летело облако с серебристым отливом. Грива его ловила ветер — и уже туча ринулась. Сыпанула жемчугом по стеклу. Дождь забарабанил по подоконнику. Обложной. Симфония! Ни с чем не сравнимая!

Зажмурился Павел Александрович, обуреваемый детским восторгом...

Шрапнелью прострочил град. Осень жизни постучала. Отсыяли летние денёчки. Вот такая переменчивость погоды и настроения.

— Исполать, баба старая — жизнь моя! — воздал хвалу «не свёрстанной» ещё жизни.

Закалённый холодными сквозняками на строительных лесах, он вдруг почувствовал, что его пригибает студёная старость. Одинокая...

Галина из вегетарианства подалась в более продвинутое сектантство — солнцеедство. Звонила. Менторский тон. Гуру трансцендентная и махатма! А он, Шульгин, — козява приземлённая.

Сороковую осень тогда, в деревне, встретил. И случилась в осени весна. Но спасовал... Тот, кто противится воле Божьей, — гибнет. Но он не погиб. Смилоствовался Господь. Но почему?... Любаша в год их знакомства продала дом и уехала из деревни. Милая женщина в мужской клетчатой рубаше. В неё обрядил он Любашу после баньки и вознёс в дом. Так и хлопотала она в Пашиной рубашке, накрывая сладкий стол на двоих...

Как же легко вспомнилась эта краткая, а может быть, и судьбоносная связь! Без переживаний. Чёрствый он. Созерцатель, а не переживатель. Небо за него переживает.

Чудовищное нагромождение туч. Чёрные тучи, будто железные балки, начали сходиться. И бледная круглая луна усеклась до белого квадрата. Квадратная луна! Железные тучи с лязгом сдвинулись. Тьма аспидная с металлическим отливом. Стала ржаветь, ворочаться багровым месивом...

Асператус — суровый суд. Сердце сжалось до боли. Боль, что не было прежде боли.

Грязь ворочалась перед Шульгиным, грехи его...

Устал.

Утренняя синяя вьюга вымела напрочь вчерашнюю жуть с мутью. Свет и тень ещё перемежались. И в пересвете начали проявляться образы-тени, светлые тени. Облачные нимбы в виде колец. И среди них зарозовело сердечко, подсвеченное зорькой. Несказанным светом просияли лучистые облака.

Вдышенное в себя, покаянного, всепрощающее небо окрылило Павла Александровича. С пылкого морозца на лоджии он ухнул в свой тёплый, уютный мирок.

Доброхоты из солидной газеты сподобились на благотворительность и выделили страницу для бесплатных объявлений. Халявшики за ненадобностью сбывали за бесценок детские кровати, носкую ещё обувь; одежду, модную в прошлом веке; милых котят в подарок, в добрые руки. Репетиторы навязывали инглиш. Один учёный грамотей искал жильё: «Кандидат наук сымет квартиру». Вместе с жильём предлагалась и работа: «Требуется смотритель кладбища. Жилплощадь предоставляется по месту работы». Среди всей этой разношерстицы с указанием ФИО и адреса затерялась шульгинская объява: «Лоджия нуждается в незначительной отделке».

Обстановка холостяцкой квартиры Павла Александровича была спартанской — ничего лишнего. Минималист. Поскольку день-деньской проводил с облаками, надумал чуток обустроить лоджию: постелить пол, утеплить, приладить полочки, шкафчик. Он, мастеровитый, и сам бы справился с этой работой. Руки-то на месте. Золотыми величались. Молоток ещё держат. А вот глазоньки... Дали дальние различают, облака, эпические пейзажи небесные. Для чтения приходится же толстостёклые очки напяливать. По шляпке гвоздя не раз метил — промах и промах! По пальцам саданул. Вот такой нынче у него глаз-алмаз, глаз-ватерпас.

Из РСЦ некого позвать. Трудятся там уже новые кадры, старых рабочих почти не осталось. Дама с косой приходит к мужикам раньше, чем пенсия. Многие уже с этой дамочкой отправились.

— Эх, мужики, шляпы мы! — не раз скорбел бригадир ремонтников-строителей. — Таковую страну прошляпили!

Костерили продажную верхушку, богатеев-разорителей:

— «Денег много не бывает!» — сказал Сечкин.

— По шестьдесят лямов в день хапает, нефтесос!

— Голодненький! Всё никак не нажрётся!..

Судя по рекламному «подкидышу», обустройство одного квадратного метра лоджии стоило полторы тыщи. Вся работа обходилась в семь тысяч. Дожить до пенсии — мечта. Прожить на неё — искусство. Скопил денегат.

Сиреневато-канареечная зорька разлилась акварелью, суля румяный, летний денёк. Звонко-бодрая погодка. Шашлычная субботка. Сотни авто уже дышали друг дружке в багажники.

Табунок девчат высеменил из подъезда соседней высотки. Голенастые, в коротких юбочках, стриганули коленками, спускаясь по лестнице.

— Красивая молодость дана многим, — вздохнул Павел Александрович и усмехнулся: — А старость — избранным!

Вздрогнул от дверного звонка. В этот шашлычный день не ожидал мастера. Парень лет двадцати с лишком явился по объявлению. Опрятный, вежливый, на лоджии выслушал пожелания заказчика и сделал замеры.

Вернулся через два часа со штабелем досок на плече, упакованным в фирменный пакет «Кастарамы». Спустился к машине за инструментами. Переоделся в фирмовую робу с надписью на спине «ЛаДом», припас и свои тапки. Ладный дом, и всё ладом. Открыл органайзер «Bosch» и стал доставать из него всё необходимое для работы. Пила, топор, дрель, шуруповёртка — всё «Bosch». Баллон герметика, уплотнитель для окон: поролон на клейкой основе, пенополиэтилен, резиновый профиль...

«Сколько новых строительных материалов появилось! Прогресс!..» — подивился бывший бригадир РСЦ, наблюдая в проёме двери за уверенными действиями молодого мастера. Тот строго взглянул на «наблюдателя». Павел Александрович смутился и закрыл перед собой дверь на лоджию. Старческое любопытство. Он ведь тоже в бытность мастером терпеть не мог, когда кто-либо стоял над душой и говорил под руку.

Пропела ножовка, проксилофонил топор, «шмелём» прозудела дрель, пчёлкой прожужжала шуруповёртка, запахло дрсевой — родные звуки и запахи! Чуть затеняла эту ароматную музыку вина перед соседями: раздражатся, расплуются. Да ведь после трёх совсем недолго пошумела шульгинская квартира, когда деточки уже проснулись. Верхний сосед четвёртый год не уgomонится: дрелит и дрелит...

В обед паренька почаёвничать пригласил — учтиво отказался. В машине тормозком отобедал.

Когда на лоджии всё затихло, хозяин осторожно заглянул туда и ахнул:

— Какой интерьер! Да-а, дело мастера боится!

Парень, переодевшись уже и собравшись, флейцем сметал в кастарамовский пакет щепки и опилки.

— Нет-нет! Я сам! После!.. — вскричал Шульгин, точно его лишали любимого удовольствия.

И зашвыркал носом, с наслаждением вдыхая сосновый с кислотцей запах. Парень подхватил органайзер, скинул в прихожке с ног плетёнки. Шульгин бросился к нему с обувной ложкой.

— Нет, не надо! — тот быстро надел туфли.

Шульгин помял в руках приготовленные семь тысячных купюр:

— Спасибо вам большое! Сколько я вам должен?

Парень пристально, пронзающе посмотрел на него:

— Мне от вас ничего не надо!

И вышел.

Шульгин оторопело застыл. Затем подхватился и выбежал в коридор:

— А тапки, тапки!..

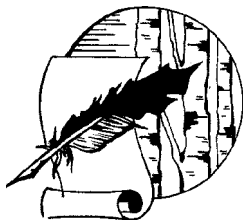
Ноги отяжелели. Чудилось, сама земля притягивает эти чугунины. Вот-вот провалится сквозь пол, сквозь все этажи...

— Что же это такое?.. — бормотал, утюжа ногами по свежеструганным, пахучим половицам лоджии. — Почему не взял деньги? Не бездомыш я, не развалина. И деньги готов был заплатить сполна, не прибеднялся...

Догадка ворохнулась, а он продолжал бормотать. Ум уводил в сторону на подступах к истине. Но человек ведь думает сердцем, как чувствует. «От сердца исходят помышления», — говорит Господь. Шульгин же ничего не почувствовал. Сердце даже не ёкнуло, не подсказало. Как оно могло подсказать, когда в нём не было Бога? В маленькой головке не вера, а ум, домыслы. А истина — в вере. Вера — тайна. И тайна в ней раскрывается — озарение.

И озарило наконец Шульгина. Воспротивился тогда Богу, не соединился с Любашей, на аборт её подговорил. Себя на одиночество обрёк. А одиночество — предвестие смерти. Тот, кто противится воле Божией, — гибнет. А он, Шульгин, — не погиб. Так вот почему смилостивился Господь! Сын!.. У него — сын!..

г. Нижний Новгород

Владимир СИЛКИН

ЖИВУ И НАДЕЮСЬ

* * *

Я много видел, много знаю,
Сказать красиво не могу.
Но ни на что не променяю
Берёзы русские в снегу.

Ветрами буйными отпеты,
И в снег закутавшись, как в мех,
Хранят такую массу света,
Что хватит осчастливить всех.

Я никогда их не покину,
Их светом сказочным храним.
И гну я перед ними спину,
И низко кланяюсь я им.

За то, что есть, за то, что дышат,
За то, что строго не винят,
За то, что всё на свете слышат,
Но доброту в себе хранят.

* * *

Ещё не выпадало снега,
И даль казалась обжитой,
И ехала моя телега,
Чтоб повстречать Покров святой.

И птицы пели изначально,
Но открывалась взору даль,
И так была она печальна,
Встречавшая людей печаль.

А вот душе хотелось света
И в небе сини разлитой
На день рождения поэта
На православный день святой.

Но продолжалось бездорожье,
Спускались в лужи облака,
И не было земли дороже,
Что в бездорожии века.

Как быть? Смеяться или плакать
И жить на свете без ветров?
Но этот ветер, эта слякоть,
И день, похожий на Покров!..

* * *

Печалюсь, что времени мало
Понять, полюбить и обнять.
И вот уже первое: «Мама!»
Сменяет последнее: «Мать!»

Как быстро весна пролетела!
Куда подевалось тепло?
Не все ты мне песни пропела,
Печалью не всё замело.

А, значит, надежда осталась,
Что встретимся, поговорим.
И сбросим, как цепи, усталость,
Обнимемся, не устоим.

БОР

Песнь соловьиная ночью в бору,
Тишь первозданная в нём поутру.

Я полюбил этот солнечный храм,
Настежь открытый свободным ветрам.

И потому я счастливым живу,
Что понимаю и лес, и траву.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ждал друзей, но оказалось,
Что друзей-то не осталось.

Разбросало по земле,
Поизнежило в тепле.

Ну, а тот, кого считал
Я врагом, врагом не стал.

Отыскал нежданно дом
И напомнил о былом.

— Поздравляю! Извини!
Если можешь, не гони...

— Заходи, — сказал ему.
Что припёрся, не пойму.

Посидели, всё сказав,
Я вдруг понял: был не прав.

Я сказал: «Не уходи,
Всё, что было, позади!»

Ждал друзей, но оказалось,
И врагов-то не осталось.

ЗАБЫТЫЕ ДУШИ

Ветер звёзды холодные тушит,
Голосит на могилах зима.
Ходят в полночь забытые души
И стучатся в пустые дома.

Умоляют впустить обогреться,
На порогах подолгу сидят.
Ну, куда им, отвергнутым, деться,
Коль глаза ни на что не глядят?

Ни собаки, ни кошки заблудшей,
Голосит на могилах зима.
Ищут близких забытые души
И, отчаявшись, сходят с ума.

ЖИВУ И НАДЕЮСЬ

Надеюсь на письма, которых не вручат,
На слёзы, которые я не увижу,
На слово, которым тебя не обижу,
Надеюсь на глупость, надеюсь на случай.

А раньше считал это блажью и вздором,
Приписывал светлые чувства капризам,
Не верил, что ласточки, сев над карнизом,
Быть заняты могут большим разговором.

Жалею, что мы не смогли примириться,
И чувства доверив попутному ветру,
С тобой разлетелись по белому свету,
Чтоб вить свои гнёзда, как вольные птицы.

Надеюсь на встречу, которой не видеть,
На ласковый взгляд, что отменит разлуки,
На самые смелые чуткие руки,
На то, что прощенье когда-нибудь выйдет.

Надеюсь, что вряд ли надеждой согреюсь,
Но всё же, надеюсь. Живу и надеюсь.

ЗА ОКНОМ — РОССИЯ

За окном — Россия с иномарками,
Бутиками, маркетами, банками,
Казино, коттеджами, разборками,
Всеми позабытыми задворками.

Ярмарками, выплывшими «бывшими»,
Сыновьями, предков разлюбившими.
За окном — Россия бесхребетная,
Кришнаитно-сенрикё-тибетная.

За окном Россия хлебосольная,
Некогда певучая, раздольная,
Добрая, стыдливая, могучая,
А сегодня всюду — туча тучею.

За окном Россия с лунопарками,
Вымокшими русскими товарками,

С яблоками, ставшими обузою,
С дорогою коркою арбузною.

За окном Россия с побирушками,
Золотыми детскими игрушками.
Всюду принимаемыми баксами,
Свет собой затмившими чубайсами.

За окном Россия со скинхедами,
С нашей болью, нашими победами.
Нашими солдатами и войнами,
Нашими сердцами беспокойными.

За окном Россия, но двуглавая,
С нашею поруганною славою,
Нашими партийными невеждами,
Нашими мечтами и победами.

КОЛЕЧКО

Горячо вздыхает печка,
А у печки ты да я.
Обручальное колечко,
Золотая грусть моя.

Подо льдом томится речка,
Полдень короток и сер.
Обручальное колечко,
У тебя не тот размер.

На окне звезда и свечка
Освещают сердцу путь.
Не грусти, моё колечко,
Подойдёшь кому-нибудь...

* * *

Ничего святого не осталось!
Продают и церковь, и Христа.
И такая жуткая усталость
Накопилась в душах неспроста:

Продали и землю, и озёра,
Научились ловко спину гнуть.

Дожили, что негде будет скоро
И лицо своё ополоснуть.

ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТЬЯ

Деревья вздыхают, деревьям не спится
И просят у неба тепла,
Как люди, боясь они оступиться,
Свои не закончить дела.

И людям всегда не хватает участия,
Пылающих солнечных глаз.
Короткое счастье, короткое счастье
Обходит безжалостно нас.

Но сколько на свете к нему ни стремиться,
Нельзя обойтись без утрат.
Последние листья, последние листья,
Последние листья летят...

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

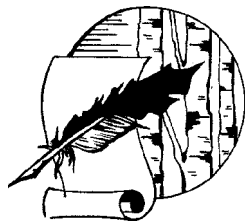
Вишни медленно таяли в кружках,
Волновалась лягушка в пруду,
И весёлое небо в веснушках
Соловьём заливалось в саду.

И цветы пробегали по грядкам,
Разнося свой божественный дым
По твоим ещё дремлющим прядкам,
По ресницам твоим золотым.

Да была ли ты, ранняя, рядом,
И тебя ли я столько искал!
Соловей из соседнего сада
Беспрестанно тебя окликал.

Вишни медленно таяли в кружках,
Были пчёлы в янтарном меду.
До свиданья, царевна-лягушка,
Если хочешь, живи на пруду.

г. Москва

Николай КОНОВСКОЙ

СВЕТ, РАЗВИГАЮЩИЙ ТЬМУ

СТАРЫЙ ДОМ

Как вещий знак, до времени сокрытый,
Со дна души, что под житейским льдом, —
Всплывёт во сне тревожном позабытый,
Полузабытый деревенский дом.

Он ждёт, скорбит и сострадания жаждет,
Стоит, как зрак за пеленой дождя,
Знакомый мне — до половицы каждой
Рассохшейся, до каждого гвоздя...

НАД РАВНИНОЙ ДУБЫ...

Весь табун на дыбы! —
Разметав смолезвонные гривы,
Над равниной дубы
Тёмной бурей возносятся криво.

Вечереет. Гроза
Приближается свежестью острой.
И трепещут глаза,
И дышают зелёные ноздри.

На отшибе земли,
Из сгущённого мрака и гула
Чем-то беглым вдали
Через весь небосвод полоснуло...

Ливнем рушится высь,
Обращённая в блеск и дрожанье...
Озарись
Безысходностью этого ржанья!

НА ВЫСОКОМ ОДРЕ СЕНОВАЛА

Вспыхнув, снова погас огонёк на другом берегу.
Утоленье, забвеньё — в пшеничном влажнеющем звоне.
И, недвижно белея во мраке на дальнем лугу,
Одиноко-безмолвно пасутся, стреножены, кони.

Завтра снова косить, и сушить, и собирать, и полоть —
Утомилась душа, и река двигать воды устала.
И, тревожно-тяжка, отдыхает горящая плоть
На высоком, пахучем, безгрешном одре сеновала.

Тусклым беглым огнём рассекая тяжёлую высь,
На живое мгновенье зарница блеснёт огневая —
И, Вселенной страшась, дерзновенно смиряется мысль,
Из глубин бытия до горящей звезды доставая.

ЖУРАВЛИ

Воздух застыл, как прозрачный янтарь.
Неуследимое, к сроку
Кануло лето, и месяц сентябрь
Птиц собирает в дорогу.

Над вековой тоской деревень
Птичьи тревожные речи.
То — Куприянов, по-старому, день,
День журавлиного вече.

Клином божественной грусти своей,
Не дожидаясь снега, —
Вот они, с бедных сорвавшись полей,
В небо взмывают с разбега!

Щурясь, глаза прикрываешь рукой,
Только не видит их око:
Где-то крылами они высоко
Тёплые ловят потоки...

Болью, что тоньше калёной иглы,
В мире бесчувственных мает,
Диким, пронзительным, томным «курлы»
Сердце моё надрывают.

СНЕГ ВЫПАЛ

Снег выпал иль чудо сбылось:
Так тихо, как будто в мгновенье
Бездонных небес просветленье
На землю легко пролилось!

Ни шороха, ни ветерка
В блестящем просвете аллеи...
А снег изумлённый — белее
Прозрачного березняка!..

Снег выпал, младенчески рад
Всему, что творится на свете.
И день первозданен и светел,
И смех твой, и любящий взгляд...

В МЕДУ — БЛЕСТЯЩЕЮ ПЧЕЛОЙ...

Тягучий загустевший мёд —
Сам дух светящийся июля,
Гудящего земного улья
В преддверии больших хлопот.

Но вот — как бы неожиданный сон
Покоем снизошёл на веси —
И мир равнинный, поднебесный,
Блажен и одухотворён...

И свет — черпни! — пахучей мглой
Пахнёт из глубины колодца...
И чудится: застыло солнце
В меду — блестящею пчелой.

ЗА ГОСПИТАЛЬНОЙ СТЕНОЙ

Водный таинственный блеск,
Листьев порывистый плеск,

Русла безбольный излом —
Там, за добром и за злом.

Ночи спасительный плат,
Бред госпитальных палат, —
Рухнуть скорей бы в без дна
Дебри тревожного сна.

Может, потом — ни Суда,
Ни голошенья стыда:
Льётся вода — как вода,
Светит звезда — как звезда.

Только забудешься сном, —
Как зашумит под окном
Сосен прощальная рать:
— Поздно тебе умирать,

Да и не вспомнит никто...
Бедный рассудок мой кто
В это зиянье и сверк
Страшную милостью вверг?..

За госпитальной стеной,
Вечен, пребудет со мной
Светом над дальней рекой
Неколебимый покой...

Скоро ль — как явь или сон —
Над бездыханным лицом,
Над пепелищем кружа,
Скорбно восстанет душа?

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Ночь. Безмолвье. Бессонниц флажками
До утра обложили кого?
Зверь из мрака глядит. Между нами
Ни души, ни звезды — никого.

Разойтись бы с тобой полюбовно
Без кровавых и диких обид, —
Только сердцу мучительно-больно,
Словно долгую память томит

Бред невнятный душевнобольного:
— Растерзаю! Замёрзну! Впусти! —
Словно кто-то забытое слово
Тщетно силится произнести.

ЦВЕТ — ЗОЛОТОЙ И ЗЕЛЁНЫЙ...

Темень ночная бездонна,
Шторой задёрнем окно:
Цвет — золотой и зелёный —
Соединились в одно.

Как твоё, милая, имя
Где ты была столько лет?
...Где-то, гляжу, между ними
Мягкий коричневый цвет.

Призрачны и нереальны
Наши мгновенные дни...
Как твои плечи печальны,
Руки твои холодны!

Нам ли дружить с тоскою!
Лучше пьянящий елей
Тонкой своею рукою
Молча в бокалы налей.

Чую печальную повесть,
Слышу таинственный глас —
Властно влекущую пропасть
Хищных ореховых глаз.

ГДЕ ТЫ?..

В тщетной надежде на отклик, хотя бы обманной,
Жизнь ещё теплится тусклым подобьем свечи,
Светом неверным дрожит, трепеща в окаянной,
В Богом забытой, в тобою забытой ночи.

Крикнешь беззвучно в пространство застывшее: где ты? —
И отзовутся, далёкий ты мой человек,
В поле — как волк на луну — завывающий ветер,
Темень ночная да слепо ложащийся снег...

И ДЕНЬ, НАСТАВШИЙ БЕЗ НЕЁ...

Со зла, а может, не со зла,
Любезная — скажи на милость! —
Безмолвно в прошлое ушла,
В ночном пространстве растворилась.

И с ней, далёкою, ушла
Жизнь, беззащитнее стекла,
Невнятнее земного шума —
Как обморок иль забытьё...

И день, наставший без неё,
Так пуст, что страшно и подумать.

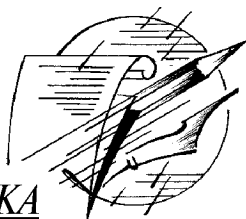
СВЕТЛЯЧОК

Летнею ночью в лесу
Робкую душу несусь,
Видя лишь сумрак небес
Да затаившийся лес.
В насторожённом доме
Сладко ли быть одному?..
Полночь пронзив без следа,
С неба сорвалась звезда,
Засеребрилась в листе,
Зазеленела в траве:
Ночи волшебный зрачок —
Вспыхнул во тьме светлячок...
Гаснет и вновь он горит,
Тихо с душой говорит —
Необъяснимый уму,
Свет, раздвигающий тьму.

г. Москва

СОЗНАНИЕ И БЫТИЕ

Не секрет, что христианский мир переживает демографический кризис и шире — кризис института семьи. На сессии «Демография как фактор глобальной политики: современные тенденции», во время Петербургского международного экономического форума, первый замминистра труда и социальной защиты РФ Алексей Вовченко рассказал, что падение рождаемости в России связано с бедностью. «Мы связываем эту причину, — заявил замминистра, — с экономикой, прежде всего с уровнем доходов наших семей, которые также за последние годы, если не падают, то рост в принципе остановился. Здесь есть чёткая связь, мы видим по показателям бедности: в числе бедных домохозяйств — 79% домохозяйства с детьми...» В общем, ничего удивительного и нового: всем и всегда было известно, что такое лишний рот. Особенно если речь шла о крестьянских семьях. С каждым новым иждивенцем доходы работающих членов семьи уменьшаются. А с учётом сокращения доходов на время декрета материальное положение меняется очень чувствительно. Да, выплачивается так

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

называемый «материнский капитал», начиная со второго ребёнка. Но проблемы бедности эта сумма не решает, да и тратить её разрешается не на всё подряд. То есть государственная поддержка семьи недостаточна, чтобы молодые поколения граждан России не росли в бедности и скудости, чтобы имели возможность получать полноценное развитие и образование. Ведь поддержка государства — это не только пособия на детей. Это и наличие по всей стране достаточного числа рабочих мест, обеспеченных полноценной зарплатой. Это и условия, когда членам семьи не приходится жить за счёт отхожих промыслов или, как сейчас это называется, работать вахтовым методом, что отнюдь не способствует укреплению семейной жизни. Это и высокие пенсии, позволяющие пожилым людям жить за свой счёт и помогать детям и внукам; пенсии, не множщие иждивенцев, а следовательно, не увеличивающие нагрузку на работающих членов семьи.

Но если на отсутствие или недостаточность государственной поддержки общественным организациям стоит смотреть как на свершившийся факт, а самим организациям посоветовать как-нибудь самим разбираться в сложившихся условиях, то политика государства в отношении семьи, медицины, образования многими вполне справедливо квалифицируется как «преступная». А учреждение новых семейных праздников вкупе с блиц-установкой по всей стране памятников Петру и Февронии воспринимается как издевательство и кощунство. Тем более что кризис семьи может быть назван системным кризисом. То есть сложилась или складывается такая ситуация, когда у людей в массе исчерпывается возможность, желание, внутренняя сила для развития, для перемен, для принятия решений и создания новых условий жизни.

В стране с начала 2000-х годов мало что изменилось в плане социальной структуры. Округляя, примерно 20% всего населения составляют элита и средний класс, 70% живут ниже среднего, 10% находятся за чертой бедности. Больше половины населения тратят на еду и обязательные платежи 2/3 семейного бюджета и не могут себе позволить поездку на отдых даже внутри страны. Почти треть населения в трудоспособном возрасте готова уехать из страны на заработки или на постоянное место жительства, если представится возможность. Из России за последние несколько лет уже уехало более двух миллионов квалифицированных специалистов. А это превышает потери за период Гражданской войны. Известный российский учёный С.А. Дружилов утверждает, что за один лишь год с 2009 по 2010 гг. Россия потеряла более миллиона рабочих мест только в обрабатывающей промышлен-

ности. В стране остаются регионы, где за последние 20 лет не было построено ни одного современного предприятия.

Разочарование граждан России в политике государства — налицо, как и утрата политиками народного доверия. Нет ничего удивительного, что при отсутствии веры в будущее, при невозможности содержать потомство не впроголодь и обеспечивать ему нормальное развитие, желание создавать семьи у кого-то угасает.

И всё же не будем всё сводить к доходам. Тем более проблема действительно серьёзнее и глубже. Ведь кризис института семьи и демографический спад переживает не только наша страна. Вполне благополучные страны Запада находятся порой даже в худшем положении. В некоторых странах ЕС уже давно зафиксирован стабильно отрицательный прирост населения. Причём лидирует богатейшая в ЕС Германия, где смертность с 1970-х гг. превышает рождаемость. С 1990-х гг. та же ситуация сложилась в Италии. А в докладе ООН «Перспективы населения мира — 2019» говорится, что «в 2010—2020 годах 10 стран, все в Европе, испытали как отрицательный естественный прирост, так и отрицательное сальдо миграции. К ним относятся Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Греция, Польша, Португалия, Латвия, Литва, Республика Молдова и Румыния <...> Между 2019 и 2050 годами прогнозируется снижение на один процент или более населения 55 стран или регионов из-за устойчиво низкого уровня рождаемости, а в некоторых местах из-за высоких показателей эмиграции. Наибольшее сокращение населения относительно его численности с потерями около 20 процентов и более ожидается в Болгарии, Латвии, Литве, на Украине и островах Уоллис и Футуна».

И если оставить без внимания острова Уоллис и Футуна, можно заметить, что и во вполне зажиточных, в представлении наших сограждан, странах не всё благополучно с рождаемостью и семейственностью. В чём же тут дело? Почему в 1910 г. средний возраст в Германии был ниже 24 лет, а в 2003 г. превысил 40-летнюю отметку? Что же изменилось? Прежде всего, изменился мир, а также люди, его населяющие.

Не будем забывать, что мы живём в эпоху так называемого глобализма, что, по сути, означает власть в мире финансового капитала. Роль мирового финансового капитала возросла после отмены в 1970-е гг. Бреттон-Вудской системы, когда была упразднена привязка доллара к золоту и утверждены плавающие валютные курсы. Формально доллар переставал быть главным платёжным средством, но фактически привязка к доллару, как рудимент Бреттон-Вудской системы, со-

хранилась до сих пор, что связано с экономическим и военным потенциалом США. Собственно, США и стали центром мировой политики глобализма и главным экспортёром капитала. Суть глобализма в том, что использовать капитал с максимальной выгодой можно только при открытых границах. Деньги должны поступать туда, где они могут работать наилучшим образом. Диктатура финансового капитала обязывает поддерживать в странах, ждущих инвестиций, низкий уровень инфляции и невысокие налоги на доходы от инвестиций, сокращение социальных расходов и максимальную приватизацию. Обязательным условием является также конвертируемость местной валюты и открытость для международных перемещений капитала.

Несмотря на то, что кому-то по сей день понятия «капитализм» и «социализм» кажутся анахронизмом, именно расхождение между двумя системами и определяет современную реальность. Смысл и цель экономики социализма — развитие социальной сферы, капитализма — снижение затрат на производство. Именно поэтому транснациональные корпорации размещают своё производство там, где дешёвая рабочая сила, низкие налоги и затраты на социальные нужды. Само собой разумеется, что власти, много рассуждающие об инвестициях, не станут особенно заботиться о высоком уровне жизни в своей стране, поскольку это сделает страну малопривлекательной для инвестиционного капитала. Можно возразить, что инвестиции дают рабочие места, помогают воплотить в жизнь новые проекты. Пусть так. Но в то же время инвестиции приводят к разбалансировке финансовой системы и к росту зависимости от экспортёров денег. И, конечно же, нелепо рассуждать о суверенитете при отказе контролировать вывоз капитала. Цель глобализма — это рынок без государства, это уничтожение сильных национальных государств, это, в конце концов, создание человека нового типа.

При этом атака на крупные государства и поддержка этносепаратизма вовсе не противоречат друг другу. Просто правительства малых государств более управляемы и более сговорчивы. Яркий пример тому — постсоветское и постюгославское пространства. Когда украинцев учили кричать «Цэ Еуропа», то смысл этой кричалки сводился именно к отрицанию своей национальной идентичности. Национальные государства создают помехи транснациональным спекуляциям. Финансовый капитал заинтересован, во-первых, в превращении производственных национальных экономик в транснациональные спекулятивно-перераспределительные,

а во-вторых, в манипуляции народами и внушении массам идеи о необходимости разгосударствления. Именно с этой целью повсеместно, включая благополучные страны, осуществляется намеренная деградация образования, а с помощью деятелей культуры и искусства внедряется новое мировоззрение, основанное на разрушении традиционных связей и отказе от святынь. Традиционная семья как «ячейка общества» и основа государства тоже стала помехой в новом глобальном мире.

Когда 9 Мая в России поднимаются крики о «победобесии», то исходят они не столько от русофобов, сколько от глобалистов, то есть от людей, обрубивших связи с местными традициями, ценностями и святынями. В каком-то смысле и они, конечно, русофобы, но лишь как ненавистники серьёзного отношения к традиции как таковой и к почитанию сакрального. Когда современные российские литераторы или кинематографисты клеветуют на страну и народ, это, возможно, не потому, что они искренне Россию ненавидят. Просто для того, чтобы считаться сегодня элитой в международном масштабе, чтобы иметь доступ к широкой аудитории и премиальным фондам, нужно обозначить своё независимое положение по отношению к национальным интересам. Быть элитой сегодня — это значит не быть связанным с национальным началом. Современная элита должна служить не народу и не национальному государству, а транснациональному капиталу — фактическому хозяину мира. Элите предписывается подавать пример, способствовать появлению и распространению нового мировоззрения, нового образа жизни и нового отношения к традициям и святыням. Такая элита словно бы говорит народам: «Забудьте всё, что было. Пришло другое время. Учитесь жить по-новому. А всё, чему учили прежде — ложь». Кстати, не далее, как 20 июня заместитель министра обороны Андрей Картаполов на заседании «круглого стола» в Думе заявил буквально следующее: *«Нашими партнёрами во главе с США организуется поддержка нетрадиционных религиозных структур, «независимых» изданий и медиаресурсов, а также недалёковидных или откровенно враждебно настроенных политических деятелей, популярных медийных личностей и представителей культуры и искусства. При этом основные усилия направляются на разрушение цивилизационной государственной, идеологической, культурной, религиозной и тому подобной идентичности»*. Если уж в Министерстве обороны озаботились разрушением идентичности, то дело, надо полагать, приобрело характер устойчивой угрозы. Несмотря на то, что Россия открыла границы для финан-

совых операций, привлекает инвестиции и не преследует вывоз капитала, национальная и прочая идентичность сохраняет потребность у значительной части граждан страны в сильном государстве, национальных традициях, культуре и святынях. Именно эта потребность и должна быть уничтожена с помощью «медийных личностей и представителей культуры и искусства».

К тому же время, что ни говори, действительно пришло другое. Интернет позволяет найти работу или снять квартиру в любой части света. Транспорт даёт возможность перемещаться из страны в страну быстрее, чем сто пятьдесят лет назад переезжали из Москвы в Петербург. Осталось отказаться от всяких там идентичностей и признать, что «национальное — плохо, транснациональное — хорошо». То есть плохо и глупо носиться с историей своей страны, желать стране и народу процветания и бороться за это процветание, глупо радеть за сильное государство. Государство — это вообще не комильфо, гораздо лучше быть свободным гражданином свободного мира, жить там, где больше нравится, где много солнца и хорошие пенсии, болтаться по миру вслед за транснациональными корпорациями, путешествовать, «кушать вкусные продукты», бороться с «российской оккупацией», защищать геев и чёрт его знает, чем там ещё заниматься.

И нельзя отрицать, что попытки создать нового человека удались. Современный человек в значительной своей массе уже превратился в глобального кочевника, настроенного не на созидание, не на преобразование среды обитания, а на поиски другой, уже готовой и более подходящей среды. Так, азиатские кочевники, перемещающиеся по степи с отарами или табунами, не озабочены посевом или выращиванием свежей травы для скота. Достаточно просто сняться с насиженного места и отправиться на поиски ещё не вытоптанного или не выжженного солнцем пастбища, чтобы осесть и там до поры.

Глобальные кочевники — это люди, оторвавшиеся от своей традиционной среды и культуры, расценивающие эту традицию как отсталость или архаику, ненужную и непригодную. Но возможность скитаться по миру и разрыв с оседлыми традициями неизбежно диктует новое мировоззрение, меняет психику и восприятие, освобождает от культурных табу, от необходимости почитать общие когда-то ценности и чтить святыни. Отметим и то, что моногамная семья — такая же традиционная, классическая ценность, как и множество других ценностей, это особенность оседлой жизни и вполне определённой, сложившейся культурной среды. Кстати, когда мы ахаем по поводу утечки мозгов и вообще по поводу уехав-

ших из страны сограждан, мы опять же забываем: глобализированный мир устроен таким образом, что одни страны экспортируют рабочую силу, привлекая при этом инвестиции для создания капиталоемкого производства, а другие страны, напротив, экспортируют капиталоемкие товары и предоставляют кредиты.

Человеку кажется, что это он сам, пересмотрев своё отношение к жизни, выбрал современный путь, наиболее приемлемый в современном мире. Путь, обусловленный развитием техники, транспорта, средств связи, открытием границ и новыми возможностями; путь, ведущий в обход устаревших традиций и всякой архаики. Но на самом деле, человек просто стал экспортным товаром, кочевником, поддавшимся влиянию глобализаторов и включившимся в схему, предложенную финансовыми спекулянтами. Для этого нового племени или нового класса не существует ценностных центров или критериев соответствия. Рано или поздно, но такие люди начинают воспринимать мир в отрыве от каких бы то ни было корней или истоков, от любой первичной реальности. Ценность обретают успех и комфорт или удобство жизни. Но в такой системе ценностей семья отходит на второй план, тем более что «идеал соответствия», то есть планка успеха, становится всё более трудно достижимым. И зачастую у посвятившего себя зарабатыванию денег или карьере ради «идеала соответствия» человека просто не остаётся ни сил, ни желания для создания семьи и пестования потомства.

Недавно в Интернете попала интересная заметка. Учительница из провинции с горечью пишет о своих учениках — обычных российских подростках. С горечью, потому что, со слов учительницы, эти дети не любят свою страну. И патриотическое воспитание, внедрённое сегодня в школу, не в состоянии ничего исправить. Программа патриотизма не способна вызвать этот самый патриотизм. Да, дети слышали об истории, о Великой Отечественной войне и даже гордятся предками. Но свою страну, в которой они родились и живут, они не любят и не уважают. Более того, они уверены, что по окончании школы нужно уехать из страны, потому что здесь, как им кажется, они не смогут себя реализовать, найти хорошую работу и, в конце концов, дожить до пенсии.

Что интересного в этом рассказе? Во-первых, детям почему-то кажется, что, уехав, они непременно найдут хорошую работу и смогут себя реализовать. Хотя никаких даже намёков на гарантии чего-то подобного нигде в мире не существует. Во-вторых, дети считают, что в России до 65 лет они дожить не смогут, а в любой другой стране — без вопросов.

Ну, допустим, дети наслушались взрослых разговоров о пенсионной реформе и, не вполне понимая, что к чему, повторяют за взрослыми. Но самое интересное — это «в-третьих»: детские разговоры и суждения выдают совершенно других людей. Других по отношению к ушедшим поколениям, к преобразователям и первооткрывателям. По отношению к тем детям, кто мечтал быть космонавтом или учёным, а не «кушать вкусные продукты» и путешествовать, кто вообще умел мечтать. То есть подрастают люди, чуждые созиданию, освоению и покорению мира, кочевники, уже оторванные от родной традиции и культуры и нацеленные на поиски богатого пастбища. Никто из них не сказал, что хотел бы изменить существующий порядок, перестроить государство и преобразовать мир. Но при этом они уже понимают, что для качественного потребления «в этой стране» не созданы подходящие условия. Поэтому нужно сниматься с места и ехать туда, где эти условия существуют.

Мы не можем в точности утверждать, частный ли это случай, описанный учительницей, или подобные настроения широко распространились среди российских подростков. Но в любом случае можно говорить о том, что глобализаторы своё дело делают. И новый человек в России сформировался. И этот новый человек — не выразитель интересов народа, не хранитель или создатель культуры, не просветитель и не устроитель лучшего будущего. Это — глобальный кочевник и потребитель.

То, что в нашей стране поселилась бедность, а реформы, начиная с 1991 г., грабят и разоряют народ и государство, это результат политики глобализаторов. Потому что власть в России не действует в национальных интересах, а выполняет посредническую функцию между собственным народом и транснациональным капиталом, поддерживая условия, выгодные для инвестиций. И наша страна будет иметь тот облик, который ей навяжут хозяева мира. Мы не входим в «золотой миллиард», нам отведена роль ресурсной базы. Поэтому, оставаясь внутри этой системы, мы обречены быть поставщиками природных и человеческих ресурсов, импортируя капитал и капиталоемкое производство. Бедность тоже никуда не исчезнет, потому что она часть существующего порядка. И человек, чьё сознание зависит от бытия, никогда не станет другим.

Поэтому государственная поддержка — это, конечно, хорошо, но в изменившемся мире семья превращается в архаику, в отжившую плоть общества, в надоевшую и устаревавшую традицию. А стало быть, кризис семьи только начинается.

ДВА РАССКАЗА

ДЕРЕВЕНСКАЯ РОДНЯ

Уйдя в отставку, отец, Прокофий Ильич, — военлёт, комэск, для постоянного жительства выбрал Воронеж: поближе к своей родной деревне Милавка. И отныне у нас часто можно было застать его дядьёв, братьёв, сестёр и племянников. Приезжая в Воронеж по своим делам, милавцы нас не обходили. Отца они считали большим человеком: как-никак служил в одном полку с Гагариным. К тому же он часто помогал родне — купить корову, поставить дом или на похороны. Деньги деньгами, но и многие наши вещи донашивали в Милавке. Порой доходило до казуса: однажды дядя Илларион, старший брат отца, восхитился маминой кротовой шубой. Она была совсем новая, и мама, Татьяна Яковлевна, едва успела её надеть один только раз. Как бы там ни было, отец обнял дядю Иллариона и объявил, что дарит шубу своей золовке. Правда, Аня, жена Иллариона Ильича, которую в Милавке почему-то звали Оней-Аней, так ни разу ее и не надела. Оня-Аня стеснялась пройти в ней по деревне. Шуба пролежала в сундуке, пока моль не сделала своё дело.

ПРОЗА

Узнав об этом, отец только скрипнул зубами. Помогая родне, он, наверное, чувствовал себя, ни мало, ни много, главой рода. В свою очередь, милавцы платили ему, чем могли: они по собственной инициативе переименовали отца из Прокофия в более благозвучного — Владимира. Учитывая его отчество, отец стал по-ленински Владимиром Ильичём, а это в те ещё перестроечные годы было нечто. Потом же из деревни везли нам самое разное своёское угощение. Скажем, пахнущие ржаной соломой мочёные яблоки, которые хранились в бочках до февраля-марта в реке, подо льдом, отчего, наверное, и были они на всю область известны своим особенным забористым вкусом. Яблоками Милавка славилась. Но особенно она славилась салом. Сало нам тоже везли бесперебойно. С черновато-коричневой, палёной шкурой, оно на срезе отливало перламутровой живой белизной, прорезанной сургучными прожилками любовчинки. Свиной в Милавке обычно забивали, как и полагалось, на Великий Четверток. Вроде тогда салу и мясу сообщались все необходимые достоинства. Я никогда не видел, чтобы отец ел сало с базара или, тем более, магазинное. Он исключительно пользовал милавское. Если оно у нас заканчивалось, отец терпеливо ждал. Ему никогда не приходилось ждать долго.

Этой зимой в очередной посылке из Милавки кроме яблок, сала и угольно-блескучих сушёных груш обнаружилась бледная любительская фотография: сутулый, широконосый пацан в валенках, тесном пальто и кожаном лётном шлеме.

— Узнаешь? — приобнял меня отец.

Я узнал своё пальто, этой весной благополучно отбывшее в Милавку, узнал заветный шлемофон, который мне так и не удалось ни разу надеть.

— Не ломайся! — нахмурился отец. — Ты же этому малому однажды чуть ухо не отгрыз! Вам тогда года по четыре было. Никто не понял, почему ты на него набросился! Тебя еле оторвали. Пришлось мне покраснеть за своего сыночка!

— Вспомнил? — осторожно улыбнулась мама.

— Нет... — вздохнул я.

Отец выхватил фотографию. Во всем, что касалось его родни, он был просто-таки щепетилен. Оно и понятно: подчёркивая во всем родственную связь с милавцами, щедро посылая в деревню деньги, одежду, он сам, тем не менее, ни разу туда не наведаясь. Что-то его всегда удерживало. Отец откладывал и откладывал поездку в деревню. Хотя какой-то явной причины не поехать не было. Он, случалось, уже сидел на чемоданах, но в последнюю минуту вдруг объявлялось нечто и вынуждало его остаться.

На фотографии был мой двоюродный брат Николай, сын дяди Иллариона Ильича.

С тех пор он стал регулярно присылать нам открытки к праздникам и даже письма. Они были полны ошибок. Я находил их, несмотря на то, что моя грамотность тоже была не на высоте. Не иссякавшие послания Николая казались мне написанными словно бы тремя разными людьми: мальчишкой, стариком и сельским дьячком.

«Здравствуйте и к тому же извините за долгое молчание, наши дорогие родственники дядя Володя, тётя Таня и брат Серёжа, который никакой мне не двоюродный, а самый настоящий родной по крови и духу!» — писал Николай.

И чем заковыристей выражался Николай, тем больше умилялись над его строчками мои родители. Однажды мама даже расплакалась над очередным письмом. Она только что перенесла грипп, об этом узнали в Милавке, и Николай не замедлил откликнуться, старательно соблюдая давно забытые мной правила нажима пером: «Будьте так добры, тётя Таня, не бойтесь в другой раз! Очень изволновались и уже хотели ехать до Вас: и отец мой Илларион Ильич, потом же мамка Аня и даже сосед наш дед Демоняка. Душевно посылаем лечиться травы, а также яблоки и немного сальца. Поправляйтесь со всей окончательностью. Об этом сообщите обязательно, чтобы и мы могли порадоваться за Вас. Лети с приветом, вернись с ответом!»

Меня тотчас посадили писать ответ. Я вымучил полстраницы, и отец остался недоволен моей краткостью. Словно в укор мне, он в очередной раз объявил, что едет погостить в Милавку. Был канун Нового года, и скоро начались затяжные метели, так что сообщение с Милавкой надолго прервалось. Отец снова остался дома.

Тем не менее Николай не задержался с ответом на моё куцее письмо и в бурю за десять километров добрался до райцентра, где была почта. Так что вскоре мы опять читали рассуждения уже известной нам тройцы: мальчишки, старика и дьячка.

— Вам с Колей надо переписываться! Вы же братья! — вдохновенно постановил отец.

И все-таки в развитие эпистолярного жанра мы с Николаем свой вклад так и не внесли: приближался конец учебного года, и надо было избегнуть грозивших мне двоек по алгебре и химии.

В конце концов, ответами в Милавку занялась мама. На 8 Марта она даже послала Оне-Ане нечто в стихах. Поэтическим размером это напоминало сказку про Конька-Горбунка.

Мама была из поколения, которое повально увлеклось сочинять под Ершова. Вообще-то раньше мама стихи не писала. Трудно сказать, почему её вдруг потянуло рифмовать. Но получилось в меру складно и бойко.

На это письмо Николай так и не ответил. О причине можно было только догадываться. Скорее всего, он тоже хотел прислать стихи, да они ему не дались.

Как бы там ни было, в свой очередной приезд дядя Илларион кроме традиционных яблок, груш и, конечно же, сала, привёз назад мамино письмо в стихах.

— Очень складно написано! Может быть, оно вам ещё для чего пригодится. Вдруг в газете захотите пропечатать... — уважительно, несколько смущённо проговорил Илларион Ильич.

— Что же ты никогда не возьмёшь с собой сына?! — душевно возмутился отец. — Надо братьям поближе сойтись!

— Учтите он... — вздохнул дядя, и стало достаточно ясно, по крайней мере, для меня, что успехи в обретении знаний у Николая на нулевой отметке.

— На весенних каникулах привези! — не отставал отец.

— Да нужен он твоему!.. — дядя мельком глянул на меня и как-то странно, непонятно подмигнул. — Мой деревня деревней!

— Письма Коля пишет достаточно грамотно! — порывисто сказала мама. — И у него всё меньше и меньше ошибок!

— Пыжится! — усмехнулся дядя. — Да толку... Коровам хвосты крутить ума много не надо.

— А в институт он у тебя не собирается? — строго сказал отец. — Стране нужны квалифицированные специалисты! Дядя сник.

Однако на каникулах дядя Илларион все-таки приехал с Николаем. Мой двоюродный брат оказался весьма даже похож на меня. По фотографии это было не так заметно. Дело в том, что Николай напоминал меня не столько внешне, сколько жестами и манерами. Он, как и я, при ходьбе забрасывал руки за спину, а, наевшись, склонял голову к плечу.

Голос его я услышал не сразу. То глухое, словно бы раздавленное «здрасьте», которое Николай, войдя, сипло выдал за спиной Иллариона Ильича, само собой, было не в счёт. Он судорожно, упёрто молчал. Словно не замечая этого, мама то и дело о чем-нибудь спрашивала его, но ответа, само собой, не получала. Со стороны было похоже, будто она учит Николая говорить.

— Коля, а ты хотел бы поступить в институт, получить высшее образование? — обратилась она к нему. — Поверь, нам

не безразлично твоё будущее! Надо верить в себя! Ты хорошо знаешь, что когда-то дядя Володя был всего-навсего простым пастухом! Пора подумать о большой дороге для себя!

— Я, парень, тебя не оставлю! — сказал отец таким тоном, словно и в самом деле мог вершить чужие судьбы. — Помощь будет. Обеспечим.

— Вот спасибо так спасибо!.. — вздёрнулся дядя Илларион и подмигнул Николаю. — Сынок, поблагодари и ты как следует. Мы ведь не без понятия!

Николай вдруг побледнел.

— Отставить! — вскрикнул отец, почувствовав неладное. — Давайте без всяких там фиглей-миглей: мы же родные люди!

Дядя Илларион схватил его за руку и, зажмурясь, скрипнул зубами. Это, кстати, был, если так можно сказать, чисто милавский проект. Они хлётко обнялись. Братья тискали друг друга и очень даже по-милавски скрипели зубами. Мама улыбалась, закрыв уши. Нервы у неё не выдерживали такие звуки. Они были жёстче тех, когда ножом скребут стальную сковороду. И все-таки она улыбалась. Нельзя было не улыбаться, глядя на мужиков, которые расчувствовались по всей программе. Само собой, даже слёзы были с обеих сторон. Да и концерт зубами они устроили самый настоящий.

В это время Николай вдруг и заговорил:

— Учиться я, само собой, хотел бы! — неожиданно запросто, даже как бы несколько нахально сказал он. — Мне это, в общем-то, нравится. Плохо, что я не могу стать лётчиком, как дядя Володя. На гранате пацаном подорвался... Живот, что решето. Но я пойду в политехнический и буду конструировать самолёты. Самые лучшие в мире!

— Ты хочешь на авиационный факультет? — со знанием дела уточнил я. — Здорово! Значит, будем поступать вместе. Я тоже туда решил. Только учти: конкурс там ещё тот!

Однако Николай, как спохватившись, уже снова молчал. Мало того, он еще отчаянней побледнел.

— Зачем ты перебил брата?! — вскрикнул отец.

— Говори, деточка, мы тебя внимательно слушаем! — воскликнула мама.

Но они уже не добились от него ни слова: он молчал как партизан.

А потом мы сели обедать. На столе были отличные, сочные пельмени и не менее сочные голубцы в капустных коконах, но отец, тем не менее, ничего не ел, кроме милавского сала. Он как священнодействовал над ним.

Когда мама подала на дулевском блюде из густо-белого яркого фарфора алый, тяжеломясый арбуз, Николай вдруг

судорожно встал из-за стола. Отойдя в сторону, он сковырнул с ног непривычные ему тапочки и тихо, почти нежно сказал:

— Лапы совсем запотели. Пусть охолонут...

После обеда я снова услышал его голос, — он глухо, как через силу, спросил у меня:

— Сортир где?..

Я провел его в конец коридора. Николай закрылся в туалете, несколько раз для надёжности с силой подёргал дверь изнутри: сила у него была. При этом он что-то сказал, но я не разобрал.

Его долго не было.

Вдруг я услышал с той стороны сдавленный шёпот: Николай звал меня. При этом он как-то странно, судорожно мялся и смотрел достаточно тоскливо.

— Не могу.. в доме, — сдавленно проговорил он и скрипнул зубами похлеще моего отца и дяди Иллариона. У меня, кстати, так не получалось, хотя я не раз пробовал, не жалея зубов. Я один из всей нашей мужской родни не умел ими так основательно скрипеть. При всем при том, зубы у меня были в полном порядке.

— Мы у себя до ветра ходим...— чуть ли не всхлипнул Николай.

И я повёл его на улицу. Мы скоро нашли подходящее место в глубине аллеи. Он между делом закурил.

— Будешь? — предложил мне Николай, не вставая.

Я машинально взял у него сигарету. Термоядерный «Памир».

Это была моя первая попытка курить. Я сделал пару судорожных затяжек и как ослеп. Будто со стороны слышал я звук, с каким упал лицом в весенний колючий снег. Позднемартовский, залежавшийся в тени наперекор весне, он был корявый и жёсткий как шлак.

Николай привёл меня в чувство, растирая уши. Делал он это очень больно, но, наверное, иначе было нельзя.

Я очнулся, вскрикнул и оттолкнул его.

— Ещё дерётся!.. — разогнулся он, подтягивая штаны, перехваченные солдатским ремнём с бляхой, залитой изнутри свинцом, чтобы ей можно было серьёзно действовать в драке.

Я сел на корточки, привалившись спиной к скользкой ледяной стене.

Вечером дядя Илларион и Николай уехали. Мне без него вдруг стало немного грустно, но я постарался не придавать этому значения.

Обычно из Милавки наезжали к нам так часто, что мы сразу заметили, когда однажды эти посещения вдруг резко прекратились.

Посылки и письма шли, но никто уже не заходил. Кстати, посылки стали приходиться как никогда часто. И если яблоки все-таки подъедались, то куда девать милавское сало, мы уже просто не знали. Как ни любил его отец, но с такими объёмами он один справиться не мог. Меня и маму в расчет брать по-прежнему не приходилось.

Когда однажды мама случайно увидела на базаре кого-то из нашей милавской родни, а те сделали вид, что не узнали её, — отец забеспокоился всерьёз. Он снова решил ехать в деревню. По всему эта заветная поездка должна была наконец состояться. Все шло к этому.

— Опупели они, что ли, там? — говорил отец, судорожно утапливая вещи в саквояж. — Ну и мужики! Давно я с ними по-свойски не толковал!

Наконец за ним закрылась дверь. Надо отметить, что во все его предыдущие милавские сборы до этой черты ни разу не доходило.

Мы с мамой вышли на балкон, чтобы увидеть, как отец будет переходить улицу и помахать ему.

Я и мама стояли достаточно долго, но его всё не было. И мы наконец решили, что проглядели отца.

А он всё это время сидел в комнате у нас за спиной и читал письмо. Это было письмо из Милавки. Отец только что взял его из почтового ящика.

— Вот почему эти мудрецы перестали к нам ездить! — вскрикнул он. — Тоже мне, психологи доморощенные! Илларион просит, чтобы Николай пожил у нас, пока не поступит в институт. Через это нам и дали передышку. Отпуск, понимаете ли, устроили! Демоняки! Пусть, конечно, живёт. Пусть живёт столько, сколько надо. Мы даже можем прописать его у себя. Потеснимся.

— Им надо свечку тебе поставить... — сказала мама.

— Деньги только зря потратят! Я же — атеист! — гордо засмеялся отец.

И мы теперь каждый день ждали Николая. Вернее, каждый день, начиная с восьми вечера. Это было то самое время, когда приходил поезд со стороны Милавки. Он приходил раз в сутки, и в другое время ждать Николая не имело смысла.

Первое время мы день ото дня не садились ужинать, ожидая Николая, и ужинали уже на ночь. В конце концов, у отца расстроился желудок. Ведь он и за ужином, как за завтраком и обедом, ел милавское сало. Он без него никогда не

садился за стол, но есть сало перед сном выдержит не всякий организм.

Николай приехал утром с товарняком. В руках у него был самодельный фанерный чемодан с накидными проволочными крючками, а через плечо висела гармонь с яркими красными мехами.

— Здравствуйте, — глухо сказал Николай, почему-то глядя только на меня.

— Здравствуй, племяш! — торжественно обнял его отец.

— Вот тут мне адрес один дали. А где эта улица, я не знаю, — замялся Николай, протягивая какую-то бумажку.

Отец сел за стол и попросил очки.

— Это адрес гостиницы «Луч», — сказал он. — У тебя там какие-то дела?

— Папка сказал, что я смогу там переночевать, если у вас нельзя...

— Как нельзя? — покраснел отец. — Вот ведь жилка деревенская. Ну-ка, снимай гармонь! Танцев не обещаю, но всё остальное будет.

После обеда мы сели с ним заниматься: до вступительных экзаменов оставались считанные дни.

На первом экзамене мы писали сочинение. Николай выбрал тему «Образ Наташи Ростовой» и старательно раскрыл его от лица уже известной мне тройцы: мальчика, старика и дядька. Сочинение от их имени вряд ли могло понравиться комиссии, особенно если в нем была, к тому же, куча пугающих ошибок.

Николая не приняли, и он собрался обратно в Милавку. Мне было неловко перед ним. Как ни странно, у меня в смысле экзаменов пока складывалось не самым худшим образом.

— Чёрт с ним, с этим институтом! — сказал отец. — Только ты, Коля, всё равно оставайся у нас. Я тебя пропишу. Сейчас в городе прописаться нелегко, но у меня пока есть через кого похлопотать.

— Спасибо, дядя. Спасибо, тётя... — сказал Николай. — Только я уже и билет купил...

Он вдруг впервые за все эти дни взял гармонь и круто распахнул, как развалил, её яркие красные меха. Она улыбочато ощерилась.

Николай заиграл. Отец скрипнул зубами, словно подал боевой милавский клич. Он поднял глаза к потолку и стал аккуратно, вполсилы пританцовывать, чтобы особенно не беспокоить соседей.

Гармонь густо дышала в руках Николая. Он чуть не выворачивал её наизнанку.

— Гуляй, мотаня! — вдруг крикнул кто-то с улицы, и мы услышали под нашими окнами азартное шарканье ног, тупые, рассыпчатые удары каблуков по асфальту. Кто-то из прохожих подхватился пританцовывать под нашу музыку.

Воронеж...

Мама вдруг заплакала.

А потом мы провожали Николая. До Милавки на поезде часа два. В принципе, это не так уж и далеко. Но почему-то у меня было ощущение, что Николай уезжает в невообразимую даль, может быть, даже дальше, чем в другую страну, куда-то туда, куда всё собирался и не смог собраться отец в своём стремлении достичь родной Милавки. Николай уезжал в другую жизнь.

Я достаточно неплохо сдал следующий экзамен и ничуть не хуже все остальные.

В сентябре наш курс будущих самолётостроителей повели на авиазавод. Это было тогда по всем статьям секретное предприятие. Когда нам выписывали пропуски, мы волновались не меньше, чем перед экзаменами. Казалось, что кому-то могут и не разрешить пройти на территорию.

Прошли все, но у двоих наших ребят временно отобрали фотоаппараты. Остальным велели сдать в камеру хранения портфели и сумки.

Нас водили по цехам и показывали то, что можно было показывать. Показывать можно было немного, да и то издалека. Фюзеляжи будущих самолётов, облепленные фигурками рабочих, напоминали гусениц, на которых напали муравьи. В цехах было светло и не в последнюю очередь благодаря алюминию, который был здесь повсюду. Его ярко-белая стружка кудряво усыпала станки, как мишура новогодние ёлки, и сугробами лежала в специальных контейнерах. Её сюда свозили со всех цехов. Это делали два парня на автокарах.

Один из них заложил вираж совсем близко от нас. Девчонки шарахнулись. Тележка гремела, опасно шевеля острыми усами витой стружки.

Я узнал на подножке Николая.

— Никому не говори, что видел меня! — сказал он, притормозив. — Как-нибудь я зайду к вам и всё объясню.

И я ничего не сказал родителям. Я не сказал про нашу с Николаем встречу даже тогда, когда стало ясно, что он уже не зайдёт. Мне самому почему-то не хотелось говорить об этой встрече.

А из Милавки снова никто долго не приезжал. Только время от времени приходили посылки и поздравительные

открытки. Теперь их писала Оня-Аня. «С приветом-поклоном к вам вся родня. Не поддавайтесь хворьям-болезням и приезжайте проведать-погостить». Само собой, ей отвечала мама. Кстати, она в каждом письме интересовалась про Николая, но ничего вразумительного так и не добила. Время от времени я бывал на заводе, но уже ни разу не видел его там. Позже я узнал, что Николай давно уволился и куда-то уехал.

Чувство смутной вины долго не оставляло меня...

Мы встретились через много лет. Уже в начале «нулевых». Встреча была случайной. Авиазавод, на котором я работал старшим мастером участка, ждал высокого гостя из аппарата президента. Нашему руководству во главе с губернатором области предстояло его уговорить на «добро» для заключения одного очень выгодного для нас контракта с Венесуэлой. На генеральном директоре лица не было.

Полпредом президента оказался мой Николай. Николай Илларионович. Наш контракт он раскритиковал в пух и прах, но крест не поставил. Контролировать дальнейшую доработку он поручил мне...

ТЕЛЕГА НА МЛЕЧНОМ ПУТИ

В тот год по осени решила Александра Ивановна спилить в саду на дрова старые яблони и груши. Объявив об этом, она невольно всплакнула. Деревья еще в начале века сажал с работниками ее отец, тогдашний хозяин не только этой усадьбы, но и всех окрестных земель, которые после революции навсегда стали соседскими.

Несмотря на свой почтенный возраст, эти исстаревшие кулацкие плодоносы оказались такой твердости, что мою кандидатуру дровосека Александра Ивановна быстро исключила из списка. Пилу у меня раз за разом зажёвывало, а топор и вовсе при каждом ударе по жилистому стволу ошалело вылетал из рук — я как-никак был городским зятем. Правда, несмотря на все свои урбанистические недостатки, я мог кое с чем справиться и на сельском подворье. При всём при том Александра Ивановна каждый раз бдительно наставляла меня, как держать лопату, как косить или пахать огород ручным плугом. Только он и помогал некоторой моей реабилитации в ее глазах: плуг я тянул за собой по мясистому чернозему напористо, если не сказать — резво. Одним словом, был я малый молодой, достаточно расторопный и вообще способный ломить за троих.

Но с садом задача стояла особая. Так что Александра Ивановна, оценив ее во всей сложности, объявила вердикт:

— Само не обломится. Надо идти к Сашке Клину.

За три года в зятях я уже имел достаточное представление о колоритных здешних фигурах: таких, скажем, как дед Демоняка, бабка Пятилетка, конюх ветлечебницы Жорик Матрос или почтальон Иван Корреспондент. Можно было припомнить и еще пару-тройку звучных имен. Положим, бывший завуч по прозвищу Дубняк Юрка Кувшин...

Про Сашку Клина я услышал впервые. И почему-то невольно представил себе некую сокрушительную субстанцию с пугачевским топором за поясом.

— Клин клином вышибают! — само собой вырвалось тогда у меня.

При этом я был удостоен такого взгляда Александры Ивановны, какой обычно ловил на себе, если, например, никак не мог зачерпнуть непотопляемым ведром воду из колодца или отрубить голову курице так, чтобы она потом полчаса оглашенно не носилась без головы по усадьбе.

Настроившись заполучить Сашку Клина, Александра Ивановна несколько раз ходила «до него». В конце концов, после всех этих многозначительных встреч они сговорились на следующую субботу.

Александра Ивановна порадовалась своей дипломатической победе по двум причинам: появилась возможность вовремя сделать дело, а также в глазах земляков подтвердился ее авторитет. Ведь в эту пору к Сашке Клину, как и к Жорику Матросу, пахавшему огороды, подступиться было непросто: с ними весной да осенью все здоровались через улицу. И отчество при этом ни разу не забывали.

Загодя Александра Ивановна рано утром по осенней, вялой темноте отправилась в районный центр на базар. Собирался он уже часов в шесть и скоро опустевал: работа торопила людей.

Казалось бы, всё у Александры Ивановны для стола имелось свое, «свойское»: и в погребе припасено, и в сарае. На чердаке под крышей в марлевом коконе вялится тяжелый, подкопченный окорок, томится под прессом кишка сельдесона, а веранда увешана гирляндами луковых маковок, кулачками чеснока, словно обтянутого березовой корой. Здесь же и дубовая, вековая кадушка-бабушка с ржаным, мутно-матовым квасом, поверху затянутым склизкой зеленью мятных листьев. Карие глазки изюма вальяжно плавают в нем, украшая сочный квасной лик, как веснушки личико де-душки.

Только кто у нас посадит работающего мужика за стол без мяса? Куры, окорока, сельдесон таковым не считались. Одним словом, русский стол, на котором нет знатных котлет, — сирота. Это у нас такой же атрибут праздничного объедения, как у американцев индейка или карп у чехов.

Сил же держать теленка или свинью у Александры Ивановны уже не было. Вот и застучала ее березовая палочка в сторону базара, сторожко предупреждая окрестных собак.

В этом до свету хождении за пять километров в район на базар, расставившийся на большой луговой поляне, в особенной, значительной озабоченности Александры Ивановны тем, чтобы по-людски накормить званого работника, в ее настрое покупать только после честного, строгого торга, выделась едва ли не та же приготовленность души, с какой православный человек идет в церковь молитвенно стоять долгу, испытующую службу.

В субботу в назначенный час Александра Ивановна избегалась за калитку на взгорок высматривать Сашку...

Котлеты у нее вполне удались: смачно-пышные, мясные караваи, набухшие горячим, розоватым соком. Их дородная царственность подчеркивалась застольной свитой: матовыми, отварными картохами, сизо-мутным куриным холодцом с ножками и головами, запаянном поверху тягучим перламутровым жирком, и разными там бочковыми соленостями, включая знаменитые здешние моченые яблоки, — полупрозрачные, чуть ли не светящиеся изнутри, которые до февраля-марта выдерживают в бочках под донским льдом.

Известная норма Сашки Клина — полтора литра крепкого самогона, был наготове в массивном графине, облепленном по бокам шершавостью стеклянных виноградных кистей.

Вдруг Александра Ивановна осенила себя мелким, как бы потаенным крестом, словно наложила его не на всю себя, а только на свою душу, и, опередив меня, бросилась разносить воротную изгородь.

В утреннем, напрягшемся от первого, как бы пробного морозца затуманенном воздухе, всё ближе слышался треск мотора.

Наконец во двор, скрипя и подрагивая, вкатилась своим ходом затрапезная, выдавшая виды телега на резиновом ходу. Такое же впечатление могла разве что произвести печь, на которой сказочный Емеля разъезжал по щучьему велению.

На телеге, подстелив свежего сенца, рулил худой, морщинистый мужик лет сорока с коротким, будто подрезанным носом.

Он подал мне руку, не сходя со своей самобегающей телеги. Рука неожиданно оказалась ломовой, лесной силы.

За его спиной на задке судорожно трепыхалась невесть из какого металлолома собранный движок. Там же торчала когтистая дисковая пила. Вид у нее был задиристый, даже нахальный.

Сашка Клин сбросил рваную фуфайку, шустро подлез под телегу и начал там какие-то рычаги рассоединять и соединять, ловко перекидывая ключ из руки в руку.

Когда он пустил мотор, пила азартно рванулась.

Сашкина телега медленно накатилась на дерево и хватко, с захлебистым подвывом цапнула сталью по стволу. Яблоню проняла мелкая, знобкая дрожь. Тем временем пила уже напористо пошла через нее насквозь.

И вот уже первое дерево слетело, смертно треща сучьями. Пока я их отсекал, Клин завалили другое, третье...

К обеду сад сиротски поредел. Свежие мшистые пеньки омертвело торчали тут и там. Я поджег ворох сучьев, и пламя особенно яркое, кровависто-живое среди осенней серой пожухлости стало раз за разом взрывчато кидаться вверх, словно отчаянно порывалось куда-то улететь.

Клин с гордостью огляделся и, ни с того ни с сего, с неожиданным пафосом пропел: «И на Марсе будут яблони цвести!..»

Ел он на веранде. Сесть за стол в комнате он отказался. Его самоходную телегу многие заказывали, но ни у кого Сашка в дом не проходил: стеснялся своей неопрятности и будто бы грязной работы.

Он быстро управился с полуторалитровым графином — нормой угощения, которую знали за ним во всех окрестных селах. Ел Сашка почему-то держа тарелку на коленях. В ход шли сало и лук. Специально приготовленные для него образцово-показательные котлеты остались нетронутыми.

После угощения Сашка Клин никогда за руль не садился. Спать он устроился здесь же на веранде на полу. Выпил, закусил и свалился под стол. Чуть погодя, когда сон уже крепко засосал его, Александра Ивановна положила Сашке под голову подушку и накрыла старым комкастым одеялом, каким в большие морозы укутывала сруб колодца, чтобы лед не так быстро матерел.

Уехал Клин под утро, затемно. Я еще спал. Бог его знает, как он впотьмах управлялся со своим агрегатом на истерзанной сельской дороге...

...А года через три я случайно узнал, что Сашка Клин погиб: поднесла ему чья-то дурья башка угощение сверх нор-

мы, а утром ехать надо было по-над Доном по правому берегу такой высоты, словно земля здесь всё свое нутро выставила наружу.

Телега, раздавив Сашку, летела с обрыва быстрее и быстрее, словно хотела набрать нужную скорость, чтобы отчаянно рвануть к небесам вслед за его душой. С тех пор я ее ни разу не видел, и слышать о ней не слышал. Порой мне даже кажется, что она в самом деле догнала своего мастера и тарыхтит сейчас с ним где-нибудь по столбовой дороге Млечного Пути. Может быть, для них нашлась работа в Райском Саду?..

Вскоре и Александра Ивановна умерла. На ее похоронах на стене за иконой будто бы объявилось зыбкой тенью видение Божьей Матери. Этому никто особенно не удивился, потому что судьба у Александры Ивановны была особая, трудная, но это уже отдельный разговор.

Тем не менее в этой, казалось бы, простой истории, в этом времени осталось для меня что-то безответное, год от года всё более важное, и не дает покоя, тревожит необъясненным смыслом особого, «клиновского» житья-бытья. Ищу его и не найду. И все-таки ищу.

ДВА РАССКАЗА

А БОГ ВСЁ-ТАКИ ЕСТЬ!

С недавних пор в душе старика Кузьмича поселилась вязкая, прилипчивая тоска. Заползала она медленно, незаметно, но неотвратимо, увеличиваясь изо дня в день, как опухоль, и вот теперь настолько выросла и окрепла, что стала всем содержанием его жизни.

С раннего утра, а просыпался старик по деревенской привычке очень рано, он начинал вспоминать свою жизнь, и эти воспоминания мучали его. То видел он себя ребенком в большой семье, видел отца, мать, деда и бабушку, соседей, соседских ребятишек, и первую любовь свою вспоминал с каким-то насмешливым над самим собой чувством. Где все они? Куда закинула их жизнь, куда завели кривые дорожки? И думал он о том, что и мать, и отец, и все в его семье прожили голодную, трудную жизнь. И вставал во весь рост в стариковской душе убийственный вопрос: зачем всё это? Была же какая-то цель, какая-то мысль в их жизни? А вот прожили они и остались лишь холмики от всех их страданий. «Так и от меня останется только холмик, который зарастёт травой и затеряется в кон-

ПРОЗА

це концов на деревенском кладбище, и сгину я, как и не было вовсе. И бога нет, а, значит, ничего нет, одни камни! Значит, всё зря!», — думал он.

— Помру скоро, раз такие думки приходят, — говорил он вслух.

То вдруг переносился он мыслями к войне, о которой никогда и никому не рассказывал, вспоминал тот бой, из которого его, тяжело раненного, вытащила на себе молоденькая медсестричка с веснушками по всему лицу. Врачи не верили, что он выживет, а выжил. Он вспоминал переполненный ранеными бойцами, пахнувший человеческими телами и лекарствами госпиталь, в котором ему долго пришлось проваляться. Его, инвалида, отправили домой, и он вспоминал, как возвращался с фронта. Он ясно помнил те чувства и переживания, которые испытывал, когда брел мимо молодых бережек по знакомой тропинке в родную деревню.

Он вышел на пригорок и увидел реку Сережу и девушку вдальке, идущую по этой же тропинке навстречу ему. Он спустился к мосту через реку, и девушка тоже подошла к мосту с другой стороны, и тогда он подумал: «Вот и встретил я свою судьбу». Так на мосту через речку Кузьмич обрел человека, с которым прожил всю свою жизнь, и эта светловолосая, немногословная, застенчивая девушка стала всем для него. Бедную, простую и светлую жизнь прожили они вместе. Под конец жизни его жена — Варвара, Варюша, как звал ее Кузьмич, была тяжелой болезнью прикована к постели, и старик самоотверженно ухаживал за ней и был с ней рядом в ее последнюю минуту.

Он вспоминал, как пришел домой после похорон жены, опустошенный и словно оглохший от боли. Он еле-еле дождался окончания традиционных поминок, а когда все ушли, он, посмотрев на груду грязной посуды, на пустые бутылки и недоеденную еду, почувствовал вдруг такое безнадежное одиночество, что горькие, не успокаивающие сердце слезы хлынули лавиной из глаз.

Вспоминал он, как приходил на могилу к жене и разговаривал с ней, просил, чтобы она хотя бы почаще снилась ему. Навязчивые мысли о смерти стали посещать его с тех пор. Сначала он думал о ней постоянно, ощущал ее присутствие, ждал ее бессонными ночами, а смерть всё не приходила и не приходила. Минул год, второй после смерти жены, и душевная боль будто затаилась, спряталась в сердечных закоулках.

Он думал о дочери и сыне, которые давно уже уехали из родной деревни в город и словно забыли, что живет на свете их отец. Он никак не мог поверить, что его дети, для которых

он никогда ничего не жалел, которых даже никогда не ругал и не наказывал в детстве, так равнодушны и холодны к нему. И тогда Кузьмич горестно махнул рукой: «Пусть живут, как хотят!»

Но теперь, измучавшись от непрерывных воспоминаний, тоски и раздумий о своей жизни, от упреков самому себе в поступках, которые казались ему теперь неправильными и порочными, он твердо решил поехать в город, увидеть своих детей и успокоить свое сердце.

Стояла чудесная зима, снежная и тихая, с солнечными веселыми днями, с морозными долгими ночами. Старик решил ехать, не дожидаясь весны, и всего-то на денек, не больше, чтобы только повидаться с детьми, и всё. Накануне поездки он слезил в погреб, достал большой шмат пахучего деревенского сала, разрезал его пополам, каждый кусок аккуратно завернул в чистую тряпочку. Набрал две большие банки меда, всё это положил в старый, потертый, испытанный годами рюкзак. Всю ночь Кузьмич ворочался и, еле дождавшись утра, отправился на железнодорожную станцию.

Пока он ехал в холодном вагоне пригородной электрички, тоска словно бы немного отступила и чувство, отдаленно похожее на радостное волнение от предстоящей встречи, согрело беспокойную душу Кузьмича. Проезжая мимо знакомых ему станций, старик невольно вспоминал события в жизни, связанные с ними. Вот мелькнула среди деревьев знакомая деревушка, куда он еще до войны молодым парнем ходил в клуб на танцы. Теперь от некогда большой и голосистой деревни осталось три-четыре дома, в котором доживали свой век ветхие старушки, возможно, так же мучимые воспоминаниями о прожитой жизни. И опять на него нахлынуло: «Зачем я жил? Зачем?! Для чего страдал, работал, не разгибаясь? И бога нет, всё врут попы! Всё зря!»

Когда поезд подъезжал к конечной станции, Кузьмич надел на плечи тяжелый рюкзак и двинулся к выходу. Он приехал очень рано и, миновав старинное кирпичное здание вокзала, не спеша побрел по пустынной улице в центр города. Горожане еще спали, пара дворников скрипела лопатами, очищая заснеженные дорожки, да только-только проснувшиеся и небрежно одетые хозяева собак выводили своих питомцев на утреннюю прогулку. «Вот же сонное царство! Наверное, они всё время спят!» — думал старик без раздражения.

Он хорошо знал дорогу и шел, не торопясь, но смутная тревога овладевала им: как-то встретят его?

Когда он подошел к дому, где с мужем жила его дочь Лена, Кузьмич снял рюкзак, поставил его на скамейку и достал из внутреннего кармана пальто старенькие часы. «Девятый час. Наверно, уже не спят, время-то обеденное!» — подумал старик. Он взял рюкзак в охапку, вошел в подъезд и поднялся на третий этаж. Перед дверью квартиры Кузьмич неожиданно для самого себя перекрестился, чего никогда не делал, и позвонил в дверь. Сердце его колотилось от волнения, но дверь никто не открывал.

— Господи, неужто нет никого дома? — сказал вслух старик и, робея, позвонил еще раз.

Через пару минут за дверью послышалось движение и лязг открывающегося замка. Дверь распахнулась и перед стариком возникла его дочь, растрепанная и заспанная, с недовольным и вопросительным выражением лица. Увидев отца, Лена вздохнула громко, приподняла тонкие брови и чуть раскрыла от удивления рот:

— Вот сюрприз! Явился, не запылится! Случилось что-нибудь, что ли?

Она сделала попытку улыбнуться, и ее кривая улыбка изобразила что-то среднее между досадой и иронией.

— Да вот, решил навестить вас, а то помру и не увижу... — начал было старик, но дочь, махнув рукой, отрезала:

— Господи! Да ты всех нас переживешь! Помру... Ну, проходи, коли приехал!

Лена отступила на шаг, освобождая проход отцу. Почувствовав недовольство дочери, мгновенно погрузневший, Кузьмич вошел в квартиру и, сбросив рюкзак с плеча, снял обувь.

— Прходи на кухню, — сказала Лена, и сама пошла вперед.

Старик, оробевший, пошел за ней, неся в руках свой рюкзак.

— Лен, кто это приходил? — донесся мужской голос из комнаты.

— Да это отец приехал ни с того ни с сего!

И тихо добавила, но чтобы и старик тоже слышал:

— Принесла нелегкая!

В комнате послышалось шуршание одежды и вскоре на кухню вошел массивный, обрюзглый мужчина — зять Кузьмича Николай, одетый, как и Лена, в просторный домашний халат.

— О! Петр Кузьмич! Какими судьбами? Вот уж неожиданность так неожиданность!

— Да вот, решил проведать вас, а то, боюсь, помру и не увижу больше!» — виновато проговорил Кузьмич.

— Ну и правильно сделали, что приехали! Сколько лет уже не виделись, страшно подумать! Сейчас мы отметим это дело!

— Шаз-з! Отметим! Вчера наотмечались уже! Приехал и приехал, тоже мне, событие! — вспыхнула неожиданно зло и раздраженно Лена и ее глаза наполнились какой-то странной желчью.

Кузьмич тут же, нервничая и спеша, начал развязывать рюкзак.

— Я, вот, привез вам гостинцев деревенских, — начал он, но дочь его оборвала:

— Не нужно нам твоих гостинцев, что мы, нищие, что ли?

— Лен, ну что ты завелась-то с утра? — сказал Николай, искренне огорчаясь грубости супруги.

— Ничего не завелась! Зачем нам его гостинцы?

Кузьмич окончательно расстроился, сел на табуретку, опустил седую голову. Он понял, что зря ехал, зря надеялся на теплый прием, зря вёз сало и мёд, всё сделал зря!

— Ладно, выкладывай, что ты там привёз, сейчас чай пить будем, — смягчилась дочь.

Кузьмич развязал узел, достал большой кусок сала и увесистую банку меда. Лена поставила чайник и только тут старик увидел, что накануне у дочери была попойка: в раковине грудой были навалены невымытые тарелки, а в углу стояли пустые бутылки из-под водки и вина.

— Лен, у нас осталось что-нибудь? — спросил Николай, кося глазами на старика и подмигивая ему.

— Что осталось? Там в буфете есть самогонка.

Николай радостно рванулся в комнату и вскоре вернулся, держа в руке бутылку со светло-коричневой жидкостью.

— Петр Кузьмич, вы ничего не имеете против фирменного напитка? Ленка сама готовила! Мировая вещь! Мы вчера посидели неплохо, сегодня нужно поправиться! Вы не против?

— Нет, спасибо, Николай, мне еще Сашку хотелось бы навестить, а если выпью, то к нему не попаду, — ответил Кузьмич.

Сашка, сын Кузьмича, был самой большой болью его жизни. В детстве он был очень хорошим, ласковым и смышленным мальчиком, и родители радовались ему и втайне мечтали, что вырастет из него настоящий большой человек, которого будут уважать и любить, а Кузьмич представлял себе, что его Саша, Александр Петрович, станет непременно директором завода. Почему он так себе его представлял, Кузьмич не знал, но ему очень хотелось, чтобы Саша стал бы директором завода.

Мальчик рос, как и все дети, закончил школу, ушел в армию, отслужил, вернулся, погулял с месяц, пошел работать. А потом вдруг всё сломалось. Поехал он как-то в город с друзьями «отдохнуть», напились они там и в той проклятой пивной проломилы череп такому же, как и они сами, бедолаге. Как выяснилось потом, виноват в драке был сам пострадавший, хоть и остался он жив, а сидеть пришлось почему-то одному Сашке. И отсидел он мало, а жизнь была сломана. Так и покатился он по наклонной, сначала тихо, а потом всё быстрее и быстрее, всё ниже и ниже. Потом получил он второй срок и тоже по глупости несусветной, вышел, погулял с месяц и тут же пошел опять.

— Нашел тоже, кого навещать, не смей меня! — со злобой усмешкой заявила Лена.

— Что, совсем плох? — спросил старик.

— Плох? Это не так называется! Он опустился ниже некуда! И окончательно. Оттуда возврата нет. Считай, что умер. И комнату свою он продал и уже пропил. Болтается где-то, как это самое в проруби.

— А жена его что же? — допытывался Кузьмич.

— Жена... Эта пьянчуга давно уже померла! Жена...

— Приехал бы хоть в деревню, глядишь, все бы утряслось...

— Ну что ты говоришь? В деревне работать надо!

— А где же он живет?

— А кто его знает? Ночует где-нибудь по подвалам с такими же бомжами, как и сам.

— Ну так будете пить, Петр Кузьмич? Наливать вам? — приставал к старику Николай, потерявший терпение. Кузьмич посмотрел на зятя такими глазами, в них было столько грусти, что Николай тут же осёкся и налил только себе в рюмку самогонки.

— Ну ладно, как хотите, а мне лекарство нужно принять, — сказал он, выпил залпом, крикнул и тут же захрустел огурцом.

Кузьмич опустил голову и так и сидел, потерянный и придавленный тяжелыми мыслями о сыне. Он всегда боялся именно того, что и произошло с Александром и, хотя трудно было не верить дочери, но верить не хотелось: вдруг она говорит это от злости, а это всё не так?

— А другую банку мёда и сало Сашке, что ли, привез? — спросила Лена и, глянув злобно на отца, добавила:

— Ему только мёда не доставало! Ты бы ему лучше литр первача привез! Что ему этот мёд? Да и не найдешь ты его, он уж сдох, небось, под забором!

— Что с тобой, Лена, сделалось? Ты же была такая добрая девочка, душу грела, а теперь вдруг стала такой бессердечной! Как так вышло? — тихо, словно спрашивая самого себя, проговорил старик.

— Бессердечная! Как так вышло! Ты зачем приехал? Лекции мне читать? Сало привез! Забирай свое сало и езжай в свою деревню! Мы не нищие и не голодные, чтобы жратву нам возить!

— Лен, — вмешался Николай, наливая себе еще самогонки, — ну что ты злишься? Выпей лучше, закуси. Отец все-таки приехал.

— Тоже мне, гость! Толку от этого отца! Оборванец деревенский!

Кузьмич медленно встал, посмотрел на рюкзак, взял его, убедился, что шмат сала и банка мёда на месте и сказал тихо: — Пойду я.

— Куда вы пойдете, Петр Кузьмич! Посидите, поешьте, отдохните! — загремел Николай, но Кузьмич уже направлялся к двери.

В прихожей он натянул на ноги ботинки, открыл дверь и вышел на лестничную клетку. Помедлил немного и оглянулся. Лена стояла на пороге, и в ее глазах старик не заметил никакого доброго огонька, словно был он для нее совсем чужим и ненужным. Он знал, что больше не увидит ее, и добрая, шемящая, всепрощающая отцовская любовь нахлынула на сердце. Он кивнул ей головой, улыбнулся одними глазами и пошел прочь.

— Ты на вокзале его поищи, он там ошивается, — услышал старик вслед и еще услышал, как Лена громко захлопнула дверь.

Он вышел на улицу и тяжело, глядя под ноги, побрел назад на вокзал. Пока шел, представлял себе, как найдет на вокзале своего Сашу и как сможет убедить его поехать вместе с ним домой. Он обязательно вытащит его из беды! Не может быть, чтобы всё было так безнадежно! Ведь у него есть отец, дом, где можно жить, и всё еще наладится, всё еще можно поправить.

Подходя к вокзалу, он жадно начал высматривать сына. Людей было уже много, и старик невольно искал глазами пьяниц, которые, по его представлению, должны были кучковаться где-то в сторонке или жаться к кафешкам и закусочным, но нигде таких он не находил.

В кафе на вокзале за столиками сидели вполне приличные люди, женщины с детьми, какая-то старушка с большой сумкой, но нигде не видно было никаких бродяг.

Кузьмич вышел из здания вокзала и стал обходить при- вокзальные кафе. Они все были пусты.

Старик опять зашел в здание вокзала и, подойдя к рас- писанию поездов, узнал, когда пойдет его электричка. До нее оставалось еще три часа. Он вышел на улицу и от нечего делать стал бродить по убраным от снега дорожкам. Подо- шел к небольшому автовокзалу, расположенному тут же, стал смотреть на подъезжающие время от времени автобу- сы, на пассажиров, сбивающихся в плотные группки возле остановок.

Старик побрел на перрон, на котором стояла электричка с закрытыми дверями. Одинокий дворник лениво спихивал снег с перрона на свободную от электрички сторону. Кузь- мич постоял, посмотрел на его работу, потом повернулся и побрел прочь.

С час он сидел в узком кресле в зале ожидания, потом в кафе выпил, обжигаясь, из пластмассового стаканчика го- рячего чаю, затем опять вышел на улицу. И всё искал и искал глазами сына.

Чуть в стороне от вокзала стояли ларьки, в которых про- давались пирожки, беляши и прочие кулинарные изделия. Старик подошел к одному из ларьков, стал разглядывать его ассортимент, как вдруг услышал сзади тихий, вкрадчи- вый голос:

— Отец, не выручишь мелочью?

Кузьмич оглянулся. Перед ним стоял молодой еще чело- век, заросший густой щетиной в старой, лоснящейся от по- стоянного ношения и изрядно почерневшей, некогда синего цвета куртке. На голове у него была взлохмаченная грязная меховая шапка.

Кузьмич полез в карман, достал оттуда пару монет и, не глядя, отдал их молодому бродяге, который, поблагодарив, тут же пошел прочь от ларька. Кузьмич решил пойти за ним. Бродяга зашел за здание вокзала, а потом побрел вдоль него по перрону. Вскоре старик заметил вдалеке возле де- реьев, стоявших мужчину, одетого в черное пальто и спортивную шапку, и женщину в какой-то немыслимого вида меховой шубе и такой же меховой шапке. Бродяга шел к ним. Кузьмич стал жадно всматриваться в мужчину в пальто и вдруг узнал в нем своего сына. Да, это был он. Сердце старика заколотилось, и он, задыхаясь, почти по- бежал к нему и увидел, что и сын узнал его и сделал не- сколько шагов навстречу.

— Саша, здравствуй! Это я! — кричал издали слабым глухим голосом Кузьмич.

Александр смутился, виноватая улыбка изобразилась на его опухшем лице, он сделал еще шаг навстречу. Наконец, Кузьмич добрался до сына и произнес, улыбаясь:

— Здравствуй! Ну вот и я!

— Здравствуй, отец! Ну да, ты! Вот так вот. Ты приехал. Как ты живешь?

— Да я что, сынок? Я старик, моя жизнь какая? Ты как?

— Я нормально, я хорошо.

Кузьмич покачал головой, вглядываясь в помятое лицо сына, и слёзы вдруг неожиданно, нежеланно залили его вмиг покрасневшие глаза.

— Ну что ты, отец? Не плачь, у меня всё хорошо, весело.

Кузьмич, вдруг спохватившись, стянул с плеч рюкзак и достал оттуда шмат сала и банку мёда.

— Я тебе гостинцев привез, сало и мёд. Часть сестре твоей отдал, а часть тебе.

Александр подошел вплотную к старику, трясущимися красными руками взял сало и мёд, и Кузьмич почувствовал исходящий от сына резкий неприятный запах давно немытого тела.

— Вот спасибо, отец, вот спасибо. Извини, мне некуда тебя пригласить, я живу далеко отсюда... У меня есть просьба к тебе, не сможешь немного деньжатами?

Старик тут же полез во внутренний карман за кошельком.

— А сколько надо? Я много не взял с собой...

— Да немного, на бутылку, на две... поправиться.

Кузьмич достал кошелек, вытащил оттуда несколько бумажек и протянул их сыну.

— Эй, Толик, — окликнул Александр того самого молодого человека, — сбегай-ка к Тофику по-быстрому, принеси горячее, ко мне отец приехал, нужно отметить это дело.

Толик равнодушно взял деньги и с таким же равнодушным видом, ничего не сказав, подбрел назад на вокзал.

— Ты с сестрой-то видишься хоть изредка? — спросил Кузьмич сына, не отрывая от него беспокойных и покрасневшихся глаз.

Тот в ответ махнул рукой:

— Какая она мне сестра? Я как-то пришел к ней пару лет назад, она меня даже домой непустила, закрыла дверь и ругалась со мной через дверь, обматерила так, что я до сих пор икаю. Она со своим боровом живет припеваючи, деньги всё время на что-то копят. Она ведь работает продавцом на рынке, а он там же охранником. Куркули, одним словом, им только деньги нужны.

— Ну а ты-то сам-то что? Почему ко мне никогда не приедешь? На улице лучше, что ли, жить?

— Лучше.

— Чем же лучше?

— А я никому ничего не должен, я свободен, и мне весело.

— Хорошее ли это веселье, сын? Это же беда, а не веселье. Поехали домой, вот хоть прямо сейчас. Наша электричка скоро отходит. Поехали, а? Я баньку истоплю, петуха зарежем, щец приготовим в печке, бутылочка у меня есть, посидим, поговорим. Поживешь дома, отдохнешь, на могилку к матери сходишь, а там, глядишь, и останешься навовсе. Поехали, Саша!

Александр смотрел на отца и на его постаревшем, красном от мороза и скитаний лице сначала изобразилась грустная улыбка, а потом эта улыбка, изменяясь, перешла в насмешку то ли над словами отца, то ли над самим собой.

— Петуха зарежем, посидим, поговорим. Да я от тоски помру в твоей деревне. Что мне там делать? Гусей пасти?

— А здесь что ты делаешь, сынок?

— Это моя жизнь, отец. Я привык к ней, освоился и мне хорошо. Я вот эту женщину люблю, и она меня любит, и нам хорошо вместе!

И Александр привлек к себе и обнял немолодую уже, опухшую, некрасивую с какой-то странной разноцветной кожей на лице женщину. Она широко улыбнулась, и Кузьмич с отвращением заметил неровный ряд желто-черных зубов. Эта особа вдруг громко засмеялась и, глядя на Кузьмича пустыми маленькими глазками, тоже обняла Александра и прильнула к нему. Кузьмичу стало нестерпимо жалко своего сына, и тут же вдруг он ясно понял, что его родной, любимый сын безнадежно пропал, что дороги назад нет, что жизнь его сгорела, что сейчас он и не живет вовсе, а просто ходит по земле, что-то ест, что-то пьет, о чем-то думает, даже, наверное, испытывает какие-то чувства к этой опустившейся и такой же, в сущности, мертвой, как и он сам, женщине.

Вскоре пришел молодой бродяга с двумя бутылками водки и с засаленным бумажным пакетом с беляшами.

— Ну вот, — обрадовался Александр, — у нас сегодня праздник!

— Свадьба! — громко засмеялась женщина. Толик молча открыл бутылку и протянул ее Александру. Тот, подмигнув весело отцу, сделал несколько глотков прямо из горла бутылки, взял грязными руками масляный беляш и откусил от него большой кусок. Масло потекло по его небритому подбородку.

— Будешь пить, отец? — спросил он Кузьмича.

Старик отказался и, не сводя глаз с сына, заметил, как тот буквально за пару минут сильно опьянел. Его подруга и Толик, приложившись к бутылке, тоже вскоре опьянели.

Александр обнял свою хмельную подругу и взглянул мутными блуждающими глазами на Кузьмича. На его лице застыло удивление.

— Дед, а дед, ты кто такой? Тебе что нужно? В ментовку нас хочешь сдать, да? Ты знаешь, кто я такой? У меня отец полковник!

— Дурак! Это же твой отец! — проговорила его пьяная подруга, указывая грязным пальцем на Кузьмича.

— Какой еще отец? Кто? Он? У меня отец полковник! А ты, дед, иди отсюда... Топай, топай!

Кузьмич, опустив голову, повернулся и, ничего не сказав, пошел прочь. Через пару десятков метров он оглянулся и увидел, как пьяная компания, снявшись с места, удаляется. Он услышал обрывок громкого разговора:

— А что это за старик был? Кто это? — спрашивал, шатаясь, Александр.

— А я откуда знаю! — отвечала женщина.

— А что ему надо было?

— Не знаю!

— Ну и хрен с ним!

Кузьмич увидел, как сало в тряпочке выпадает из рук Александра, а потом он роняет и банку с медом, и всё это так и остается лежать на дорожке.

Старик повернулся и пошел дальше, и вскоре обернулся снова. Он увидел, как трое совершенно пьяных людей медленными нетвердыми шагами удаляются по заснеженной тропинке, а потом исчезают из вида, завернув за угол какого-то хозяйственного строения.

Старик словно оглох и ослеп после встречи с сыном. Он не понимал и не соображал, как сел в электричку, не слышал, как тронулся поезд и не думал о том, куда он едет. Мимо его сиденья туда и обратно проходили какие-то люди, шумная, беспечная молодежь, громко смеясь, пробежала по вагону, строгая женщина-контролер подошла к Кузьмичу, он ее не видел. Она постояла возле него, подождала, что-то спросила, а потом махнула рукой и пошла дальше.

Поезд проезжал мимо знакомых Кузьмичу станций, деревень, но он ничего не видел. Он машинально вышел на своей станции, зачем-то дождался, пока электричка скроется за поворотом, а потом медленно побрел в сторону деревни.

Уже начинал гаснуть зимний день, медленно, легким туманом сумерек накрывало лес вдаль. Кузьмич брел по тропинке, которую еле-еле запылило пушистым снежком. Прямо посередине широкого поля стояла чудесно красивая одинокая молодая сосна. Игривым ветром несколько лет назад занесло на поле сосновую семечку, и из него выросло это зеленое, густое, веселое чудо. Старик очень любил эту сосну и всегда здоровался с ней, махая ей рукой, когда проходил мимо. Вот и сейчас он остановился и стал невольно любоваться ею. Он ни о чём не думал, а просто смотрел на прекрасное дерево и улыбался. Что-то было спокойное, настоящее, истинное и радостное в этой вечнозеленой сосенке.

— А Бог все-таки есть! — сказал вдруг Кузьмич вслух и сам удивился своему голосу, словно и не он вовсе сказал это.

Он сошел с тропинки и побрел по неглубокому снегу к сосне. Дойдя до нее, он прикоснулся к ее слегка запыленной снегом зеленым иголкам и стал усердно утаптывать снег возле сосны.

— Вот так, вот так, — приговаривал он, — вот теперь порядок, теперь хорошо.

Потом он снял с себя пальто и разложил его на утоптанной площадке.

— Вот как хорошо, теперь порядок, теперь всё хорошо! Ах, какая же ты красивая, славная, моя милая! Есть Бог, есть! Раз такая красота есть на свете! Как же мне будет хорошо с тобой!

Кузьмич снял шапку, положил ее, будто в изголовье, лег на пальто. Подобрал под себя ноги и подложив руку под голову, закрыл глаза.

— Ну вот, теперь можно и отдохнуть.

С неба полетел легкий снежок, и Кузьмичу очень скоро стало холодно, но старик терпел.

— А Бог все-таки есть! — произнёс он тихо и, улыбнувшись, почувствовал, как тепло медленно разливается по его телу...

Какой-то тонкий, смутный сон проплывал перед его глазами, словно двигался он, широко раскинув руки, к звездам. Они поблескивали на черном бездонном небе, а он летел и летел к ним и знал точно, что обязательно до них доберется...

СЕРГЕЙ ФЕДОТОВ

Недалеко от станции Ночка находится деревня Коржевка, в которой сохранился древний каменный храм, чем-то похожий своей каменной мощью на сказочных богатырей. Удивительным было не то, что могучие камни этого храма

пережили так много ураганных веков русской истории, а то, что он все эти века был действующим. И в кровавом двадцатом веке то ли забыли о нем комиссары, то ли другие дела и заботы отвлекли их от храма и священников его, но только не прекращалась тихая певучая молитва в его стенах, просящая милости и сохранности для России и народа ее, в мятущемся, неуспокоенном, спешащем за мелькающими обманами мире.

В один из холодных и сырых дней поздней осени зашел в этот храм пожилой человек очень плохо одетый, по виду бродяга. Зашел и присел на скамеечку в темном уголке и сидел, разглядывая печальными выцветшими глазами суровые лики святых на старых досках икон. Сидел он долго и, не тревожимый никем, притаившись в уголке, думал свою тихую думку.

Отец Владимир, молодой еще священник, настоятель храма, присланный сюда из большого города, заметил бродягу, но не сразу подошел к нему, что-то делал в алтаре, выходил, проходил мимо незнакомца, а тот сидел так долго, что батюшка все же обратился к нему:

— Здравствуйте, вы что-то хотите?

— Здравствуйте, батюшка. Вот пришел... Хочу поговорить с вами, — ответил тот, смущаясь.

Священник, видя, что за человек перед ним, деликатно предложил:

— Сейчас у нас будет трапеза, приходите в домик возле церкви, там и поговорим.

— Спасибо, батюшка, — сказал бродяга и неловко поклонился священнику.

Он был явно тронут приглашением и на лице его застыла благодарная улыбка человека, отвыкшего от доброго человеческого обращения. Долго говорил священник с незнакомцем, и после этой беседы остался жить пришлый бродяга при древнем храме.

Тогда же довелось мне познакомиться с ним, и хоть прошло уже много лет с тех пор, забыть этого человека я не могу. Было в Сергее, так его звали, что-то такое настоящее, цельное и неподдельно доброе, что влекло к нему людей. И еще одно качество поражало в нем — его необыкновенные, золотые руки, способные на любое дело.

Однажды, зимой, когда я приехал в Коржевку, я встретил Сергея, который вдруг попросил меня купить ему бутылку водки. Меня эта просьба смутила, но я выполнил ее и когда тайком, чтобы никто не видел, передавал ему эту бутылку, он сказал:

— Да не бойся, у меня сегодня день рождения, пойдем ко мне, посидим, выпьем, поговорим.

Священник выделил ему для проживания малюсенькую деревянную бытовку, в которой прежде хранили рабочий инвентарь. Сергей прибрался в ней, соорудил из досок лежанку, поставил старую печь-буржуйку, и нежидкая серая бытовка ожила, согретая человеком. В этой уютной бытовке мы и сели за нехитрый стол. И долго уже сидели, говоря обо всём на свете, как Сергей вдруг спросил:

— Что же ты не интересуешься, кто я и откуда, и как сюда попал?

— Зачем? — отвечал я, — если ты ничего не говоришь, значит, не хочешь.

Сергей покачал головой, помолчал и начал вдруг рассказывать мне о своей жизни.

— Я родился в большом городе, где большие дома, магазины и театры. Были у меня мать и отец и был я самым обычным человеком. Учился в школе, служил в армии, после армии женился, родился у меня ребенок. Словом, жил как все, не хуже и не лучше, обычной рядовой жизнью, в обычной семье. А потом жизнь моя в одно мгновение прекратилась.

Мне было двадцать пять лет. Рано утром я, как обычно, поехал на работу. Вышел на своей остановке и пошел на завод. От остановки до проходной было метров пятьсот, но мне нужно было забежать в ларек, чтобы купить сигарет. Ларек находился возле продуктового магазина, в который что-то привезли в то утро. Прямо у входа в магазин стояла большая фура и пара грузчиков восточного вида что-то разгружала. Я купил сигарет и собрался уже идти на работу, как вдруг меня окликнули — кажется, водитель этой фуры. Он попросил меня помочь загрузить в нее какой-то ящик. Я согласился, времени было до начала работы предостаточно, а водитель как-то странно на меня посмотрел, потом подошел ко мне и потрогал за руки, будто проверял, крепкие ли у меня мышцы и сказал: «О, сильный мужик! Хорошо!» Я залез в фуру и стал принимать на себя ящик. Со мной в машине был еще парень с бородой, молодой и неразговорчивый. Мы загрузили ящик, и я уже собрался вылезать, как вдруг меня сзади сильно ударили по голове. Я тут же потерял сознание. Очнулся я в крошечной темноте и сразу не мог сообразить, где я и что происходит. Руки и ноги у меня оказались крепко связаны, в рот был забит кляп. Вскоре я понял, что нахожусь в фуре, лежу на полу у стенки, а с другой стороны завален какими-то коробками. Фура то ехала, то останавливалась, а я изо всех сил пытался прислушиваться, но ничего у меня не получалось.

Машина ехала очень долго, мне казалось, что несколько дней, но за это время меня никто ни разу не потревожил. Пару

раз машина останавливалась на много часов, вероятно, на ночлег. Голодный, измученный жаждой, в полном неведении о происходящем, я был в отчаянном положении и никак не мог справиться с духом. Терзаемый неизвестностью и нелепостью произошедшего, я засыпал, просыпался, плакал от отчаяния, но сделать ничего не мог. Мне казалось, что это жуткое путешествие никогда не закончится, что беда, случившаяся со мной, — это сон, безумие! Но, наконец, машина остановилась, долго стояла, и вдруг лязгнув затвор и открылась дверь. За многие дни я увидел свет и услышал человеческие голоса. Язык, на котором говорили, был чужой и восточный. Началось какое-то движение, и я понял, что фуру принялись разгружать. Наконец, вытащили из нее и коробки, за которыми лежал я. Внутри заскочил совсем молодой парень, подошел ко мне, громко засмеялся и с необъяснимой ненавистью и злобой начал меня избивать, а потом схватил за волосы и потащил за собой к выходу. У меня были связаны ноги и руки, и он тащил меня, изрыгая какие-то ругательства. Наконец этот парень достал нож и разрезал веревки на моих ногах и руках. Я поднялся, и он изо всех сил опять ударил меня по лицу, потом в живот, а потом выпихнул меня из фуры, я упал и больно ударился головой. Тут меня кто-то рывком поднял на ноги за шиворот и пихнул в открытую дверь рядом стоящего микроавтобуса, который тут же тронулся с места.

Меня привезли в какой-то аул в горах. Водитель, открыв дверь, сказал мне:

— Выходи, мужик.

Я вылез из машины и оказался перед высоким кирпичным забором, за которым возвышался кирпичный добротный дом. Скоро ворота забора открылись, и из них вышел человек средних лет и, не взглянув на меня, что-то сказал водителю, который тут же уехал. Только тогда этот мужчина посмотрел на меня и произнес:

— Иди за мной, теперь я буду твоим хозяином.

Я поковылял за ним, в ту страшную минуту ясно поняв, какая беда со мной случилась, и беда эта называлась рабством. Человек этот отвел меня в каменный сарай, который был хлевом для животных, и перед тем, как закрыть за мной дверь, сказал:

— Вода и еда в углу, сам найдешь.

Когда я остался один, я быстро нашел и воду, и еду и набросился на то и другое. И, поев, я сел на солому и зарыдал. Никогда не думал я, что моя жизнь может вот так резко измениться в такую бесприсветно страшную сторону.

Так началась моя новая жизнь. У моего хозяина, Хамзата, как я вскоре узнал, было кроме меня еще шесть человек рабов из самых разных мест России. Каждый из них попал сюда нелепо и почти вот так же, как я, с наибольшими вариациями. И все они грезили одним — побегом. А я, как только понял, что со мной произошло, сразу же для себя решил, что обязательно сбегу. Эта решимость спасла мне жизнь.

Потекли дни, похожие на навязчивый кошмарный сон. Нет, меня не били, разве только изредка забавлялись, смеясь надо мной, сыновья Хамзата. Жуткими были ночи и ночные думы. Эти думы терзали меня, и мне иногда казалось, что я сошел с ума, что я уже умер, а тело продолжает свое странное существование, помимо моей воли и сознания. И не было никакого утешения, никакого света в душе, словно попал я в подземелье, из которого нет выхода. Прикованный цепями к стене, я стонал от отчаяния, и однажды неожиданно сама собой на меня нахлынула молитва. Это пришло как откровение, как чудо. Я молился простыми, обычными словами, и эта ночная сердечная молитва стала не просто утешением для меня, она стала смыслом жизни. Я ждал ночи, чтобы помолиться и утешиться сердцем. Я просил Бога о милости, о свободе, о моих близких, чтобы Он, милосердный, поддержал их и успокоил. И, молясь, я начал укрепляться духом, я чувствовал, как я возрастаю, как я становлюсь сильным. Если бы не эта молитва, не вера, которая пришла ко мне, я бы и сейчас еще спал бы с овцами в сарае и делал бы самую тяжелую и грязную работу для жадных и ничтожных людей.

Прошел год, и один из рабов сбежал. И сбежал он как-то неумно, непродуманно. За ним сразу же погнались: я видел, как несколько человек, прихватив ружья, пустились в погоню. И очень скоро вернулись назад. «Не догнали, наверно?» — спросил я у моего напарника, который был родом с Дальнего Востока. Он ответил раздраженно, что догнали и убили. «А почему ты так думаешь?» — спросил я, и он ответил, что они быстро догоняют и пристреливают беглеца, никогда не возвращая его назад.

Хозяин наш был дьявольски хитер и бессердечен, он знал, что нужно делать с нами, поэтому мы жили в полной изоляции. Он хотел, чтобы мы превратились в домашних животных, безответных и безгласных, без воли и желаний. Но со мной он просчитался.

Я прожил в рабстве семь лет, и за эти годы не было ни одного дня, ни одного часа, чтобы я не думал о побеге. Если бы представился хоть один случай бежать в течение этих лет, я бы обязательно этим воспользовался. Но случая всё не было

и не было, и я притаился. Мои товарищи все сбегали и всех убивали. Я думал, почему? И понял их ошибку. Они бежали вниз, с гор, рассчитывая найти дорогу и по ней добраться до какого-нибудь города, и их быстро настигали. Я же твердо решил, что как только придет мой час, побегу вверх, в горы.

И час этот настал. За годы жизни в ауле ко мне привыкли и даже на ночь уже не приковывали к стене. Ко мне часто обращались, когда нужно было сделать что-нибудь сложное, починить машину или телевизор, поэтому меня ценили. Сыновья Хамзата выросли и учились в Москве в престижных вузах. Старик хвастался передо мной их успехами, а я никак не мог порадоваться этому и не скрывал своего равнодушия. Он сказал мне как-то:

— Не любишь ты нас. Я бы тебя отпустил, ты хороший человек, но кто мне починит электричество или телевизор? Кто машину починит? Ну скажи, разве ты плохо у меня живешь? Разве я обижаю тебя?

Что я мог ему ответить? Меня только удивило, как мог он не понимать того, что он сделал для меня и моих родных?

Наконец, старший сын его должен был жениться на какой-то дальней родственнице. Хамзат готовился к свадьбе. Он сам уже порядком постарел и смягчился, просил меня помочь в приготовлениях. Я охотно ему помогал, почувствовав, что время мое пришло.

Свадьбу отгрохали роскошную. Гуляли, шумели, стреляли, танцевали... А я сидел в сарае, слышал свадебный шум и молился, просил Бога, чтобы он помог мне бежать. Я знал, что пару дней меня не хватятся, забудут на радостях обо мне. Я положил в сумку хлеб, немного копченого мяса, соль, спички, воду и как только все потихоньку угомонились, бежал из аула. Собаки все наперечет меня знали и любили, и ни одна не забрехала. Все тропинки, ведущие к дороге, мне были известны, но я пошел в другую сторону, в горы, в лес, туда, куда за мной не пойдут никогда, и я не ошибся.

За всё время пути погони не было. Бродил я долго, несколько дней. Была весна, солнце грело, и я наслаждался свободой, думал, что если даже меня настигнут и убьют, то хоть эти несколько дней будут моими! Наконец мне удалось спуститься с гор и набрести на железную дорогу. Я стал ждать поезда, и когда какой-то убогий товарняк проезжал на небольшой скорости, мне удалось запрыгнуть в него, и я ехал, ехал, ехал, радуясь, что еду, и радуясь, что долго.

Два месяца я добирался до родного города, как зверь, боясь людей, и когда, наконец, добрался, сразу же прибил к бомжам, то есть к таким же, как и я. Бомжи — люди тёртые,

меня приняли, но их жестокий и перевернутый мир был не для меня. Мне было-то всего тридцать два года, а выглядел я как старик. Эти бомжи меня и считали стариком, скажи я им, сколько мне лет, они бы не поверили.

Когда я узнал, сколько лет Сергею, я вздрогнул. Он был моложе меня!

— У меня не было документов, — продолжал Сергей, — не было денег, никого и ничего у меня не было. Я не знал, как я буду жить, не понимал, что мне делать. Я думал о том, как мне появиться дома? Я мечтал об этом все годы своего рабства, но когда настало время сделать этот шаг, я растерялся. Я не представлял себе, что скажу им, моим дорогим и родным людям, которые уже отчаялись меня увидеть и, наверное, уже похоронили. Да и живы ли они? А жена? Она могла выйти замуж. А сын мой был еще очень маленьким, когда меня схватили. Какой он сейчас? Может, вообще не нужно беспокоить их? Я колебался, но желание прийти домой было сильнее сомнений.

Приведя себя хоть в какой-то человеческий вид, я приковылял к своему дому, сел на скамеечку во дворе и почувствовал, что у меня не хватает духа войти в подъезд. Тут ко мне подсел на скамейку мужчина. Я его сразу узнал, это был наш сосед Слава. Он только постарел немного. Я спросил его:

— Вы не скажете, жилали еще Марья Филипповна из пятидесяти восьмой квартиры?

Он посмотрел на меня удивленно и ответил:

— Она умерла года четыре назад, если не больше.

— А ее муж?

— Он умер еще раньше. А вы кем-то им приходитесь?

Он опять посмотрел на меня, прищурился и уже не отводил глаз от моего лица, словно что-то вспоминал, а у меня сердце защемило от его слов.

— А где они похоронены?

— На Никольском кладбище. Я помогал хоронить их и на кладбище ездил, и иногда прихожу к их могилкам, там у меня недалеко мать похоронена.

«Значит, тетя Люся тоже умерла», — подумал я.

— Мы с вами случайно нигде не встречались? — спросил Слава.

— Да нет, не встречались. А ведь у них сын был, сноха, внук. Что с ними стало, не знаете?

— Сын их пропал очень давно. Они по моргам ездили, в розыск подавали, Сергеич держался, а потом слег и умер, сердце его не выдержало. А Марья Филипповна, бедная, не на долго его пережила. Сноха замуж вышла, уехала куда-то да-

леко, кажется, даже за границу, не знаю точно. Квартиру эту продала, сейчас там другие люди живут. А я вас, все же, по-моему, где-то видел, у меня память на лица цепкая.

Как я удержал рыдания, не знаю, а сосед всё смотрел и смотрел на меня.

— Да нет, мы не могли встречаться, — ответил я, встал и пошел.

Я прошел уже много, как вдруг услышал крик за спиной:
— Серега, ты?!

Я обернулся и увидел, как Слава бежит ко мне. Я остановился, он подбежал ко мне, и сказал:

— Серега! Ведь это ты! Я узнал тебя!

Я махнул рукой, повернулся и пошел дальше, а когда через пару десятков метров оглянулся назад, Слава всё еще стоял и смотрел мне в след. Больше он меня не окликнул.

А я поехал на Никольское кладбище, и там долго искал родные могилки, и нашел их. На одном на двоих скромном памятнике были две фотографии — матери и отца. Я вошел в оградку и рухнул на их холмики. Я никогда так не рыдал, даже когда жил в том проклятом ауле в овечьем сарае. И сколько я рыдал — не помню, наверное, пока слезы не закончились. Помню, как вышел из кладбища и забрел в храм при нём. Вид у меня, наверное, был такой, что ко мне подошел священник, добрый старичок и что-то стал говорить мне, но я не слышал его, что-то отвечал ему, но что, не помню. Он отвел меня в домик, где хлопотала какая-то женщина в платке, и посадил за стол. Та женщина поставила передо мной еду, и батюшка велел мне поесть, а потом сказал, что в деревне Коржевка есть храм, в котором служит отец Владимир. К нему он и посоветовал мне поехать и даже денег дал на дорогу. И вот я теперь здесь и, надеюсь, здесь и останусь навсегда, а там, как Бог даст.

Мы долго еще сидели с Сергеем, а потом я уехал и думал, и думал о нем, и никак не мог успокоиться.

Я приехал в Коржевку через год и сразу же поспешил в храм. Еще издали я увидел людей, выходящих с сельского кладбища. Когда я подошел к храму, то встретил знакомого человека.

— Кого схоронили? — спросил я.

— Сергея Федотова, — был ответ.

Я остолбенел.

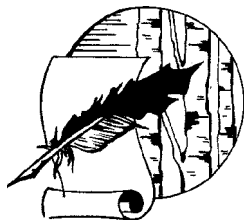
— Что же с ним случилось?

— Вот идет отец Владимир, спроси его.

Я поздоровался со священником и спросил у него, что произошло с Сергеем. Батюшка обрадовался мне и отвечал:

— Знаете, умер он как-то необычно, но что я знаю точно, что Господь прибрал его к себе. Познал он в жизни главное, что не всякому дается. Недавно я сказал ему, что нужно исповедоваться и причаститься, раз он твердо решил жить и трудиться при храме. Он честно готовился, а потом исповедовался и причастился. Эту исповедь я не забуду никогда, а Сергей после причастия стал необыкновенно спокойным и словно засветился изнутри. Три дня он не выходил из своего домика, а потом пришел ко мне, мы с ним поговорили, посидели у храма, он был радостным, умиротворенным, пошел к себе, а на следующее утро его позвали завтракать, но он не ответил. Открыли дверь, а он мертвый. Врачи сказали, что умер он оттого, что сердце его устало. Так и сказали.

с. Егорьево Калужской обл.

СТИХИ
МУРМАНСКИХ ПОЭТОВ

Николай ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1957 году в Читинской области. Окончил Красноярское речное училище. На Кольском Севере с 1988 года. Работает на ФГУП «Атомфлот». Автор нескольких поэтических книг.

* * *

Казалось, гнев обиженной природы
Обрушился на город и залив.
Штурмующий на рейде пароходы
Холодный ветер — резок и криклив.

В высотные дома он бился гулко
И, обессилив, по стене стекал,
И в лабиринте тесных переулков,
Изверившись, кого-то всё искал.

И вдруг — завыл! И прочь — в седую выюгу!
И вихрь — столбом над снежной пеленой!
И понеслись с косматою подругой
Покуролесить вместе под луной...

* * *

С крестом, но без колоколов
Стоит убогая церквушка
Среди березовых лесов,
Как одинокая старушка.

От святотатства стонет жизнь,
Рассвета, кажется, не будет.

Но молвит ей Господь: «Держись,
Опомнятся когда-то люди.

На ветхое твое крыльцо
Придут от срамоты и оргий
И дверь потянут за кольцо,
И лик Христа увидят строгий.

И молча, ты их всех простишь,
Вновь примешь в стенах обветшалых,
И светом правды напоишь,
Раскаившихся и усталых».

* * *

Четвёртый день в деревне — и ни строчки...
Четвёртый день унылые дожди.
И с крыш вода струится звонко в бочки.
А в воздухе предчувствие беды.

Погасла лампа, зажигаю свечку.
В избе лишь стол да грубая скамья.
Огонь веселье затевает в печке —
Когда-то согревалась здесь семья...

Седая глушь, мордовские старушки
В галошах и затейливых платках
Несут водицу в серые избушки —
Всё так похоже в дальних уголках.

Там средний возраст — далеко за сорок.
Жилых домов чуть больше десяти.
Деревня — это маленький осколок
Большого зеркала расколотой Руси.

Гори свеча. Гори огонь в печурке.
В пустом домишке создавай уют.
В нём петь бы колыбельные дочурке,
Но их давно в деревне не поют...

* * *

Мне дороги мои дороги.
Шагал я полем и селом.
Встречали веси и пороги
Меня радушьем и теплом.

Когда с концертной бригадой
Я колесил из края в край,
Я знал, что людям это надо,
И не беда, что клуб — сарай.

И в сельском клубе вечерами
Чуть тлела лампочки спираль.
Пред бабами и мужиками
Рыдал расстроенный рояль.

Метель за окнами плясала,
Зал слушал мой речитатив,
А ты за спинами стояла,
И взгляд твой был красноречив.

И в опустевшем клубе ночью
Мы пили сладкое вино.
Афишу, порванную в клочья,
Метель швыряла нам в окно.

Дмитрий КОРЖОВ

Родился в 1971 году в Перми. Окончил истфак МГПИ и Литературный институт имени А.М. Горького. Составитель сборника фронтовой лирики «Была война...» и Антологии поэзии Кольского края «Отсюда начинается Россия». Автор нескольких книг поэзии и прозы.

* * *

Ты говорила о погоде,
О холоде и о тепле...
О том, что осень на исходе,
Что листья тянутся к земле...

И осень, словно чья-то милость,
И светлый праздник Покрова —
Они, должно быть, мне приснились,
Как те, случайные слова.

Обыкновенные, простые:
«Дорога», «облако», «река», —
Оглянешься — и след простынет,
Очнешься — и пуста рука.

И смысл их был совсем неважен...
Всё пристальнее и теплей

Всю ночь смотрели в окна наши
Глаза больные фонарей.

Слова как воздух. Он бесплотен —
Прозрачный, чистый в октябре.
Ты говорила о погоде,
О холоде и о тепле...

* * *

Какие, по сути, простые слова:
Всё наше останется с нами —
И друга тепло, и снегов синева,
И небо над головами.

Как долго мы шли от беды до беды,
Как долго же мы отступали
Пред натиском новой, заморской Орды,
Пред тьмою из денег и стали.

Не был, а какие-то страшные сны:
Подобно шагреновой коже,
Сужалось пространство родимой страны —
Всё уже. И уже. И уже.

Мы, кажется, стали уже забывать,
Привыкшие к поражениям,
Великой России державную статью,
Имперской музы́ки круженье.

Я верю, что Крым — это наш Сталинград.
Тот путь, что был следом, нам ведом:
Окопное мужество русских солдат.
И май. И Берлин. И — Победа.

Не взяли чужого — вернули своё —
Утрись, дорогая Европа.
Крым — дома, окончилось забытьё,
Вернулся к себе Севастополь.

Как будто бы мы победили в войну —
Впредь наше у нас не отымут —
И русские флаги в небес ширину,
И русское солнце над Крымом.

* * *

Вот она придёт из школы:
Туфли, курточка, берет,
Птичий щебет бестолковый...
Ей всего семнадцать лет.

Я — всего лишь репетитор.
Литератор. Педагог.
Ей мешает этот свитер!
Жарко же, помилуй Бог!

Да и мне ведь жарко, жарко —
От неё. И без неё.
И до смерти жалко, жалко,
Что она сейчас уйдёт.

Я твержу слова пустые —
Что учить, что не учить,
Что про точки-запятыя
Нужно дома повторить.

Внемлет, глазками моргает,
Смотрит с грустью и тоской,
И подажливо кивает
Непослушной головой.

Соберёт свои тетрадки
И промолвит мне в ответ:
«Заниматься с Вами сладко.
Расставаться — хуже нет...»

ЧЁРНАЯ ТРУБКА

Не скоро, но все же состарюсь:
Деньжонок поднакоплю,
Поэзию с прозой оставлю
И домик у моря куплю.

Там буду светло и безбедно
Свой нищенский век доживать,
О прошлом толкуя победно,
Устало и сладко зевать.

Большим стану, толстым, как груша,
Начну стариковски хандрить,
По праздникам водочку кушать
И черную трубку курить...

А всё, чего сердце желало,
Что душу и грело, и жгло,
Сгорит, словно и не бывало —
Без имени, властно и зло.

И всё, что там было в начале,
Исчезнет, как тот пароход,
Что только что был на причале,
А вон — уже в небе плывёт...

Елена ЛЕОНОВА

Родилась в 1969 году в Ленинградской области. Окончила историко-филологический факультет Мурманского государственного педагогического университета. Живет в Гаджиеве. Автор нескольких книг стихов и прозы.

ТЕРСКИЙ БЕРЕГ

Где-то, набрав обороты,
Бурлит двадцать первый век.
Машины. Квартиры. Заботы.
И дел нескончаемый бег.

А здесь — тишина. Здесь время,
Как речка, плавно течёт.
И море Белое дремлет,
Готовясь принять ледоход.

То оттепель, то поземка...
Забудьте о каблуках —
На танцы спешит девчонка
В резиновых сапогах.

Клуб деревенский не крашен,
И валится ветхий забор.
У пса, что на цепь посажен,
Во взгляде немой укор.

Но как запоют лебедушки,
Да заведут хоровод —
И бабушки, и молодухи —
Из сердца печаль уйдёт!

Пусть радость здесь гостя не частая.
Но знаю — к святым дойдёт
Молитва мальчишки вихрастого,
Что с мамкой к обедне придёт.

И льётся церковное пение.
Плывут не спеша облака.
Над куполами Успения
Свиваются годы в века.

А где-то, набрав обороты,
Бурлит двадцать первый век.
Машины. Квартиры. Заботы.
И дел нескончаемый бег.

* * *

Растеклись акварельные краски
По ладошкам и бусам рябин.
Осень. Время рассказывать сказки
И растапливать старый камин.

Утопая в диванных подушках
Наконец, толстый шарф довязать...
Будет ветер в кленовое ушко
Что-то грустное тихо шептать.

Тусклой рябью фонарного света
Растворяется в лужах луна.
Стало вдруг бесшабашное лето
Отголоском забытого сна.

Олег МАСЛОВ

Родился в 1966 году в Мурманске. Сын писателя В.С. Маслова. Окончил Ленинградское мореходное училище им. Макарова. Главный инженер Мурманского морского пароходства. Живет в Мурманске.

* * *

Нет, не всё, не всё ещё пропало
У излучин медленной реки!
И сидят, и крестятся устало
На речном угоре старики.

Вспоминают дальние походы,
И всплывают в памяти со дна
Карбаса, подлодки, пароходы —
И друзей ушедших имена.

Кто без вести числится пропавшим,
Кто-то в петлю сунулся с тоски...
Кто спасенья ищет — тот обрящет,
И молчат в раздумье старики.

У реки перед зарёю алой
Мысли их неспешны и легки.
И сидят, и крестятся устало
Над речной водою старики.

ТИХАЯ ЛЮБОВЬ

Не оставляй меня на день!
Не оставляй меня на час!
Я — только призрачная тень,
Она твоих не слепит глаз.

Я буду тёплым ветерком
Шептать тихонько — ни о чём,
И от отчаянья потом
Журчат по камушкам ручьём.

Я гороскоп читаю свой
По двум зеленым звездам глаз —
В них я, непонятый тобой,
В них дочь, похожая на нас.

И будет день — и будет час!
Тебе отдам и жизнь, и кровь.
Но что поделать, коль у нас
Такая тихая любовь.

* * *

Оглянись на пожары — все ближе они и коварней.
Посмотри — впереди обагрился зарёю Восток.
Мы с тобою, мой друг, не такие пропащие парни!
Мы — не псы, чтоб служить, отзываясь на каждый свисток.

Мы с тобою учили совсем неплохие уроки!
Мы мечтали с тобой, мы умели стоять за себя!
Мы с тобою любили, но знали, что кончены сроки —
Смертный бой впереди. В нём нельзя победить, не любя.

Надежда НОВОСЕЛОВА

Родилась в 1954 году в Петрозаводске. Окончила филологический факультет Петрозаводского государственного университета. Работает в одной из мурманских гимназий учителем-словесником. Автор нескольких поэтических книг.

ЛЕТО В ЗАПОЛЯРЬЕ

Что в Заполярье лето значит?
Весь город в серой пелене.
Дожди, дожди — природа плачет,
И вместе с нею грустно мне.

По морю-луже, речке-луже
Переправляюсь вброд и вплавь.
Эй, солнце, где ты? Выйди, ну же,
Меня от сырости избавь.

Ну что ты прячешься за тучей?
Ты быть должно не там, а здесь.
Ты вспомни, солнце, друг мой лучший,
Что я на свете тоже есть.

* * *

В поэзию — священнойшую реку,
Войти иль не войти — решаешь сам.
Гуляю по Серебряному веку,
По старым петербургским адресам.

По тем святым местам, где всё кипело,
Бурлило, словно в чайнике вода,
Где всё любило, мучилось и пело,
А позже уходило... в никуда.

Нет, нет, не так! Не в никуда, а в вечность!
Поэт — времён связующая нить.
Жизнь — краткий миг, мгновенья быстротечность,
Но Слово невозможно погубить.

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ

Родился в 1946 году в г. Кирове. Выпускник Литературного института им. Горького. Работал шофером, корреспондентом, ученым секретарем Мурманского отдела Географического общества СССР. Книги: «Нечетные числа» (М., 1975), «День-ночь» (1978), «Любо-дорого» (1985), «Сорок стихотворений» (2002), «Далёко — близко ли» (2004).

ЯГОДЫ

Это тундры раскрытая книга,
прочитаешь — и сердцу теплей.
Голубеет на ней голубика
И чернеет черника на ней.

Мы — на ягодах.
Что значит — зреет?
Малышок мой пока не поймёт.
Он читать-то ещё не умеет,
он измазал черникою рот.

Но бросает в корзинку мне: на вот,
пусть там будет и горстка моя.
Начинается жизнь его с ягод,
с замечательной буковки «Я».

МАЛЫЕ КОРЕЛЫ

В. Беднову

Вы меня в морозный день согрели
доброю крестьянскою душой,
северные Малые Корелы,
Малые — но с памятью большой.

Словно нарисованные углем
на широком снежном полотне,

мельницы-игрушки, церкви-куклы
повернулись личиком ко мне.

В этом мире деревянных кружев
было много разных добрых дел.
Ах, Архангельск! Сам себя разрушив,
погорельцев с вотчины пригрел.

Малые Корелы! По спирали,
покружив тропинками, прошли
ту Россию, что мы потеряли,
ту Россию, что мы сберегли...

Марина ЧИСТОНОГОВА (Доценко)

Родилась и живет в Мурманске. Окончила филфак Мурманского пединститута. Служила на Северном флоте. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России.

* * *

Моя граница — окнами на полюс,
На штормовой тяжёлый небосвод.
Великая эпическая воля
Выковывала северный народ.

Настойчивый, безудержный и смелый,
Непобедимым витязям под стать,
В любви к Отчизне искренний и зрелый,
Готовый за Россию жизнь отдать.

Кто знает, с чем рифмуется граница?
С боями, что взрывали тишину,
Где страшные кровавые зарницы
Кромсали души, судьбы и страну.

И с топовыми влажными огнями,
Горящими пронзительно, вразмах,
С лежащими на грунте кораблями
С пробоинами рваными в бортах.

С выслеживаньем вражеского зверя,
С дозорами, бессонницею злой...

Мою границу ямбом не измерить,
Как не измерить дым пороховой.

Теперь ходить не надо в рукопашный,
Ушла эпоха добрых штык-ножей,
Но старая зелёная фуражка
По-прежнему на страже рубежей.

А порох — он всегда в пороховницах,
Какая непогода ни грядёт.
Кто знает, с чем рифмуется граница,
Тот никогда отсюда не уйдёт.

ЧУДОТВОРНАЯ ЗВЕЗДА

Проложен курс: идём на Полюс мира,
Где царствует Полярная звезда.
Иного Флоту нет ориентира:
Звезда и море — это навсегда.

Незыблемость и верность — те начала,
Что помогают к берегу прийти.
И прадед мой от крепкого причала
Сверял по ней поморские пути.

Шторма на них дежурили бесменно,
Ломали стеньги, рвали паруса,
Но православным в море неизменно
Святые помогали небеса.

И — Ждущая и Верящая... Вера
Хранила всех на добрые дела.
И по-латыни «парус» значит: «vela» —
Вела, ведёт, приводит, привела.

Из века в век поморы причащались
Морскою верой, правдой и водой,
И тысячи героев возвращались,
Ведомы Чудотворною звездой!

Лети, борей. Не люди — мачты гнутся.
На флаг и гюйс равнением повей!
И лишь они, лишь верные вернутся —
К своей звезде и Родине своей!

Пока моря без Флота не пустуют,
Великим он считается не зря,
Раз он ещё в России существует
Назло, и вопреки, и несмотря.

На порубежье, в Арктике безлюдной
Неудержимый царствует циклон,
И цвет морской волны не изумрудный —
Свинцово-тяжкий, как и небосклон.

Как два крыла — погоны в два просвета,
И неизменно вспарывает мрак
Священный знак петровского завета —
Андреевский несокрушимый флаг.

Сияет «краб» на форменной фуражке,
И он, выдавший виды командир,
Хранит свою курсантскую тельняшку,
Протёртую, как водится, до дыр.

Молюсь за вас, мои североморцы!
Пусть доведёт до верных берегов
Икона Николая Чудотворца,
Защитника военных моряков!

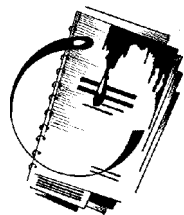
Хоть море, как всегда, неумолимо,
Но на посту — особенный народ.
И всё же пусть шторма проходят мимо,
А Флот российский движется вперед!

ПЯТАЯ КОЛОННА НА ВРАЖЕСКОМ ДОВОЛЬСТВИИ

По методу иудеев Хазарии

После войны руководители СССР настолько уверовали в миф о единомыслии партии и народа на базе советского патриотизма, что для самого Сталина шоком стала восторженная реакция советских евреев на образование государства Израиль по решению Генассамблеи ООН, за которое представитель СССР проголосовал вторым после США. Вскоре после этого, 3 сентября 1948 года, в Москву прибыла в качестве посла Израиля будущий его премьер-министр Голда Меир, бывшая гражданка СССР, лютая антисоветчица, входившая в высший круг руководства международного сионизма и сионистско-масонскую женскую ложу Бнай Брит. Ее встречали в московском аэропорту, как самую близкую родственницу, жена министра иностранных дел СССР В.М. Молотова — Жемчужина, жена члена Политбюро ЦК ВКП(б) К.Е. Ворошилова и несколько евреев из других высокопоставленных советских семей. Сталину, конечно, донесли, что после этой встречи жена Ворошилова — Екатерина Давидовна (имя по рождению — Гитля Горбман) — сказала: «Ну вот теперь и у нас есть родина!»

ДОСЬЕ "МГ"

Сталин не любил, когда ему дышали в спину. Окончательно он решил, что сионисты обложили его со всех сторон после того, как московские евреи собрались на встречу Голды Меир у московской синагоги. Эдвард Радзинский так описывает эту встречу: «Невиданная толпа в полсотни тысяч человек собралась перед синагогой, куда пришла Голда Меир. Тут были солдаты и офицеры, старики, подростки и младенцы, высоко поднятые на руках родителей. «Наша Голда! Шолом, Голделе! Живи и здравствуй!» — приветствовали ее».

Встречу Голды Меир у синагоги организовал Еврейский антифашистский комитет. И с этого момента он превратился для Сталина в личного врага. Сталин заговорил о сионистском заговоре в Кремле, о том, что в СССР действует «сионистская пятая колонна». Таким заговорщиком в его глазах мог быть не только каждый еврей, сочувствующий Израилю, независимо от того, коммунист он или нет. Потенциальным заговорщиком виделся ему и каждый русский номенклатурщик, если он был женат на еврейке. А такие браки в советском руководстве были, скорее, правилом, чем исключением. У большинства нееврейских вождей Советского Союза жены были еврейками. Женой главы ВЧК Ф.Э. Дзержинского была еврейка С.С. Мушкат. Эта традиция в ВЧК—ОГПУ—НКВД сохранялась. На еврейках были женаты шеф НКВД еврей Г.Ягода и его русский преемник Н.Ежов. Обе жены Н.И. Бухарина, главного теоретика партии и члена Политбюро, куратора ОГПУ—НКВД с 1924 по 1929 год, были еврейками — Э.И. Гурвич и М.Ю. Ларина (Лурье). Женами обоих председателей Совнаркома — А.И. Рыкова и В.М. Молотова были соответственно еврейки Н.С. Маршак и П.С. Жемчужина (Перл-Карповская). Жена наркома обороны с 1925 года К.Е. Ворошилова — Е.Д. Горбман. Жена члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) и руководителя Ленинградского комитета партии С.М. Кирова, — М.Л. Маркус. У членов Политбюро В.В. Куйбышева и А.А. Андреева женами были соответственно еврейки Е.С. Коган и Д.М. Хазан. У А.В. Луначарского — Э. Розенель, у Ф.Ф. Раскольникова — Л. Райснер, у замглавы ОГПУ И.С. Уншлихта — Ю. Мушкат (кузина С. Мушкат, жены Ф. Дзержинского) и т.д. Да и сам Иосиф Виссарионович, у которого внук и внучка от первого брака его дочери Светланы Сталиной были полукровками, состоял в родственных связях с евреями. Когда у Светланы начался роман с кинорежиссером Каплером, он сказал, что ей «подсунули его сионисты».

В МГБ создали целую службу, составлявшую «генеалогические таблицы», с помощью которых по заказу Сталина

докапывались до вторых и третьих колен в родословных видных коммунистов, выискивая у них еврейских бабушек, дедушек или внуков.

Когда незадолго до своей смерти 16 октября 1952 года Сталин на пленуме ЦК «стал разбирать членов Политбюро по косточкам, копаясь в их исторических, политических и генеалогических грехах, то выяснилось: из 11 членов Политбюро пятеро оказались еврейскими родственниками (Молотов, Маленков, Ворошилов, Хрушев, Андреев), один — евреем (Каганович), один — «полуевреем» (Берия). После этого к Ворошилову и Молотову, женатым на еврейках, отношение Сталина резко изменилось. Он решил, что браки его ближайших соратников с еврейками — это уже не случайность, а система, результат заговора сионистов, стремившихся по методу иудеев Хазарии, подкладывая евреек под местную знать, захватить контроль над Россией. Жена Молотова — Жемчужина — была арестована в 1948 году в связи с делом о Еврейском антифашистском комитете. Когда этот вопрос обсуждался и голосовался на Политбюро, Молотов воздержался, а Ворошилов устроил Сталину настоящую истерику и свою жену тем самым спас. Но не свою репутацию. После этого с Лубянки Вождю намекнули о причастности Ворошилова и Молотова к западным разведкам и «сионистской пятой колонне» в СССР. Но оттуда же почти одновременно с делом Антифашистского комитета пошли сигналы о «заговоре русских националистов», что отвлекло внимание Сталина от борьбы с сионизмом и вылилось в кровавое «Ленинградское дело» и физическое уничтожение нескольких тысяч русских патриотов во главе с Кузнецовым и Вознесенским, которые осмелились заговорить о создании Российской коммунистической партии в РСФСР по образцу других союзных республик и государствообразующем статусе русского народа, чего он лишен и по сей день.

Самые доверенные перебежчики

При всей фантастичности «заговоров», разоблаченных в последние годы жизни Сталина, — от сионистских агентов в АЕК и в КГБ до «Дела врачей-убийц», «Дела авиаторов», «Дела маршалов» и «Ленинградского дела», реальная пятая колонна в СССР существовала и действовала в том числе на ответственных партийных и государственных постах, в разведке и в Вооруженных силах во все годы его существования. Пожалуй, ни одно государство в мире не знает такого числа особо доверенных и высокопоставленных перебежчи-

ков на сторону врага, сколько насчитывается в истории партийных и государственных органов и спецслужб СССР. Напомним о самых известных.

Одним из наиболее ценных «приобретений» западной разведки (наряду с расстрелянным в 1963 году Олегом Пеньковским) был сотрудник-нелегал Первого главного управления (ПГУ) КГБ (внешняя разведка), впоследствии один из руководителей британского и скандинавского направлений в центральном аппарате, резидент ПГУ в Лондоне Олег Гордиевский. Он был завербован МИ-6 в 1974 году и за 11 лет после этого передал огромное количество ценнейшей информации о советской агентуре на Западе. В 1985-м Гордиевский попал под подозрение, и его удалось отозвать из Лондона в Москву, где, однако, так и не сумели уличить этого мерзавца в предательстве. Или, скорее всего, не захотели. Каким образом Гордиевский отбил от обвинений, кто организовал его тайный вывоз за пределы СССР после таких разборок, неизвестно до сих пор. По некоторым данным в его защиту выступил сам тогдашний руководитель КГБ СССР Ю.В. Андропов. Гордиевский поселился в Англии, получает пенсию от британского правительства, издает воспоминания.

Генерал-майор КГБ Олег Калугин дослужился в ПГУ до должности главы Управления внешней контрразведки (1973—1979). И ему покровительствовал сам шеф КГБ Ю.В. Андропов, с которым, по признанию Калугина, его связывали «дружеские отношения». Однако после смерти Андропова и потом после ряда провалов и внутриведомственных конфликтов Калугин был переведен в территориальные контрразведывательные органы (Второе главное управление). Возглавлял филиал этого управления в Ленинграде, где, кстати, под его началом служил майор КГБ Владимир Путин. В годы перестройки Калугин сделал себе в 1990 году имя на публичной критике и разоблачениях КГБ. По настоянию тогдашнего председателя этого ведомства Владимира Крючкова, который заподозрил, что Калугин агент ЦРУ, он был уволен из органов, лишен звания. Но никаких других наказаний не понес, так как был удивительно своевременно избран народным депутатом СССР в 1990 году и получил таким образом неприкосновенность. В 1995 году Калугин спокойно выехал в США, где в 2001-м дал показания против полковника Джорджа Трофимоффа, обвиняемого в шпионаже в пользу СССР. В 2002 году его вдогонку заочно осудили за это в Москве на 15 лет. Но поди достань этого предателя. Сейчас он проживает в США, гражданство получил в 2003-м, издает книги. Семья его живет в Москве.

Счет сенсационных побегов разоблаченных перебежчиков из России за рубеж продолжил Василий Митрохин, работавший в архивах спецслужб. В сентябре 1992-го Митрохина и его семью вывели в Британию, а его сверхсекретный архив там обнародовали в 1996-м.

Секретарь парткома Краснознаменного института и член парткома всей внешней разведки Владимир Пигузов был завербован ЦРУ во время командировки в Юго-Восточную Азию в 1974 году. Этот предатель был разоблачен вовремя и осужден советским судом за измену Родине в форме шпионажа, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в конце 80-х годов.

К сожалению, такого наказания избежал другой «VIP»-перебежчик Александр Потеев. Он окончил Краснознаменный институт КГБ и работал в ПГУ КГБ СССР, а затем в Службе внешней разведки (СВР). Направлен на работу в Посольство СССР в США, а в 1995 году — в Постоянное представительство РФ при ООН в Нью-Йорке. В 2000 году назначен замначальника Управления «С» (нелегальная разведка), в котором возглавлял 4-й (американский) отдел. В июне 2010 года нелегально эмигрировал в США, умудрившись похитить личные дела целой группы российских разведчиков-нелегалов, и сдал их всех гуртом американцам, что стало беспрецедентным случаем в истории российской разведки.

Задним числом о высокопоставленных иудах в СССР рассказали в своих мемуарах руководители КГБ (например, мемуары Судоплатова «Разведка и Кремль», книга шефа Пятого управления Ф.Бобкова «Как готовили предателей» и мемуары В.Крючкова). Конечно, нет в этих книгах ни слова о том, а кто же все-таки в самом КГБ и в надзиравших за ним партийных органах был привлечен к ответственности за те многократные предательства, которыми были отмечены последние годы существования СССР? Не хватило мужества у наших мемуаристов признать, что на руку этим предателям работала всё та же пятая колонна, орудовавшая в системе ЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ со времен Железного Феликса и в самом ЦК КПСС. По-своему об этом свидетельствует в интервью радиостанции ЦРУ «Свобода» Калугин, в котором он доверительно сообщил, что уверен в своей безнаказанности, так как у него есть весьма влиятельные друзья в России, «в том числе в ближайшем окружении президента Путина». И это несмотря на то, что Путин публично назвал его предателем. Странно только, что никто в Кремле на это публично не отреагировал и не попытался узнать, кого именно имел этот предатель в виду.

Рассказы о тайнах предателей из советских разведслужб всё же меркнут по сравнению с таким классическим примером действий пятой колонны в советских верхах, как карьера бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, «архитектора перестройки» архипредателя А.Н. Яковлева, который, по утверждению бывшего Председателя КГБ СССР В. Крючкова, был так же, как и Калугин, завербован ЦРУ еще в 1964 году, во время студенческой стажировки в США, где они «обучались» вместе, как Родине изменять.

Но апогеем повального предательства «самых доверенных» в последние годы существования СССР стал в июне 1992 года визит Михаил Горбачева в Израиль, где его приняли со всеми почестями. В отчете об этой встрече официальный сайт Министерства иностранных дел Израиля сообщил буквально следующее: «За неделю до выборов Израиль принимал бывшего президента СССР Горбачева. В своих переговорах в Израиле он признал, что в борьбе между сионизмом и коммунизмом сионизм одержал триумфальную победу, а коммунизм рухнул. Он добавил, что всю свою жизнь мечтал уничтожить коммунизм».

В самом кошмарном сне никто не смог бы представить себе, что генеральный секретарь ЦК КПСС возглавит пятую колонну в Советском Союзе и доведет свое предательство до полного развала и партии, и Советского государства. Сколько вреда они принесли нашей стране, никто еще не сумел реально оценить. Но то, что именно эта пятая колонна реформаторов-перестройщиков долгие годы готовила и в конце концов реализовала развал СССР, отбросив Россию к границам времен Петра Первого, а ее экономику и вооруженные силы к беспрецедентному коллапсу, — это исторический факт.

Во внутренней эмиграции

Сам по себе феномен внутренней эмиграции в России, увы, не нов. Именно из таких отщепенцев и формируют ее враги свою пятую колонну предателей. Судьба у них незавидная, хотя жалости они не заслуживают — только презрение. На публике, конспирации ради, они изображают из себя патриотов, а наедине с собой заходятся в припадках русофобии. Их тайная ненависть к России — это что-то вроде тайного порока, в котором можно признаться только самому себе.

Классическим тому примером служит судьба Владимира Сергеевича Печерина, родившегося в 1807 году в селе Дымерка под Киевом, а умершего в 1885 году в ирландском городе Дублине. Это он, автор позорных строчек, которые нередко, по незнанию, приписывают его современнику Чаадаеву:

*Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!*

Откуда у Печерина взялась такая жажда ненависти к своей Родине? Сам он объяснял этот свой «припадок байронизма» так: «На меня подул самум европейской образованности, и все мои верования, все надежды (на торжество либерализма в России. — В.Б.) облетели, как сухие листья...» Это — точный анамнез заболевания с диагнозом «руссофобия», непрременной составной части либерализма, поборников которого неизменно слепит самум западнизма в их низкопоклонстве перед «свободным миром». Кстати, и сегодня в нашей стране есть последователи Печерина, например ведущий «Эха Москвы» и штатный рифмоплёт либеральной «Новой газеты» Дмитрий Быков. В одном из ее последних номеров он написал, что в России «всё лучшее, в сущности, при смерти». Русские патриоты для Быкова настолько неприемлемы, что он доходит до их прямого оскорбления:

*Патриотического духа
Я до сих пор не проявил.
И как мне этого добиться?
Отчизна шанса не дает.
Ведь патриот — всегда убийца.
Иначе он не патриот».*

И открыто угрожает им:

*Меня не зря зовет к свершеньям
Вся ваша дружная орда.
Смотрю на вас. Офигеваю.
К оружию тянется рука,
И я пока не убиваю.
Но это, знаете, пока...*

Откуда взялся этот новый Печерин, кандидат в боевики от пятой колонны?

Дмитрий Быков родился в семье детского врача-отоларинголога, кандидата медицинских наук Льва Иосифовича Зильбертруда и Натальи Иосифовны Быковой. Дед по матери — Иосиф Соломонович Лотерштейн, начальник автобазы, участник Великой Отечественной войны, майор артиллерийско-технической службы, кавалер ордена Красной Звезды.

Вроде бы обычная советская семья, но, как говорится, в семье не без урода. Беда таких духовных инородцев, как Быков, прежде всего в том, что для них всё русское — чуждо и неприемлемо. Они, как сатанинский гриб: от белого гриба сразу и не отличишь — только если приглядишься к оранжевой ножке, поймешь, что он ядовитый. Внедрение подобных «грибов» в русскую почву — это постоянная забота пятой колонны. И в последние годы она в этом значительно преуспела.

Либеральный дискурс

После окончания Второй мировой войны очередной передел мира совпал с введением Бреттон-Вудской системы международных валютных расчетов, основанной на долларе США и казначейских билетах американской Федеральной резервной системы. Мир, разделившийся на два противоположных лагеря, стал двухполярным и обрел временное равновесие. Но вот его-то претенденты на мировое господство и старались всячески поломать, перевернуть мир с ног на голову, сделать его однополярным и подчинить все страны и народ мировому правительству во главе с суперолигархами, которое великий русский философ Иван Ильин назвал «мировой закулисой».

Для реализации своих людоедских планов этой глобальной структуре понадобились не только гигантские финансовые ресурсы и самое современное вооружение США и их союзников по НАТО, но и единомышленники «мировой закулисы», идеологией которой издавна служит либерализм. Он стал исторически первой политической идеологией, родоначальниками которой были Дж. Локк и А.Смит. Их идеи обосновывали процесс становления самостоятельного индивида — представителя зарождающейся буржуазии. Экономически активная, но политически бесправная буржуазия выразила свои притязания на власть в либеральной доктрине. Те мальчишки, которых российская «болотная оппозиция» выводит в Москве и других городах с плакатами «Мы — власть!» на столкновения со стражами порядка, даже не догадываются, откуда этот лозунг взялся.

Базовые ценности либеральной идеологии — это «священность и неотчуждаемость естественных прав и свобод личности» (права на жизнь, свободу и частную собственность), их приоритет над интересами общества и государства. Индивидуализм при этом (не человек для государства, а государство для человека) был и остается главным социальным и экономическим принципом. В экономической сфере пропаганди-

рвалась идея свободного рынка ничем не ограниченной конкуренции. В политической — был сформулирован призыв признать права всех индивидов и групп на управление общественными процессами, осуществить разделение властей, идею правового государства с ограниченными возможностями вмешательства в жизнь общества.

Либералы за долгие годы выработали свою систему ценностей, свой понятийный ряд, на базе которого был создан либеральный дискурс — набор ключевых слов, речевых оборотов и даже условных недоговоренностей, используемых как своего рода код в системе определения «свой — чужой», что позволяет сторонникам либерализма легко вычислять своих сторонников и единомышленников, чем активно пользуются вербовщики пятой колонны.

Идеи либерализма при том, что до их реализации никто еще не дожил даже на либеральном Западе, особенно привлекают интеллигенцию, а на нее и делают главную ставку глашатаи либерализма, ибо именно интеллигенция обеспечивает формирование мировоззрения и манипуляцию сознанием масс, в первую очередь — молодежи.

Гармоничное развитие общества и государства, по мнению классиков либерализма, возможно лишь при условии толерантности по отношению к инакомыслящим. В наше время это обернулось тем, что на Западе нормальными объявили половых извращенцев, гомосексуалистов, трансгендеров, лесбиянок и трансвеститов, что обернулось легализацией однополых браков, а во Франции — тем, что детям запрещают называть родителей папа и мама, а требуют называть их «родитель № 1» и «родитель № 2». Это мы уже проходили во времена сексуальной революции в Красной России.

«Толерантность» — это надежная приманка, которую либералы активно используют для вербовки новых adeptов, но сами весьма редко проявляют ее в своей повседневной политической и подрывной практике. Засилье либералов во внешней и внутренней политике США, этой цитадели либерализма, заставили ряд исследователей говорить о «либеральном фашизме», о диктатуре либерального дискурса в общественном мнении и в средствах массовой информации США, где они, как правило, принадлежат сионистскому капиталу, равно как и в других странах коллективного Запада. Об опасности этой разновидности фашизма особо наглядно свидетельствует та травля президента США Дональда Трампа, которая сопровождала всю его предвыборную кампанию и продолжается в его президентство. Это весьма серьезное доказательство того, что либеральный интернационал претендует сегодня

не только на власть над умами, но и на мировую власть. Поэтому неудивительно, что идеи либерализма активно используются при формировании пятой колонны в России и главной цели «мировой закулисы», что признал еще основатель Всемирной сионистской организации Теодор Герцль: «Для того чтобы править миром, нужно овладеть Россией».

В борьбе за умы

Пятую колонну формируют не только профессиональные диверсанты и террористы, готовые в любой момент взорвать пороховой погреб в крепости по имени Россия. Главная задача «мировой закулисы» — забрать эту крепость без боя так, как сдал Горбачев Советский Союз. Для этого агентура пятой колонны и внедряется во все структуры управления государством. Подбираются люди прозападной ориентации: они в совершенстве владеют тем самым либеральным дискурсом, по которому либералы всего мира узнают друг друга, как масоны по своим тайным ритуальным обрятам и рукопожатиям. Обычно это — космополиты без корней, склонные к стяжательству и наживе. И, как правило, аморальные.

Масоны делят человечество на «познавших свет» — посвященных, т.е. вступивших в масонское «братство», и на «профанов», т.е. не удостоившихся этой сомнительной чести. В борьбе за мировое господство используются куда более сложные системы посвящения и деления человечества на своих и чужих.

Либеральная интеллигенция в период хрущевской оттепели получила возможность открыто высказывать свои взгляды, не опасаясь попасть за это в ГУЛАГ. Она была немногочисленной, но именно на ее базе сформировалось советское диссидентство — движение протеста против сталинизма и в защиту *прав человека*.

Становлению этого движения способствовала прежде всего бездумная критика сталинизма, в которой утонули все достижения реального социализма, а на поверхности остались только культ личности Сталина, ГУЛАГ и массовые репрессии. Это и породило в советском обществе партократию «верных ленинцев» хрущевского набора, которые на публике клялись в верности идеалам коммунизма, держа при этом фигу в кармане вместе с талонами на обслуживание в спецраспределителях жратвы и иностранного барахла. Из этой «корытократии», как ее стали именовать в народе, и вышли через три десятилетия Горбачев и его команда предателей.

Запретный плод сладок. Запрещенные Борис Пастернак и Александр Солженицын, Андрей Синявский и Александр Зиновьев, Владимир Максимов, Рой Медведев и Виктор Некрасов ходили по рукам, несмотря на то, что хранение и распространение публикаций «Самиздата» сурово каралось по советским законам. В результате в советском обществе, не говоря уже о других соцстранах, возник тот феномен, который описан английским писателем Джорджем Оруэллом в его фантастическом романе «1984-й», гениальной пародии на «реальный социализм». Это — «двоемыслие», которое поразило советскую интеллигенцию, служившую власти и державшую при этом всё ту же фигу в кармане. В романе Оруэлла двоемыслие относилось к категории «преступномыслия» и жестоко каралось. В Советском Союзе для борьбы с такими «преступлениями» и активными диссидентами было создано специальное 5-е управление КГБ СССР во главе с генералом Бобковым. Его сотрудники активно выявляли «преступномыслящих» и выдавали им «путевки» в «психушки», в тюрьмы и куда реже — на выезд за границу. Естественно, что Запад принялся активно поддерживать «жертвы репрессий против инакомыслящих» и выращивать профессиональных диссидентов от литературы — вроде Петра Гладиллина и от политики — вроде жены Сахарова — Елены Боннэр. Опасность профессионального диссидентства вполне сравнима с деятельностью пятой колонны внутри осажденной крепости. А Россия веками находится в этом состоянии, что не могло не сказаться на менталитете ее правителей независимо от ее социального строя и ее граждан.

С самого начала деятельность диссидентов привлекла внимание западных спецслужб, которые попытались направить ее в антисоветское русло. Далеко не всех этих инакомыслящих можно было причислить к пятой колонне, и уж тем более к агентам зарубежных спецслужб. Я могу судить об этом по личным встречам во Франции с такими видными диссидентами, как Андрей Синявский и Марина Розанова, Александр Зиновьев и Владимир Максимов и многими другими изгнанниками из СССР, которые, несмотря на все свои обиды от советских властей, оставались даже в эмиграции истинными патриотами России, как, впрочем, и большинство русской эмиграции. Но далеко не все диссиденты были такими. Были среди них и профессиональные предатели, получавшие регулярно свои иудины сребреники от спецслужб Запада.

Инакомыслие — это родовая черта интеллигенции, где бы она ни обитала. Но оно, как лекарство. В разумных дозах идет только на пользу государственному организму. А при

передозировке может привести к его гибели. Увы, не все советские диссиденты эту дозировку знали. Более того, выступая со своими публичными протестами и заявлениями, в силу своей политической неопытности и даже наивности они не отдавали себе отчета в том, кому объективно служат. Как недавно выяснилось, операцией по присуждению Пастернаку Нобелевской премии занималось ЦРУ США, в чём в начале 2015 года — столько лет спустя! — признались наконец руководители этого шпионского ведомства, раскрыв архивы того времени. Конечно, о таком «участии» в его судьбе не знали ни сам Пастернак, ни его либеральное окружение, ни его тогдашние критики, обвинявшие его в «клевете» и «предательстве». Уверен, что узнай об этом сам Пастернак, он не пережил бы такого позора. А Пастернака между тем обвинили в том, что он сыграл на руку врагу. Когда началась кампания против романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», который я считаю откровенно слабым, если не считать включенных в него стихов, Сергей Михалков внес в нее свой вклад басней про «некий знак, который звался Пастернак». Советский баснописец принял, правда, за знак корнеплод, который с древних времен используют как приправу, тонизирующее средство и даже как афродизиак. Для него важнее было представить поэта и его творчество как чужого поля семя, вредное для нашего красного огорода и подлежащее безжалостному выкорчевыванию. Тонизирующее для общества свойство инакомыслия, таким образом, зачеркивалось, хотя наш баснописец так глубоко и не копал.

Диссиденты диссидентам рознь

В условиях тоталитарного режима времен Сталина любое инакомыслие жестоко подавлялось, и именно поэтому проявлять его открыто было смертельно опасно. Но и для советского общества это подавление оказалось в конечном итоге губительным.

«Советские сумасшедшие» (была такая песня у Вероники Долиной о диссидентах, брошенных в «психушку») посягнули на «святая святых» советского общества — не признали монополию КПСС на истину, посмели заявить, что эта партия только по ее собственной характеристике представляет собой «Ум, честь и совесть нашей эпохи», что уже само по себе противоречило здравому смыслу. Но любые попытки усомниться в этом публично жестоко карались. Была принята даже «секретная» статья Уголовного кодекса «О защите авторитета», согласно которой за критику партийного руководства полагался немалый срок.

В наши дни история повторяется. И ее, увы, оправдывают далеко не худшие представители русской интеллигенции, приближенные к власти. «Если я верю, что решения власти вызваны искренним желанием сделать стране лучше, я готов ее понять и вместе с ней нести все тяготы», — говорит режиссер Никита Михалков. А вот диссиденты осмелились этому возразить еще в тоталитарные советские времена, напомнив, что благими намерениями вымощен путь в ад. И они оказались правы. Ни чести, ни ума, ни совести не оказалось у руководства КПСС, по вине которого распался Советский Союз.

Еще в XIX веке русская интеллигенция потешалась над попытками царедворцев угодить государю и ввести в России монополию высочайшей власти на истину. В 1863 г. в журнале «Современник» под псевдонимом Козьма Прутков был напечатан «Проект о введении единомыслия в России», где были такие слова: «Собственное» мнение!.. Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется? На чем основано?» Не этот ли трактат вдохновил Михалкова на его слова о высшей правоте власти?

Вера в непогрешимость власти дорого обошлась России и прежде всего русскому народу. По вековой традиции власть у нас, как жена Цезаря, вне подозрений, за что мы дорого поплатились в 1991 году. Тем не менее Иуда-Горбачев, проклятый народами Советского Союза, не только избежал суда, но и живет безбедно, разъезжает по всему миру с лекциями о том, как он погубил КПСС, СССР и Варшавский договор «во имя Бога нашего Моисея», как он заявил, выступая в израильском Кнессете в 1992 году, и регулярно получает поздравилки от Путина по поводу его дня рождения! Предатель Борис Ельцин умер своей смертью и похоронен со всеми почестями на Новодевичьем кладбище. В Екатеринбурге сооружен целый дворец-музей в его честь. И тоже с благословения Путина. А ведь и тот и другой вполне заслужили намыленной веревки на иудином дереве, равно как и все их подельники по развалу Советского Союза. Почему бы тут не взять пример с наших бывших боевых товарищей по Варшавскому договору из Румынии? Там 30 лет спустя после расстрела Николае Чаушеску и его жены прокуратура Румынии предъявила официальные обвинения в преступлениях против человечности бывшему президенту страны Иону Илиеску, экс-главе госбезопасности Джелу Войкан-Войкулеску и бывшему вице-премьеру Румынии, генералу Иосифу Русу.

И сегодня данные о финансировании американцами российских некоммерческих организаций, выступающих в виде новых диссидентов либерального толка, можно найти в годовых отчетах американских подрывных фондов, например, в отчете за 2009 год о деятельности широко известной организации «Национальный фонд США за демократию», который напрямую связан с ЦРУ. В этом документе также отмечены звездочками российские «некоммерческие» организации, получившие дополнительное финансирование от госдепартамента США. Фигурируют суммы от 17 тыс. долларов до 225 тыс. долларов в год на организацию. В список входят десятки различных правозащитных организаций, в том числе получившие особую известность: «Мемориал» (специализируется на истории тоталитаризма и репрессий в России) и «Голос» (специализируется на выборах).

Соединенные Штаты как архитекторы нового «однополярного мира», в котором они отвели себе роль глобального гегемона, считают возможным диктовать всему человечеству свою волю не только в сфере политики и экономики, но и в сфере идеологии. Небезызвестная Виктория Джейн Нуланд, помощник государственного секретаря США по делам Европы и Евразии, прославившаяся раздачей «печенок» на киевском майдане 2014 года, прямым текстом заявила, что США будут обходить закон, чтобы передавать через третьих лиц деньги российским НКО. 25 января 2013 года она так объяснила это бесцеремонное вмешательство США во внутренние дела России: «Мы сформировали группу с целью оказания господдержки развитию гражданского общества. Мы озабочены тем, как правительство России занимает в вопросе развития гражданского общества **неправильную** позицию (выделено мной. — В.Б.). Поэтому мы предпочли бы направить наши усилия другими путями и продолжать работать над нашей непосредственной поддержкой организаций гражданского общества, которые хотят работать с нами». Так нелегальная поддержка американской пятой колонны в России была официально легализована.

Нуланд, одна из ведущих специалистов по России и СНГ в госдепартаменте США — весьма любопытный персонаж. Уже по факту своего происхождения она была обречена заниматься российской проблематикой. Ее отец — писатель Шервин Бернанд Нуланд. Ее дед со стороны отца — Мейер Нудельман, который прибыл в Америку 18-летним юношей в 1907 году из бессарабского еврейского местечка Новосе-

лица, а бабушка несколько раньше — в 1903 году. Ее отец, носивший при рождении имя Шепсл Бер Нудельман, американизировал его, уже будучи взрослым. Виктория обучалась в еврейской школе Шоэт Розмари Холл и окончила Университет Брауна, один из наиболее престижных частных университетов США, где готовят кадры для американского истеблишмента. Но что-то тянуло ее на родину предков. В 1982 году она побывала в Одессе, где две недели работала по обмену вожатой в пионерлагере «Молодая гвардия». В возрасте 23 лет в течение восьми месяцев работала переводчиком на советском рыболовецком судне, где уже освоила русский язык в совершенстве. Эта деталь ее биографии пригодилась госдепартаменту в 2014 году, когда Нуланд формировала новое правительство Украины по антирусским лекалам, не особо смущаясь бандеровскими симпатиями ее кандидатов. Это вызвало недовольство в Евросоюзе, за что Нуланд в разговоре со своим вашингтонским начальством послала Евросоюзу на три буквы. Запись этого служебного разговора неожиданно получила огласку. И в госдепе не нашли ничего лучшего, как сослаться на «русский след» в биографии Нуланд, пояснив, что она научилась материться у русских моряков.

Нуланд — одна из тех «русоведов» госдепартамента, которые вместе с ЦРУ курируют деятельность широко известной организации «Национальный фонд США за демократию».

В 2014 году в американский Конгресс был внесен законопроект «Russian Aggression Prevention Act 2014» («Акт о предотвращении агрессии со стороны России 2014»), подготовленный 26-ю политиками-республиканцами, среди которых был ярый русофоб сенатор Джон Маккейн. Законопроект предусматривал выделение 10 млн. долларов ежегодно в период с 2015 по 2017 год на «развитие демократии в России» и 25 млн. долларов ежегодно на аналогичную деятельность в других странах СНГ. Госдеп США выделит 60 млн. долларов на поддержку российских медиа и так называемого «свободного Рунета», по 20 млн. долларов в год в 2016—2018 гг., на период выборов в России. В апреле 2017 года американский конгрессмен-республиканец Алекс Муни предложил законопроект о создании фонда с бюджетом 100 млн. долл. «для поддержки оппозиции и борьбы с коррупцией в России». Согласно документам консалтинговой компании Mediasoprotivlenie, американские деньги выделялись, в числе прочего, на два проекта нового типа: на «Антипропаганду» Максима Каца, запущенную 15 марта 2014 г., и на «Стопфейк» Олега Козловского, стартовавшую 2 марта 2014 года, которую фактически финансирует госдеп США. Руководи-

тель Московской Хельсинской группы Людмила Алексеева и руководитель движения «За права человека» Лев Пономарев открыто признали, что их организации практически полностью финансируются США, в особенности фондом NED. Сделали они это в связи с введением «закона об иностранных агентах», на который российские правозащитники поспешили пожаловаться американскому президенту Бараку Обаме.

В марте 2012 года заместитель госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Филипп Гордон на совещании в некоммерческой организации Bipartisan Policy Center заявил следующее: «Наша позиция по поводу прав человека и демократии (в России. — В.Б.) оставалась твердой и ясной. В этом направлении мы сделали многое. С 2009 года мы потратили свыше 200 миллионов на развитие демократии, гражданского общества и защиту прав человека». Гордон также подтвердил намерение властей создать новый фонд для российских правозащитных организаций объемом в 50 миллионов долларов. Подобное вмешательство во внутренние дела России даже не скрывают. Стенограмма этого совещания с участием Гордона размещена на сайте Госдепартамента США.

Попытки российских властей пресечь прямое финансирование этой агентуры антироссийского Запада с помощью закона о регистрации иностранных агентов, аналогичного такому закону в США, не помогли полностью перекрыть эти каналы долларовой подпитки российской пятой колонны. Активно финансируют пятую колонну и еврейские олигархи, как это прежде делал покойный Борис Березовский. Теперь М.Ходорковский поддерживает деньгами «Открытую Россию».

В последние годы, одновременно с приближением НАТО к границам России, поближе к ним перебираются и школы подготовки новых бойцов пятой колонны в России. США сегодня используют не только методы прямого вмешательства во внутренние дела России, но и инструменты т.н. «мягкой силы», что предусматривает создание широкого слоя «сочувствующих» либеральным реформам и поклонников западного образа жизни. Конкретно этим занимается в Польше американский околоправительственный фонд IRI, созданный ЦРУ под руководством теперь уже покойного «суперруссофоба» сенатора Маккейна. Среди участников этих «семинаров» IRI зафиксированы представители партии «Яблоко», «Партии прогресса», «РПП-Парнаса» и «Партии 5 декабря», по одному — от «Гражданской платформы» и «Альянса зеле-

ных», а также некие «независимые политконсультанты» из России. Кстати говоря, в далеком 2007 году материнский фонд IRI под названием NED финансировал проект «Да! — Дебаты» Алексея Навального.

Вот как специалисты оценивают основные задачи подобных «семинаров»:

— «Кастинг» новых политических лиц. Все участники внимательно оцениваются, выявляются их сильные и слабые стороны. С наиболее перспективными выстраивается постоянное взаимодействие: приглашения на неформальные встречи с послами и политиками, раздача грантов под «проекты» (в реальности большинство «проектов» являются абсолютно формальными), приглашения на длительные стажировки и т.д. и т.п.

— Расширение социальных связей участников семинара прежде всего друг с другом. Это не менее важно, чем «кастинг». Задача — создавать устойчивые группы знакомых — друзей-товарищей по нужному политическому признаку. Подобные группы будут гораздо более жизнеспособными, нежели отдельные актеры. При этом устойчивость политических взглядов их участников будет выше (влияние «тусовки»), как и способность к их дальнейшему распространению уже не в индивидуальном качестве, а в групповом. Крайне важно, чтобы подобные связи были межпартийными (что мы и видим в данном случае. — **В.Б.**), — таким образом будет создаваться межпартийная сеть из людей, которые так или иначе имеют влияние и на свои партийные организации.

Настоящий смысл этих мероприятий — вообще не в их содержании, а в постепенном и довольно сложном выстраивании политической сети, которая будет в дальнейшем поддерживать сама себя за счет правильных политических знакомств, связей с журналистами, финансирования «гуманитарных» проектов и др.

Прицел, как видим, дальний.

БИТВА ПРИ МОЛОДЯХ

В 1572 году произошла величайшая битва, определившая будущее евроазиатского континента и всей планеты на много веков вперед. В том сражении, унесшем более ста тысяч жизней, решалась не только судьба Руси — речь шла о судьбе всей европейской цивилизации. Но мало кто, помимо профессиональных историков, знает о этой битве.

Почему? Да потому что, по мнению Европы, эта победа была одержана «неправильным» правителем, «неправильной» армией и «неправильным» народом...

Как это было.

В 1572 году Девлет Гирей собирает невиданную по тем временам военную силу — 120 000 человек, в числе которых 80 тысяч крымчан и ногайцев, а также 7 тысяч лучших турецких янычар с десятками артиллерийских стволов — по сути, спецназ, элитные войска, имеющие богатый опыт ведения войн и захвата крепостей.

Заранее пошла «делёжка шкуры неубитого медведя»: в пока еще русские города назначались мурзы, в еще не покоренные русские княжества — наместники, заранее делилась русская земля, а купцы получали разрешение на беспощадную торговлю.

Огромная армия должна была войти в русские пределы и остаться там навсегда.

Так оно и случилось...

6 июля 1572 года крымский хан Девлет Гирей довёл османскую армию до Оки, где наткнулся на двадцатитысячное войско под командованием князя Михаила Воротынского.

Девлет Гирей, не стал вступать в бой с русскими, а повернул вверх вдоль реки. Возле Сенькина брода он без труда разогнал отряд из двухсот бояр и, переправившись через реку, двинулся по Серпуховской дороге на Москву.

Решающая битва.

Опричник Дмитрий Хворостинин, возглавлявший пяти тысячный отряд из казаков и бояр, крался по пятам татар и 30 июля 1572 года получил разрешение атаковать врага.

Ринувшись вперед, он насмерть втоптал в дорожную пыль татарский арьергард и у реки Пахры врезался в основные силы. Опешившие от подобной наглости татары развернулись и бросились на малочисленный отряд русских всеми своими силами. Русские кинулись наутёк, а враги, устремившись за ними, преследовали опричников до самой деревни Молоди...

И тут захватчиков поджидал неожиданный сюрприз: обманутая на Оке русская армия стояла уже здесь. И не просто стояла, а успела соорудить гуляй-город — передвижное укрепление из толстых деревянных щитов. Из щелей между щитами по степной коннице ударили пушки, из прорубленных в бревенчатых стенках бойниц громынули пищали, а поверх укрепления хлынул ливень стрел.

Дружный залп смёл передовые татарские отряды, словно рука, смахнувшая с шахматной доски пешки. Татары смешались, а Хворостинин, развернув своих казаков, снова ринулся в атаку.

Османы волна за волной шли на штурм неведомо откуда взявшейся крепости, но их конные тысячи одна за другой попадали в жестокую мясорубку и обильно заливали русскую землю своей кровью. В тот день только опустившаяся тьма остановила бесконечное смертоубийство.

Утром османской армии открылась истина во всей ее ужасающей неприглядности: захватчики поняли, что угодили в ловушку — впереди по Серпуховской дороге стояли прочные стены Москвы, а пути отхода в степь перекрывали закованные в железо опричники и стрельцы. Теперь для незваных гостей речь шла уже не о покорении России, а о том, чтобы вернуться назад живыми.

Татары пребывали в бешенстве: они привыкли не драться с русскими, а гнать их в рабство. Османским мурзам, со-

бравшимся править новыми землями, а не умирать на них, тоже было не до смеха.

К третьему дню, когда стало ясно, что русские скорее умрут на месте, чем позволят незваным гостям убраться восвояси, Девлет Гирей приказал своим воинам спешиться и атаковать русских вместе с янычарами.

Татары прекрасно понимали, что на сей раз они идут не грабить, а спасают свою шкуру, и дрались как бешенные собаки. Доходило до того, что крымчаки пытались разломать ненавистные щиты руками, а янычары грызли их зубами и рубили ятаганами. Но русские не собирались выпускать извечных грабителей на волю, чтобы дать им возможность отдышаться и вернуться снова. Кровь лилась весь день, но к вечеру гуляй-город продолжал все так же стоять на своем месте.

Ранним утром 3 августа 1572 года, когда османская армия пошла в решающую атаку, в спину им совершенно неожиданно ударил полк Воротынского и опричники Хворостинина, и одновременно с этим из гуляй-города на штурмовавших османов обрушился мощный залп из всех орудий. И то, что начиналось как битва, мгновенно превратилось в избиение...

Итог.

На поле у деревни Молоди были порублены без остатка все семь тысяч турецких янычар. Под русскими саблями у деревни Молоди полегли не только сын, внук и зять самого Девлет-Гирея — там Крым потерял практически всё боеспособное мужское население поголовно. От этого поражения он так и не смог оправиться, что предопределило его вхождение в Российскую империю.

Не смотря на почти четырехкратное превосходство в живой силе, от 120-тысячного войска хана не осталось почти ничего — в Крым вернулись всего 10 тысяч человек. 110 тысяч крымско-турецких захватчиков нашли свою смерть в Молодах.

Такой грандиозной военной катастрофы история того времени не знала. Лучшая армия в мире попросту перестала существовать...

Резюме.

В 1572 году спасена была не только Россия. В Молодах была спасена вся Европа — после такого разгрома о турецком завоевании континента речи быть уже не могло.

Битва при Молодах — не только грандиозная веха Русской истории. Битва при Молодах — одно из величайших событий европейской и мировой истории.

Возможно, именно поэтому она была так тщательно «забыта» европейцами, которым важно показать, что именно они разгромили турок, этих «сотрясателей Вселенной», а не какие-то русские. Мол, битва при Молодях? Да что это вообще такое? Иван Грозный? Что-то помним... Тиран и деспот, кажется...

Кровавый тиран и деспот.

К полному бреду можно отнести «Записки о России» англичанина Джерома Горсея, в которых утверждается, что зимой 1570 года опричники перебили в Новгороде 700 000 (семьсот тысяч) жителей. Как такое могло случиться, при общем населении этого города в тридцать тысяч, объяснить никто так и не смог.

При всём старании, на совесть Ивана Грозного за все его пятьдесят лет правления можно отнести не больше 4000 погибших. Наверное, это немало, даже если учитывать, что большинство честно заработало себе казнь изменами и клятвопреступлениями.

Однако в те же самые годы в соседней Европе (в Париже) **только за одну ночь** вырезали больше 3000 гугенотов, а в остальной стране — более 30 000 за две недели.

В Англии по приказу Генриха VIII было повешено 72 000 человек, виновных только в том, что они нищие. А в Нидерландах во время революции счет трупам перевалил за 100 000...

О ЖАЛКИХ ПОТУГАХ ЛИБЕРАЛЬНОГО «УМА»

Уже давно замечено: как только приближается День Победы, русофобы всех мастей начинают проявлять повышенный интерес к истории Отечества. Вот и российская писательница Елена Чижова, получившая в 2009 году премию «Русский Букер», разразилась эссе, в котором вину за блокаду Ленинграда в годы Великой Отечественной войны возложила на Сталина.

По мнению Чижовой, Сталин ненавидел ленинградцев «...за их самосознание и способность думать критически», а потому использовал ситуацию с блокадой, дабы уморить как можно больше жителей города. А в качестве доказательства своих домыслов писательница рассказывает о грузовых поездах, дескать, везли в осажденный город не хлеб, а строительные материалы. «Я не историк, но думаю, что даже небольшая часть этих составов могла бы спасти десятки, если не сотни тысяч человеческих жизней», — резюмировала Чижова.

Эссе, напечатанное в одной из швейцарских газет, принялись дружно цитировать российские СМИ. При этом откровения Чижо-

вой преподносились чуть ли не как новое слово в осмыслении нашего недавнего прошлого.

Между тем, измышления Чижовой о Сталине и Ленинграде — всего лишь перепевы одного из мифов, рожденных в эпоху горбачевской перестройки. Его автор — один известный журналист из «Комсомольской правды» (не называю его фамилию только потому, что убежден: у шелкопера, как и у многих соотечественников в те годы, явно случилось помутнение рассудка, которое со временем прошло). Так вот, выступая в начале 1990-х по радио, эта «акула пера» договорилась до того, что массовый голод в Ленинграде — дело рук Сталина и его подручных. По мнению журналиста, Сталин очень не любил Ленинград и ленинградцев и при любом удобном случае старался им напакостить. Поэтому во время войны Сталин сознательно не отдавал приказ о деблокаде осажденного города и специально морил его голодом.

Эта ахинея прозвучала на всю страну под видом нового взгляда на отечественную историю, не зашоренного коммунистической пропагандой. И вот сейчас, спустя тридцать лет, эту ахинею с явным удовольствием повторяет Елена Чижова, видимо, желая тем самым привлечь внимание к своей уже порядком подзабытой персоне.

Прорвать блокаду Ленинграда, вопреки утверждениям Чижовой и её коллег либералов, советские войска пытались неоднократно. Даже в тяжелейшем для нас 1942 году, когда судьба России висела на волоске, Красная армия как минимум дважды предпринимала отчаянные попытки спасти осажденный город. Так, в начале 1942 года части Волховского фронта несколько раз переходили в наступление в районе Любани, а летом и осенью аналогичные попытки предпринимали войска Ленинградского фронта в районе Синявинских высот.

К сожалению, из-за недостатка сил и средств эти попытки не имели успеха, однако активные действия советских войск сорвали новый штурм Ленинграда, планировавшийся немцами. Кроме того, противник вынужден был держать на этом участке фронта значительную группировку войск в течение всего 1942 года, хотя эти дивизии ох как пригодились бы немцам, например, под Сталинградом, где решался исход всей военной кампании.

Так что утверждения о том, что руководство страны сидело сложа руки и ничего не делало для спасения осажденного города, — абсолютный бред либерального «ума». Более того, советскому командованию удалось сорвать попытки немцев окружить Ленинград двойным кольцом блокады. А такие

попытки вермахт активно предпринимал в ноябре 1941 года. По замыслу немецкого командования, войска группы армий «Север», наступая в районе Тихвина, должны были прорвать оборону советских войск, выйти к реке Свирь к востоку от Ладожского озера и соединиться с финскими частями, оккупировавшими Карелию.

Если бы эти планы осуществились, Ленинград оказался бы полностью отрезанным от основной территории страны. Однако советские войска не только сорвали планы противника, но и решительным контрударом отбросили врага за реку Волхов и в декабре 1941-го освободили Тихвин. Эти события, напомним, происходили как раз в разгар битвы под Москвой. Выходит, не так уж люто ненавидел Сталин Ленинград, если в самый ответственный момент военной кампании значительная часть сил и средств была задействована на Ленинградском участке фронта — для спасения города на Неве.

Увы, по объективным причинам дальнейшего развития эти наступательные операции не получили: силёнок у нас в конце 1941-го было ещё недостаточно. Но как только в начале 1943 года общая ситуация на советско-германском фронте стала меняться в нашу пользу, советское командование тут же приступило к подготовке операции по деблокаде Ленинграда. И в январе 1943-го, как известно, блокада была прорвана. Вдоль юго-западного берега Ладожского озера образовался коридор шириной 10 километров, который связал осажденный город с Большой землей. По этому коридору за две недели была проложена железная дорога и автомобильная трасса, что, разумеется, существенно облегчило положение ленинградцев. Очевидно, по этой железной дороге в Ленинград и шли товарные составы, в том числе со строительными материалами, о которых с таким пафосом рассуждает Чижова.

Пик голода в городе пришелся на зиму 1941—1942 годов. С 20 ноября суточный паёк хлеба составлял 250 граммов для рабочих и инженерно-технических работников и 125 граммов для всех остальных. Однако, как только замёрзла Ладога, власти организовали снабжение города по льду озера. С началом работы Ладожской трассы (или «Дороги жизни») хлебный паёк стал постепенно увеличиваться, и уже с 25 декабря 1941 года составлял 200—350 граммов. Вплоть до апреля 1942 года по «Дороге жизни», несмотря на постоянные обстрелы и бомбёжки, в осаждённый город шли автомашины с продовольствием и медикаментами. А из Ленинграда на Большую землю эвакуировали раненых, больных, детей и стариков. С января по апрель 1942 года из города удалось вывезти 550 тысяч человек.

В самом городе даже в суровую зиму 1941—1942 годов предпринимались все возможные меры для спасения горожан от голода. Так, по решению руководства Ленинграда были открыты специальные столовые для наиболее нуждающихся горожан, а также 85 детских домов. А весной 1942 года Ленсовет разрешил жителям заниматься огородничеством прямо в городских парках и во дворах. Эта инициатива ленинградских властей, кстати, встретила поддержку и в других городах СССР. Например, вслед за ленинградцами весной 1942 года выращивать лучок и петрушку начали и жители Москвы, разбивая для этих целей огороды прямо в центре города.

И всё-таки за время блокады от голода и болезней погибли, по официальным данным, 630 тысяч ленинградцев. Но эта цифра была бы гораздо больше, если бы не энергичные меры по спасению людей, предпринятые властями.

Наконец, к числу расхожих мифов, столь популярных в либерально-демократических кругах, относится и такой: зачем вообще нужно было защищать Ленинград, жертвуя десятками тысяч жизней? Мол, отдали бы его на милость немцам, и тысячи ленинградцев были бы спасены.

Ответом на подобного рода утверждения может послужить директива Гитлера от 22 сентября 1941 года, в которой были четко обозначены планы немцев насчет дальнейшей судьбы Ленинграда: он должен быть стерт с лица земли вместе с тремя миллионами его жителей. Для этого фрицы намеревались окружить «...город тесным кольцом и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землёй».

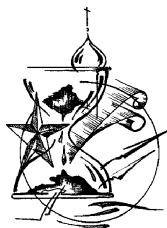
Именно так немцы и поступали на протяжении всей блокады. Только осенью 1941 года на город было сброшено свыше 100 тысяч зажигательных бомб. Всего же за время блокады в Ленинграде были полностью разрушены 3174 дома. Еще 7 тысяч зданий получили повреждения.

Так что не зря Ленинград сопротивлялся врагу, не напрасно были понесены такие жертвы. В противном случае жертв было бы гораздо больше.

ТЕХНОЛОГИЯ ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РУССКОГО НАРОДА

Всё большее число наших соотечественников начинает понимать, что заложенный при Горбачёве, начавшийся при Ельцине и продолжающийся по сию пору курс «реформ» и «демократизации» есть не что иное, как разработанный за рубежом и осуществляемый 5-й колонной (которая глубоко окопалась в органах власти, банковском секторе и СМИ) план разгрома России как великой самодостаточной державы.

Враги России («мировая закулиса», по выражению философа И. Ильина, или «творцы катаклизмов», по выражению петербургского митрополита Иоанна, или «фининтерн», по определению неизвестного мыслителя) хорошо, однако, усвоили многовековой исторический опыт и отчётливо понимают: пока не уничтожен русский народ, России им не одолеть. Одолеть — значит лишить собственных институтов государственной власти, а затем разделить на отдельные государства, раздав их под «сферы влияния» разных стран. Подобные планы просачивались в открытую печать, а злые языки в своё время утверждали, что разделение РФ на федеральные округа выполнено близко к этим планам.

РУССКИЙ ВОПРОС

Уничтожение русских как нации ведётся двумя путями.

Первый путь — сокращение численности, то есть снижение рождаемости и увеличение смертности. Способов много, назовём только самые очевидные.

Это — безработица, низкая зарплата и неуверенность молодых людей в завтрашнем дне, а с другой стороны — пропаганда безнравственности, роскоши и лёгкой жизни («Бери от жизни всё!»). В результате, в сознании молодёжи формируется установка: семья и дети — дело обременительное. Неуверенность в завтрашнем дне, бесперспективность. Кроме того, вынуждают молодых людей покидать страну, т.е. не только сокращать её русское население, но и ослаблять генофонд русской нации, ибо выезжают наиболее талантливые и энергичные.

Это — наркотизация и алкоголизация молодёжи, приводящая не только к ранней смертности, но и к бесплодию либо к рождению большого потомства (душевое потребление алкоголя в России с 1989 по 2013 г. по разным оценкам выросло в 3-5 раз). Попутно решается и другая задача: выключить из национальной жизни наиболее активное поколение. Да, за наркотики сурово наказывают (каждый шестой-седьмой ныне осуждён за наркотики), но наказывают курьеров и мелких торговцев, т.е. «плотву». «Акул» не трогают, а, по мнению известного писателя и общественного деятеля А.Проханова, в ФСБ их даже «крышуют» («Эхо Москвы», 11.06.2019).

Это — разрушение лучшей в мире системы здравоохранения в совокупности с массовым производством недоброкачественных, а то и просто вредных продуктов питания.

В итоге, с 1989 по 2010 год (более свежие официальные данные не опубликованы) численность русских в России сократилась на 8,9 миллиона человек. Если учесть шесть с лишним миллионов вынужденных репатриантов (беженцев) из Казахстана, Средней Азии, Закавказья, Прибалтики и Молдавии — именно на столько сократилось там русское население, — совокупные потери составили 15 миллионов (13,5%).

15 000 000! Страшная цифра, сопоставимая с потерями в Великой Отечественной войне. И хотя для творцов катаклизмов её явно недостаточно, они не отчаиваются. У них есть и успешно действует параллельный вариант — беспрепятственная иммиграция из бывших союзных республик, причем иммиграция тех, у кого историческая родина не Россия, а страны Средней Азии или Закавказья, Молдавия или гнездо бандеровцев — Западная Украина.

Поощрение «трудовой» иммиграции объясняют низкой рождаемостью в современной России. Но, во-первых, причины низкой рождаемости, как сказано выше, есть резуль-

тат деятельности самой власти. (Правда, в последние годы уровень рождаемости повысился — отчасти благодаря «материнскому капиталу», но, в основном, за счет исламских народностей, в том числе и прибывших из-за рубежа.) Вторых, во многих высокоразвитых странах коэффициент рождаемости ниже, чем в России, однако иммиграция там ничтожно мала. В-третьих, иностранные рабочие руки требуются только тогда, когда страна находится на крутом экономическом подъёме, как это было в Западной Германии в 1950—1970 годы. Россия же находится в экономическом упадке и своих рабочих рук у нее избыток.

Таким образом, попытки обосновать необходимость иммиграции фальшивы от начала до конца, и предназначены они лишь для маскировки истинной цели — вытеснения и замещения коренного населения инородцами, у которых ни патриотизма, ни любви к России нет и никогда не будет. Они это наглядно демонстрируют своим нежеланием вписывать в Русский мир, уважать русскую культуру и традиции и, наконец, уважать самих русских. Почти все тяжкие преступления (убийства, изнасилования, избиения, ограбления) они совершают в отношении русских, в то время как преступления русских в отношении иммигрантов измеряются небольшими процентами (намного меньшими, чем процент самих иммигрантов). Если к этому добавить, что потоки иммигрантов — это и потоки наркотиков, а если ещё добавить, что российское гражданство инородцу бывает получить легче, чем русскому выходцу из той же Средней Азии, картина становится ещё более ясной.

Второй путь — денационализация, т.е. подавление и разрушение национального самосознания русского народа, его национальное разложение. Осуществляется денационализация самыми разными способами. Вот лишь некоторые из них:

— Замалчивание национальных достоинств и раздувание недостатков, внедрение в массовое сознание тезисов: «Россия — отсталая, нецивилизованная страна. Цивилизация не у нас, а там — на Западе», потому что «русские — пьяницы, лентяи, рабы». Успех налицо: многие действительно уверовали в свою национальную неполноценность, даже не задумавшись о том, как же могла такая «жалкая нация, нация рабов» (по выражению Чернышевского) освоить огромную суровую землю, создать одну из общепризнанных мировых цивилизаций, великую культуру, передовую науку и (ещё недавно) могучую экономику?

— Очернение и фальсификация русской истории. Первыми этот способ применили большевики, смешав с грязью все

выдающиеся достижения русского народа до 1917 года. Пришедшие им на смену «демократы» то же самое проделывают с русской историей советского периода, «не забывая», однако, и досоветской истории. Особенно они преуспели в написании учебников, которые прививают детям и подросткам насквозь лживую интерпретацию истории Отечества. А ведь многие действительно поверили, что в Великую Отечественную мы победили лишь потому, что «забросали противника горами трупов», а некоторые — что Сталин собирался напасть на Германию, но Гитлер его просто опередил. Составной частью этого способа является и очернение выдающихся исторических деятелей, как, например, Ивана Грозного, Сталина или маршала Жукова, и отыскание тёмных пятен в биографиях великих деятелей русской истории и культуры (а если пятен нет — не гнушаются самой грязной ложью). В результате, русским прививается ощущение, что гордиться им нечем и некем, то есть и с этой стороны прививается комплекс национальной неполноценности.

— Обвинение русских в угнетении других народов страны. Делается это либо с помощью грубой фальсификации истории, либо с помощью исторической «полуправды». «Специалисты» раскапывают самые ничтожные в прошлом конфликты между русскими и представителями других народов страны, замалчивая причины конфликтов или давая им лживую интерпретацию. Пионерами в этом направлении были большевики («Россия — тюрьма народов», где тюремщики — русские). «Демократы» пошли еще дальше — они не только поощряют шовинизм других народов, но и разжигают у них ненависть к русским. Политическая и социально-экономическая дискриминация в автономиях РФ, а то и прямое унижение там русских людей стали обычным явлением (ещё недавно на Северном Кавказе, Туве, Горном Алтае дело доходило и до резни русских). Искомый результат: русские чувствуют себя чужими в своей стране.

— Распространение мифа о «русском фашизме» с целью унижения русского народа и подавления его национального сопротивления разрушительной политике режима: «говорить о национальных интересах русского народа в многонациональной стране — это фашизм», «критиковать сионизм — это антисемитизм, а антисемитизм — это фашизм» и т.д. и т.п. Швыдкой в бытность свою министром культуры (ныне он спецпредставитель президента по международному культурному сотрудничеству и ведущий русофобских передач на канале «Культура») дошёл даже до прямого оскорбления русского народа, заявив с телеэкрана, что «русский фашизм

страшнее немецкого». Миф этот вызвал отторжение, поэтому с начала 2010-х годов «антифашисты» изменили тактику и переключились на борьбу с русским (и только с русским!) национализмом, подменив понятие «нацизм» («фашизм») понятием «национализм» — естественным чувством любви и преданности своему народу, свойственным людям любой нации. Здесь они в точности повторили большевиков, которые под предлогом борьбы с не существовавшим «русским великодержавным шовинизмом» отводили внимание общества от этнического состава большевистского руководства в 1920-е гг., в котором непропорционально огромную долю составляли инородцы, особенно евреи.

— Пропаганда «толерантности», т.е. терпимости к другим народам. Казалось бы, пропагандировать-то нечего, ибо терпимость (в т.ч. и веротерпимость) всегда было уникальным, неповторимым в мире качеством русского народа, под имперское крыло которого стремились попасть многие сопредельные народы. Цель, однако, преследуется совсем иная, а именно: навязывание терпимого, всепрощающего отношения к вызывающему поведению иноземцев и «своих» выходцев с Кавказа. Иными словами, целью является унижение и подавление русского национального достоинства. Не зря в народе родилась горькая шутка: «Когда русского бьют, и он в ответ улыбается — это толерантность, а когда он даёт сдачи — это экстремизм». Инородцы всё это видят, и их слова: «Скоро мы здесь будем хозяевами» — вовсе не досужие выдумки (автор лично их слышал на рынке от торговца из Средней Азии, сказанные русской покупательнице, которая возмутилась грубостью торговца).

— Умерщвление деревень и малых городов под предлогом их «бесперспективности», «нерентабельности». Начало этой «научно обоснованной» кампании положила ещё в советское время русофобствовавшая Заславская (академик), отлично зная, что именно деревни, сёла и сельские райцентры являются главными хранителями русской культуры, духовности и национальных традиций. Эти «хранилища» и продолжают целенаправленно уничтожать.

— Воспитание индивидуализма, стяжательства, жестокости через рекламу роскоши, демонстрацию фильмов ужасов, боевиков, «мыльных опер» и т.п., внедрение в массовое сознание тезиса: «Превыше всего — не интересы Отечества, а деньги, вещи, собственное благополучие». Цель проста: выкорчевать традиции общинности, разорвать внутринациональные связи, рассредоточить русских по индивидуальным ячейкам, атомизировать нацию. Правда, следует отдать

должное Кремлю, поддержавшему движение «Бессмертный полк», в котором по зову души участвуют миллионы русских людей и которое частично нейтрализует результаты названного «воспитания».

— Снижение образовательного и культурного уровня нации. Бывший министр образования Фурсенко (ныне помощник президента РФ) в 2011 г. без стеснения заявил: «Недостатком советской системы образования была попытка формирования Человека-творца, а сейчас наша задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя». Почти по Гитлеру: «Если русские будут уметь читать и писать, это может нам только повредить». Комментарии излишни.

— Пропаганда тезиса: «Русские — это не единая нация, а разные этносы, живущие в одной стране — казаки, сибиряки, поморы...» Цель этой пропаганды — расколоть нацию и подготовить её к разделению России на отдельные государства. Тезис пока слабо действует на русские мозги, однако среди казаков уже нашлись недалёкие люди, клонувшие на эту приманку.

— Пропаганда тезиса: «Русской нации вообще не существует, а русские представляют собой смесь славян, татаро-монголов, угро-финнов, поляков, немцев и прочих». Засим подспудно следует: «Да о каких русских национальных интересах вы печётесь, если такой нации вообще нет? Занимайтесь своими делами и не думайте о всякой ерунде». В качестве доказательства приводят Пушкина с 1/8 негритянской крови, Тургенева, фамилия которого имеет тюркское происхождение, Достоевского с 1/4 польской крови и т.д., и т.д. Расчёт здесь на незнание. Во-первых, ни одной чистокровной нации в мире нет (кроме некоторых экваториальных этносов, но это не нации, а первобытные племена, живущие в изолированном мире), а во-вторых, даже в фашистской Германии, известной своей «любовью» к евреям, граждан с 1/4 еврейской крови и с 3/4 немецкой считали немцами, а в Израиле евреями считают тех, у кого всего 1/2 еврейской крови (по матери), хотя бы они и воспитывались в православных традициях и росли в русской среде (вроде знаменитого микробиолога Мечникова или художника Серова).

— Вариант этого тезиса, озвученный на самом верху, — создание «российской нации». Цель ясна: заменить русских на «российских». И, видимо, не случайно из самых высокопоставленных уст почти никогда не звучит слово «русский». Советская власть уже начинала проводить подобный опыт, создавая «новую историческую общность — советский на-

род». При этом узбеки продолжали называть себя узбеками, якуты — якутами, латыши — латышами. Советскими называли себя лишь одни русские.

— Наконец, введение в УК статей 282 («Возбуждение ненависти либо вражды...») и 280 («Призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), по которым в подавляющем большинстве уголовному преследованию подвергались и подвергаются люди, открыто отстаивающие русские национальные интересы и разоблачающие происки русофобов (эти статьи справедливо назвали «русскими»). К этому следует добавить откровенную предвзятость правосудия, которое впору называть «левосудием». Цель очевидна: устранить наиболее активных русских патриотов и запугать остальных.

Мы привели лишь самый краткий перечень способов денационализации русского народа. Ещё недавно казалось, что запущенный *мировой закулисой* процесс идёт успешно, и русская «песенка спета». Однако массовые митинги протеста в 2010 и 2013 годах против произвола кавказцев, начавшиеся в Москве и прокатившиеся по всей стране, и особенно — мощный национальный подъём в 2014 году по случаю воссоединения Крыма с Россией вселили твёрдую уверенность: русская нация жива! Однако русским надо всё время оставаться начеку и помнить, что враги используют всё более и более изощрённые способы денационализации — превращение русской нации в безнациональное население России.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РУСОФОБИЯ В ЛАТВИИ

Государственная русофобия в Латвии — устойчивая стратегия, опирающаяся на поддержку большинства латышской нации и поощряемая странами Запада; изменить ее власть может только, если расшибет лоб о стену сопротивления русских.

Когда я говорю, что в Латвии осуществляется государственная политика русофобии, многие недоверчиво морщатся. Считают, что это пропагандистское преувеличение. И ладно бы так считали только россияне, которые вообще плохо понимают, что такое национализм, возведенный в ранг государственной доктрины. Многие местные русские тоже думают, что имеют место отдельные эксцессы, продиктованные сиюминутными интересами той или иной партии, а так, чтобы целенаправленная политика... нет, ну что вы!..

В фильме «Список Шиндлера» есть такой эпизод. На вечеринке, в присутствии немцев, любвеобильный Оскар Шиндлер целует еврейскую узницу. На него доносят, он оказывается в тюремной камере. Влиятельные немецкие друзья выручают Шиндлера. И один из них укоризненно говорит ему: «Оскар, поймите, это не старый добрый антисемитизм, это — политика».

РУССКИЙ ВОПРОС

То, что происходит в Латвии, — это не мелкая бытовая неприязнь к русским (в повседневной жизни она вообще слабо ощущается), а государственная политика. Цель которой — ликвидировать русское сообщество Латвии как таковое. Русским предлагается на выбор два варианта — либо согласиться на латышизацию детей, либо покинуть страну.

Государственная русофобия реализуется через законодотворчество: поправки к закону об образовании, запрет советских символов, приравнивание сотрудничества с Россией к антигосударственной деятельности («шпионаж-лайт»), проект по демонтажу памятника Освободителям и еще сотни решений помельче, на каждом из которых даже нет возможности фиксировать внимание. Ну и, конечно, венец всего этого законодотворчества — преамбула к Конституции, по сути, легализовавшая принцип «Латвия для латышей».

В связи с этим возникают три вопроса. На них следует честно ответить, чтобы не плавать в иллюзиях, а видеть жизнь такой, какая она есть на самом деле.

Вопрос первый. Является ли государственная русофобия сиюминутной ответной реакцией на политику России или мы имеем дело с устойчивой стратегией, на которую те или иные шаги российского руководства существенного влияния не оказывают?

Правильный ответ: мы имеем дело со стратегией. Политика латвийского государства в отношении русского меньшинства принципиально не менялась ни при одном из поворотов российской внешней политики. Она была одной и той же при Ельцине, Примакове, «раннем» Путине (до мюнхенской речи 2007 года), при нём же «позднем», до возвращения Россией Крыма и после.

Менялась лишь риторика — в зависимости от конъюнктуры. Например, в «докрымский» период главным аргументом в пользу антирусской политики была несчастная судьба латышской нации, которой якобы грозит исчезновение, если число русских в Латвии не убавится. В «посткрымский» период ту же самую политику стало выгоднее объяснять интересами национальной безопасности и «российской угрозой». Информационное сопровождение меняется, но стратегия остается прежней.

Вопрос второй. Является ли государственная русофобия сугубо верхушечным, «элитарным» проектом или она опирается на массовую и стабильную поддержку латышской нации?

Правильный ответ: опирается на поддержку большинства латышской нации. Предполагаю, что такой ответ многим не понравится. Людям хочется жить в состоянии хотя бы относительного эмоционального комфорта. Хочется верить, что всё зло исходит от кучки зажавшихся негодяев в правительстве, а простые латыши тут не при чем.

Между тем, результаты выборов во все органы власти, референдума за русский язык в качестве второго государственного, регулярные социологические опросы — со всей ясностью доказывают: подавляющее большинство латышского народа антирусскую политику властей поддерживают. Исключения есть, но их мало, они распылены и политической силы не представляют.

Тот факт, что на бытовом уровне отношения между русскими и латышами достаточно спокойные, с политической точки зрения не значит ровным счетом ничего.

Вопрос третий. Является ли государственная русофобия самостоятельной политикой Латвии или она инспирируется из-за рубежа?

Правильный ответ: антирусская политика реализуется по собственной воле латвийских властей, но при поощрении западных государств и, прежде всего, США. Американцам нет дела до русских школ и памятника Освободителям, но им важно, чтобы к власти в Латвии не пришло пророссийское правительство. Поддержка с их стороны латышского национализма — гарантия, что этого не произойдет.

Такой ответ тоже может многим не понравиться — по той же причине, что и предыдущий. Русским людям хочется верить, что соседи-латыши голосуют за антирусские законы не по своей воле, а из-под американской палки. Палка, конечно, присутствует, но задача того, кто ее держит, — не допустить выхода страны из американской сферы влияния. А в благодарность за верность — делайте со своими русскими что хотите.

Такова реальная ситуация. Ее нельзя изменить с помощью моральных увещеваний и рациональных доводов. Чтобы повлиять на массовое сознание, надо иметь в своем распоряжении как минимум несколько телеканалов и радиостанций, ежедневно вещающих на латышском языке, десятки интернет-порталов, пару книгоиздательств, административные рычаги влияния на школу и прочие нереальные вещи.

Единственный путь, который ничего не гарантирует, но, по крайней мере, дает шанс, — это ужесточение нашего сопротивления государственной русофобии. «Побеждает наименее толерантный» (формулировка американского экономиста Талеба). Только если власть уткнется в непробиваемую стену, расшибет об нее лоб, до нее, наконец, дойдет, что «латышская Латвия» — она же «Латвия без русских» — это недостижимая утопия, от которой следует отказаться. Только в этом случае в латышской политической среде могут появиться лидеры, которые скажут своему избирателю: хватит воевать с русскими, пора договариваться.

«Спутник»

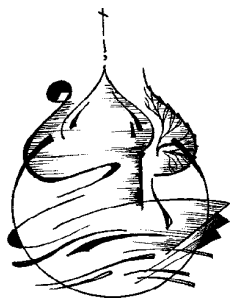
ОТКРЫВШИЙ «ВНУТРЕННЕГО ВРАГА»

Основные труды Игоря Ростиславовича Шафаревича (3.06.1923 — 19.02.2017) были посвящены алгебре и теории чисел, он считается основоположником советской школы алгебраической геометрии. Одновременно Шафаревич был ярким православным мыслителем, который оставил заметный след в истории русской патриотической мысли.

Игорь Ростиславович Шафаревич родился в 1923 году в Житомире, в семье университетского преподавателя теоретической механики, которая довольно скоро переехала в Москву. Еще школьником он увлекся математикой.

«Математика меня поразила каким-то чувством необыкновенной красоты, довольно скрытной, — вспоминал он позже. — Один величайший математик написал даже на эту тему книгу: что в математике есть некая красота конструкции, которую если не почувствовать, то этого всего не усвоить. И это такое же эстетическое чувство, как в музыке, рисовании».

Уже в девятом классе Игорь Шафаревич написал свои первые работы по теории

ПОДВИЖНИКИ

чисел. Ознакомившись с ними, математик Борис Делоне посоветовал мальчику поступать на мехмат МГУ. Закончив школу в 1940 году, подросток сдал экзамены экстерном и был зачислен сразу на последний курс. В 17 лет он окончил МГУ, в 19 — защитил кандидатскую диссертацию, в 24 — докторскую. С 1944 года Шафаревич начал преподавать на механико-математическом факультете МГУ, с 1946-го работал в Математическом институте имени В.А. Стеклова Академии наук СССР. В 1958 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, в следующем году получил Ленинскую премию по математике за открытие общего закона взаимности и решение обратной задачи теории Галуа.

В 1977 году во Франции вышла книга Игоря Шафаревича «Социализм как явление мировой истории». Примерно в то же время он написал свою знаменитую «Русофобию». Появившись в самиздате в 1983 году, она была раскритикована большинством советских диссидентов, в том числе Андреем Сахаровым. Математика обвинили в антисемитизме. Совет Американского математического общества выступил с осуждением «антисемитских работ Игоря Шафаревича». Национальная академия наук США, у которой не существует процедуры исключения членов, обратилась к нему с просьбой добровольно покинуть организацию. Более 400 математиков опубликовали открытое обращение к ученому с требованием пересмотреть изложенную в работе позицию.

В декабре 1991 года Шафаревич был избран академиком РАН по секции математики, механики, информатики. С начала 1990-х стал участвовать в работе разнообразных патриотических организаций и в итоге — принял решение сосредоточиться на литературной и публицистической работе.

В 2003 году он подписал обращение деятелей науки и культуры «В связи с организацией кощунственной выставки в центре Сахарова», осуждающее выставку «Осторожно, религия!» В том же году вышел из Академии наук США, протестуя против войны в Ираке.

Важно отметить, что Игорь Ростиславович был православным человеком, который в своих трудах с присущей ему основательностью отстаивал традиционные ценности России. Его книги, вскрывающие истоки самых трагических событий нашей современной истории, вошли в золотой фонд Русского национального наследия.

В одной статье всё творчество Шафаревича охватить невозможно. Поэтому для того, чтобы показать, насколько актуальны сегодня его работы, остановлюсь только на самой известной книге — «Русофобия».

Россия дважды за XX век переживала катастрофу, ставившую под вопрос само существование страны и русской на-

ции. Причем оба раза в результате удара не извне, а изнутри — от внутреннего, а не от внешнего врага. Книга «Русофобия» и посвящена изучению природы тех сил, которые борются не за преобладание в обществе, не за ту или иную линию развития страны, а ведут борьбу на уничтожение нации, ее культуры и государственности. В ней дано наиболее полное и целостное изложение теории «Малого народа», раскрывающей причины появления такого общественного слоя, его свойства и характер воздействия на окружающую жизнь. (Сам термин «Малый народ» в научный оборот ввел французский историк Огюстен Кошен, описавший аналогичное русофобии явление во французской жизни XVIII в.)

«Фундаментальное свойство Малого народа, которое иногда пропагандируется, чтобы привлечь сторонников, а иногда скрывается, яростно отрицается как страшная тайна всей концепции, а именно — что единственной движущей силой любого Малого народа является стремление к уничтожению и ненависть к существующей жизни», — пишет Шафаревич.

Ученый на огромном фактическом материале всемирной истории показывает, как чувство ненависти к окружающему миру в целом или к стране проживания и своему народу рождает мощные социальные силы разрушения, определяет их неизменные черты независимо от времени и места действия.

Открытие Шафаревичем родовых свойств «внутреннего врага» позволило ему доказать, что в истории России и большевики с коммунистическими лозунгами, и либералы с антикоммунистическими — две формы проявления Малого народа: *«Совершенно несомненно, что переворот 1917 года был подготовлен и произведен возникшим тогда Малым народом. <...> Большевизм составлял наиболее радикальное течение тогдашнего Малого народа. Он и пришел к власти в 1917 году. Но вот в 1991 году мы видим новый переворот. Т.е. собственно «Русофобия» и была написана в предчувствии того, что готовится какой-то новый переворот и образуется какой-то новый Малый народ. Это и был как раз тот новый вариант Малого народа, о котором я писал в работе. Он подготовил, и он же осуществил переворот 1991—1993 годов, и под его властью мы живем до сих пор».*

По образному выражению Шафаревича, при этих переворотах менялся лишь солист, исполнявший одну и ту же мелодию. В то время как народу преподносилась борьба «двух антагонистов, двух путей, друг друга принципиально исключających»: капитализма с социализмом. Неизменным оставалось одно — ненависть к России и всему русскому, т.е. — русофобия: *«Если отжать основное ядро литературы современного «Малого Народа», попытаться свести ее идеи к не-*

скольким мыслям, то мы получим столь знакомую концепцию «проклятого прошлого», России — «тюрьмы народов»; утверждение, что все наши сегодняшние беды объясняются «перехитками», «родимыми пятнами» — правда, не капитализма, но «русского мессианизма» или «русского деспотизма», даже «дьявола русской тирании». Зато «великодержавный шовинизм» как главная опасность — это буквально сохранено».

Важнейшим вкладом в исследование общественных процессов, связанных с деятельностью Малого народа, было открытие Шафаревичем явления неформализованного заговора: «Представьте себе группу людей, действующих целенаправленно, тесно согласованно, но не потому, что они об этом договорились, без единого штаба или центра, а на основании каких-то других координирующих механизмов» («Шестая монархия»).

Теория Малого народа сразу после публикации «Русофобии» вызвала волну возмущения «передовой общественности», шквал публикаций на Западе, а после 1991 года — и в России. Библиография откликов на «Русофобию» колоссальна. Но что интересно, в них практически никогда не обсуждается сама теория. И это понятно: по установленным в современном западном мире правилам каждый автор, если не хочет оказаться на обочине жизни, должен не сомневаться — никакого внутреннего врага нет, потому что его не может быть никогда по определению. Табу есть табу. Но и оставить без ответа теорию Шафаревича Малый народ никак не мог. Поэтому главная, если не единственная, тема всех этих откликов — обвинения Шафаревича в антисемитизме. Якобы под Малым народом он имел в виду евреев. Такие обвинения у Игоря Ростиславовича всегда вызывали недоумение: «Некоторые читатели приняли термин в излишне четко этническом смысле, то есть сочли это эвфемизмом, иначе говоря, решили, что я не рискую назвать имя «еврей», а намекаю на их роль вот таким окольным путем. <...> В работе взаимоотношение этих двух понятий явно обсуждалось, и когда речь шла именно о еврейском влиянии, я так четко и писал, не прикрываясь никакими иными терминами». В «Русофобии» этот вопрос действительно раскрыт всесторонне, и всякий добросовестный читатель может в том убедиться.

Продолжая тему, уже в 2007 году мыслитель раскрыл «ахиллесову пятю» Малого народа, объяснил, что его появление при всей опасности не является смертным приговором для нации: «Малый народ часто побеждает и приходит к власти. Власть оказывается в руках его представителей, революционеров, профессионалов-разрушителей. Но они действуют в многомиллионной стране, у жителей которой основная цель — не уничтожить, а как-то жить, воспитывать своих детей

так, чтобы они, в свою очередь, тоже могли бы жить. В результате представители Большого народа постепенно выходят из своего подчиненного положения. Даже в правящем слое они в значительной степени занимают места революционеров, совершивших переворот. Т.е. оказывается, что правящий слой слишком обширен, и одними революционерами, совершившими переворот, он заполнен быть не может. Часто эти выходцы из Большого народа, которые туда проникают, чтобы стать своими людьми в среде Малого народа, должны использовать или хотя бы провозглашать его взгляды. Но по своему происхождению они отражают жизненные интересы всего народа».

Шкурники и приспособленцы, а также романтики, искренне поверившие в декларируемые Малым народом светлые идеалы, постепенно национализируют новый правящий слой. В результате вместо тотального разрушения начинается процесс созидания. Однако из этого вовсе не следует, что никакой опасности нет и что всё само по себе рассасывается.

Для сохранения своего положения во власти представители Большого народа должны играть по правилам, установленным Малым народом, а значит — отрицать свои национальные ценности и традиции, созидать на песке, строить общество без корней: «Малый народ всегда формирует общество, не опирающееся на традиции, выработанные историей, даже общество, враждебное им, как бы пирамиду, поставленную на вершину, то есть неустойчивое общество, подверженное кризису».

Соответственно, в таком обществе, отрезанном от духовных корней, при очередном кризисе Малый народ, оттесненный от власти, как всегда, выступая за самые радикальные способы решения проблем, может вновь возглавить социальный протест и под ликующие крики толпы опять начать крушить всё «до основания».

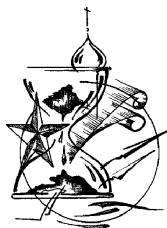
Наглядный тому пример дает наша история XX века: утрата Малым народом позиций в СССР, начиная с 30-х годов, кризис советской системы в 80-е и новое торжество Малого народа в 90-е. Произшедшая при этом смена знамен и лозунгов на прямо противоположные для Малого народа была непринципиальна — разрушению ненавидимой им России и всего русского это не препятствовало.

...Сможем ли мы в третий раз не наступить на те же грабли и не превратиться в материал для новоявленных «благодетелей», будет зависеть только от нас самих. Необходимым для принятия правильных решений знанием Игорь Ростиславович Шафаревич нас вооружил.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИЛИ ТИХАЯ ОККУПАЦИЯ

Наша миграционная политика в рекламе не нуждается. Она делается без шума и пыли. Многие эксперты не раз заявляли, что России не требуются мигранты и что страна разрушается под воздействием больших миграционных потоков. Однако мигранты всё равно едут. Точнее, их везут.

И вокруг мигрантов появляются люди, которые оказывают им услуги. Не так давно на рынке миграционных потоков возникло явление, называемое аутстаффингом. В рекламе сказано так: «Аутстаффинг — вывод части сотрудников вашей компании за штат и оформление их в штат нашей компании. При этом сотрудники продолжают работать на прежнем месте и выполнять свои обязанности, но обязанности работодателя по отношению к ним выполняет уже наша компания». Или вот еще: «Выведем персонал за штат, решим кадровые, миграционные и зарплатные вопросы». И еще: «Оформим в штат, возьмем на себя все заботы: зарплату, учет, документы. Звоните сейчас! Любая отрасль. Снижение расходов». Или так: «Аутстаффинг от 1500р. за сотрудника! Решение проблем с УФС. Полный комплекс услуг. Несем всю ответственность. Вы сохраняете УСН».

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Теперь появляются организации, созданные людьми, которые вообще мало что понимают в миграционной политике и не охвачены высокими мыслями о национальной безопасности России. Оборотистые ребята, которые просто прилеплены к купюрам. Аутстаффинг в сфере миграции — это очень просто. Это фирмочка, которая устраивает к себе в штат прибывающих к нам гостей из других стран. И фирмочка как бы берет всех этих гостей под свою крышу и заботу, имея при этом связи и даже тихое попечение в ФМС. Самих гостей фирмочка «сдает» на временное пользование каким-либо предприятиям, нуждающимся в рабочих руках.

Вот рассуждают в студии одного из московских радиоканалов два молодых человека, которые занялись аутстаффингом. «Вася из тверской деревни желает переехать в Москву. Но ничего здесь не знает и боится, что его обманут. Но тут появляемся мы, обеспечиваем Васе хостел и работу в автомобильной или подсобным рабочим на складе» — так примерно рисуют портрет своих клиентов и заботу о них московские дельцы, скупающие добровольных рабов. Они, эти дельцы, даже утверждают, что помогают людям устроиться в Москве за небольшую плату. Москвич, мол, лучше пойдёт «бумажки в офисе переключать», а Вася из тверской деревни готов мыть грязные машины, лишь бы жить в столице. Так совершенно серьезно рассуждают молодые «аутстафферы». Условный Вася, о котором говорили на московском радио, — это внутренний вынужденный мигрант. Он вынужденный, потому что деревня его, благодаря государственной политике в сельском хозяйстве, разрушена. И в этой деревне для молодого человека нет работы. Но в то же время, сам этот молодой человек, как и многие, — жертва рекламы нового выдуманного образа жизни. Ради огней большого города он готов продаваться в рабство с потрохами.

Внутри России уже десятки лет происходит стягивание людей с земли в крупные города. Особенно мощными социальными насосами в стране стали Санкт-Петербург и Москва. Чтобы дышать московскими выхлопными газами и умирать от сердечных приступов в душном и переполненном метро, люди не жалеют жизни. Люди рвутся в Москву. Рвутся, чтобы месить грязный снег в унылых спальных районах и вместо среднерусских равнин или дальневосточных сопкок созерцать бетонные небоскребы на горизонте.

И пока, увлечённые рекламой, мы едем за туманом и за запахом большого столичного города, наши земли занимают другие люди. И этому способствует наша миграционная политика, построенная на искажении научных доводов, на ис-

кажении реальной миграционной картины и реальной социальной и экономической ситуации в стране. Наша миграционная политика разработана вопреки требованиям государственной безопасности России. Массовая миграция криминальна по определению — это научный факт. Статистика показывает, что большая часть преступлений совершается в миграционной среде. Не потому, что там одни преступники, а потому что такова сама миграционная среда. Но мы руководствуемся интересами международного бизнеса. Мы говорим, что «стране нужны рабочие руки». И это вранье. Стране нужен её народ. Не руки этого народа, а сам народ со своей культурой, наукой, историей. **Концепция миграционной политики России ненаучна в своей основе.** Она построена на ложных утверждениях, однобока в подходе к решению государственных задач. Эта концепция направлена на приток мигрантов в Россию. И такая направленность определяется якобы тем, что наша экономика и демография в них нуждаются... Но как может укрепляться демографический потенциал, например, русского народа за счёт демографического потенциала, например, таджикского народа? Это совершенно разные потенциалы, их не нужно смешивать — будут разрушаться оба народа.

И разве можно рассматривать человека через призму его экономической пригодности? Где же правозащитники? Человек — это не приложение к станкам и оборудованию. Человек — это образ и подобие Бога. Кто позволил рассматривать людей, как «рабсилу»?

Но об этом мало кто думает. И сами мигранты, «рабочие руки», об этом не размышляют. Они просто едут туда, где заплатят. Какое там человеческое достоинство? Нас так воспитали. «Кушать надо». «Кушать» — это главная идея нового мирового порядка, в котором нет ничего нового. В новом мировом порядке есть рабы и есть рабовладельцы. И всё. И всё это старо как мир.

Зачем операторам мировых процессов нужны мигранты? Чтобы всех смешать, перемешать и превратить в рабов. Мировым операторам нужны ресурсы, чтобы «жить вечно на земле». Им нужны очень ресурсные и многоземельные Сибирь и Дальний Восток. Там много ресурсов, их надо добывать, куда-то вывозить. Нужны для этого «рабочие руки». То есть рабы. Но одно дело — вас насильно заковывают в цепи и увозят на корабле куда-нибудь в Америку. Другое дело — вы добровольно отправляетесь к своему хозяину, рабовладельцу. Аутстаффинг — способ более эффективно обеспечивать рабовладельца рабами.

Дальневосточные СМИ весной 2019 года сообщали: «Единственное в крае (Приморском. — И.Р.) частное агентство занятости «Трудовые ресурсы» заключило еще два эксклюзивных договора о сотрудничестве с лицензированными агентствами занятости Узбекистана в области организованного набора трудовых мигрантов. В прошлом году аналогичное Соглашение было подписано с Министерством занятости и трудовых отношений Узбекистана».

Частное агентство в Приморье берет на себя обязанности завоза мигрантов в край, их обустройство и оформление всех бумаг. И уже это частное агентство предоставляет мигранта какому-либо предприятию. Какое-либо предприятие изначально может делать заказ агентству на мигрантов. И агентство привезёт, оформит и выдаст столько, сколько нужно. Ну чем не работоторговля? Всё законно, цивилизованно.

Но речь уже даже не о временных мигрантах. Не о тех людях, которые приедут и уедут. В Приморье частное агентство реализует программу «Сегодня мигрант — завтра дальневосточник». И всё это при поддержке государственной власти, за счёт президентских грантов.

Несколько месяцев назад во Владивостоке открылось генконсульство Узбекистана. В Приморье огромное число мигрантов из Средней Азии. Они заехали в массовом порядке еще во время больших строек саммита АТЭС в 2012 году. Сотни тысяч человек, большая часть из которых осталась на Дальнем Востоке. Вчера мигрант — сегодня дальневосточник. В основном эти люди сегодня заняты торговлей. Они пополняют приморские рынки. Какая-то часть, так же как везде, трудится на низкоквалифицированных позициях.

Люди, занимающиеся при господдержке аутстаффингом в Приморье, стремятся к тому, чтобы проводить оргнаборы мигрантов, в первую очередь из Узбекистана. И у них уже заключён договор с органами власти Узбекистана. Узбекские политики и бизнесмены решают свои экономические вопросы, отправляя «рабочие руки» в другую страну. Наши политики и бизнесмены тоже решают свои вопросы, покупая «рабсилу» из Узбекистана. Причём здесь Россия? Причём здесь Узбекистан? Просто некие группы лиц занимаются покупкой и продажей рабсилы ради своих интересов.

Фирмочки и центры, которые теперь берут себе в штат мигрантов, — это необходимый сервис в криминальной, по своей сути, среде работоторговли.

Почему-то эти люди, которые заняты в сфере продаж рабочей силы, считают себя умнее других. И объясняют нам, что проблема в том, что мы сами не хотим работать подсобными

рабочими, мыть автомобили, разгружать фуры, подметать улицы... Да враньё всё это. Попробуй, устройся в Москве дворником. Не возьмут, потому что эта сфера плотно занята мигрантами. Точнее, теми, кто устраивает туда мигрантов.

— Ах, вы против мигрантов! Да вы мигрантофоб! Вы вообще расист! — такие истеричные заявления делают те, кто стоит на страже интересов крупных олигархических групп, заинтересованных в массовой переброске рабсилы. На самом деле эти мнимые правозащитники в миграционной сфере очень плохо относятся к людям. Они способствуют унижению человеческого достоинства тех, кто из гражданина своей страны превращается в «рабочую силу».

Сейчас из граждан других стран пытаются сделать граждан России. *«По окончании курса слушатели получают специальные сертификаты и брошюры-путеводители на узбекском языке — «От мигранта к дальневосточнику». Уникальная авторская брошюра, разработанная Центром профессиональной подготовки, содержит самые необходимые, жизненно важные советы на каждый день: как правильно обратиться к знакомым и незнакомым людям, как сориентироваться в городе, где получить патент на работу, как найти жильё, где располагаются национальные общественные организации»* — это предложения от тех, кто занимается аутстаффингом, «оргнабором» мигрантов в Приморье. Небольшой курс в течение нескольких месяцев и брошюрка на узбекском — и «вчера мигрант — сегодня дальневосточник». По статистике, Приморье покидают до 15 тысяч человек в год. Сейчас уже меньше, потому что очень много народу выехало. Но в целом можно даже увидеть прибыль населения на Дальнем Востоке. Как так? А это благодаря мигрантам.

Активные отечественные прощелыги становятся проводниками, агентами других стран по внедрению жителей иных государств в Россию. И, может быть, кто-то из них всерьёз думает, что делает доброе дело, помогает людям.

Очень много лжи в этой миграционной политике. Ложь о том, что нам нужны люди из других стран. Ложь о том, что наша экономика в них очень нуждается. Ложь о том, что мы сами не хотим работать и что за нас будут работать другие люди. За нас никто работать не будет. И мы, и мигранты все будем пахать на заводах нового мирового порядка. Уже большинство пашет. Чтобы на кусок хлеба и новый смартфон заработать. Без пенсий и льгот в перспективе.

А чтобы мы не очень отвлекались на такие вопросы, как, например, тихая оккупация Дальнего Востока иными государствами, сосредоточимся на каком-нибудь интернет-

скандале. Все эти провокации, заранее срежиссированные, выводят на поверхность ради новых героев-однодневок. Героев, которые продвигаются через СМИ, раскручиваются во всех ютубах-инстаграмах, становятся потом депутатами или губернаторами и после куда-то сливаются за ненадобностью. И всё это для отвода глаз, для отвлечения внимания. Можно отвлечь внимание показом кошунственного фильма на экране. А можно с головой погрузить человека в водоворот заранее смоделированных процессов. Социальные сценаристы пишут сценарии для стран, городов и сел. И режиссёры снимают фильмы, где мы поневоле становимся актёрами. Сейчас всё больше возможностей вовлечь нас в придуманную кем-то жизнь. Телевидение, интернет, наружная реклама... Социологи долго и внимательно изучали общество. Западные социологи большей частью изучали общество на предмет того, как из него побольше отжать голосов на выборах, трудовых усилий на предприятиях, потребительских порывов на рынке товаров и услуг. Теперь, когда эти знания об обществе получены, когда невиданных высот достигло дьявольское искусство маркетинга, человечество почти готово к самоуничтожению.

Психика большинства людей уже соединена с центрами управления рекламными потоками. Если вы имеете достаточный капитал, то можете стать небольшим центром управления рекламой. Вы можете прорекламирровать воздух в пластиковой бутылочке. Если у вас достаточно средств, то у вас будут покупать этот воздух.

Кто бы стал слушать песни Шнура? Мало кто. Но сам воздух, из которого появился Шнур, был разрекламирован и востребован оболваненными гражданами. Атмосфера Шнура... Наше общество и даже Госдума пребывают в атмосфере Шнура. И постепенно с каждым годом эта атмосфера в стране становится всё более зловонной и концентрированной. А Шнур всё более востребованным...

И всё это для отвода глаз, чтобы мы ничего не поняли и не успели заметить, как из-под нас страну увели. Мы болтаемся в атмосфере Шнура, плаваем там, задыхаемся, захлёбываемся. А страна уходит. Тихо уходит. Мы уходим в одну сторону, Россия — в другую.

Мы уезжаем с Дальнего Востока: в Москву едем, в Питер — к Шнуру поближе, чтобы подышать атмосферой Шнура. Оставляем свои просторы.

И что же делать? Грустить и плакать? Нет. Менять свою жизнь. Каждому русскому человеку надо стать русским. Стать православным человеком. Русский — это и есть православный. И достоинство в нас появится. Своё призвание почув-

ствуем. Проснёмся. А когда проснёмся, протрезвеем и увидим, что на самом деле вокруг происходит. Но увидеть — это мало. Надо еще суметь разорвать шнуры, которыми Россию стянули и стягивают еще туже. Была бы воля к тому, чтобы порвать эти шнуры. И Господь в этом поможет. Нужна наша воля в устремлённости к Богу, к спасению России и своей души. Нужна воля всего народа и каждого из нас. И Господь ждёт, когда же мы свою волю к спасению Руси проявим.

Владимир ЛАКТЮШИН

«НАМ НАДО ЗАХВАТИТЬ МОСКВУ!»

Около года назад я опубликовал статью «Националисты, исламисты и коммунисты — против русских в Поволжье», посвященную борьбе русских за право обучаться на родном языке и сопротивлении этому со стороны правящей этнократии в поволжских республиках. В той статье я упомянул по касательной о таком моменте: *«Вы, например, слышали что-нибудь про «татарский штаб в Москве»? А он есть, о чём сообщает сайт Islamnews.ru: «30 мая (2018-го. — Авт.) в помещении «Штаба» татар в Москве по инициативе руководителя Фонда развития мусульманских народов Гаяра Искандярова состоялся ифтар с участием представителей татарских национально-культурных автономий из разных округов Москвы и общественных деятелей, представляющих различные татарские и исламские организации... Руководитель татарского «Штаба» Рустэм Ямалеев рассказал о деятельности своей организации. В прошлом, комсомольский работник, он давно уже занимается бизнесом в Москве... Как рассказал собравшимся Ямалеев, попав впервые 20 лет назад в Москву, он столкнулся с равнодушием и непониманием по отношению к судьбе татарского народа. Бывший первый секретарь Татарстанского обкома партии Фикрят Табеев, также обосновавшийся в Москве, подсказал ему идею собрать вокруг себя молодых татар, и тогда появился проект «Клуб 16», впоследствии трансформировавшийся в татарский «Штаб».*

Позже эта тема меня заинтересовала после появления в казанском издании «Бизнес Online» интервью упомянутого

выше главы московского «штаба татар» Ямалеева, вышедшего 27 января этого года. Ямалеев вспоминает: *«Табеев прописал для нас идеологию. Он 20 лет руководил республикой, практически создал ее, сформировал экономический потенциал... У него главный акцент был на кадровой политике в Москве, чтобы выходцы из Татарстана добивались большего. Он говорил: «Нам надо захватить Москву! Она должна быть наша! Я самый главный татарин!» Такое напутствие он давал нам на каждой встрече. Люди после встречи уходили воодушевленные».*

И еще о заветах основателя «штаба татар»: «Табеев хотел, чтобы выходцы из Татарстана были единой монолитной армией из врачей, силовиков, экономистов, банкиров, которые осваивают Москву. Его слова: «Я, главный татарин, Москву вам отдаю. Она ваша».

Почему-то всё исключительно в военных терминах — у Табеева призывы «захватить Москву», а для этого нужна «единая монолитная армия» из его земляков, дальше Ямалеев говорит, что сейчас он «воюет» в столице за татар, и что воспитанные им в «штабе» молодые кадры «будут решать национальные вопросы, помогать землякам и завоевывать Москву» и т.д., и т.п.

«Тем не менее мы хоть и на военном положении, но...», — говорит Ямалеев. И через некоторое время продолжает: «Военная терминология после языкового кризиса (когда в 2017 году после заявления Владимира Путина прокуратура заставила Татарстан отменить обязательное преподавание татарского в школах. — **Авт.**) стала ещё необходимее, её актуальность повысилась, потому что сейчас с каждым годом у нас всё больше проблем».

Что же собой представляет «штаб татар Москвы» сейчас? «Вы не поощряете браки между русскими и татарами?» — сочувственно интересуется у него казанский журналист. Ямалеев отнюдь не отрицает, рассказывая, какая ведется деятельность в этом направлении, потому что «молодые люди влюбляются, женятся, замуж выходят, а практически всегда в таких смешанных семьях дети уже не татары».

В самом Татарстане националисты давно выступают против межнациональных браков. Прочитав подборку цитат их видных представителей, опубликованную в 2016 году либеральной «Независимой газетой»: *«Среди прочего татарские националисты много лет озабочены проблемой межнациональных браков. «Чего нам не хватает? Мы сами сделали себе соседом нехаляльных (чуждых исламу. — «НГ») людей, пустив их через чувашей, мари, удмуртов, — объяснял Айдар Халим на вышеупомянутом собрании, посвященном исламскому празднику. — Мы сделали недозволенное по халялю... Пять веков клали русскую на постель... Татарская нация не остановится смешиваться с рус-*

ской, если мы не ляжем на порог против сегодняшних смешанных браков, говоря: «Нет, ребенок мой, согласия не даю». В тексте его книги «Убить империю», не раз опубликованной в Интернете, есть и такие пассажи: «Татарско-русский смешанный брак достоин осуждения как рассадник безнравственности... Благодаря этому поистине позорному, как татаро-русские браки, явлению, распространенному в Татарстане, происходит чудовищная люмпенизация татарской нации. Дело в том, что в природе существует закон естественного отбора, спаривания особей — высшего с высшим, низшего с низшим из родов... Закон естества нарушается». В свою очередь, Байрамова в нашушевшей в свое время статье «Настоящий татарин испытывается на площади», опубликованной 12 октября 1991 года в газете «Шахри Казан», заявляла: «Разве татарин, имеющий гордость, смешает свою родословную со своими врагами?»

Пойдем дальше. «Вы приходите в «штаб», и у вас за один день становятся знакомыми татары-милиционеры, юристы, врачи, экономисты», — рассказывает Ямалеев. Часть этой работы остаётся, по его словам, скрытой от посторонних: «VIPы и представители силовых структур не хотели себя афишировать... Мы для них проводим закрытые собрания».

Оказывается, при «штабе татар» уже около 15 лет действует «офицерское собрание» из действующих силовиков. Собирается оно раз в месяц, состоит там около 150 человек. «Мы выходцам из Татарстана, которые уже работают в силовых структурах Москвы, всегда объясняем...», — описывает свою идеологическую роль Ямалеев. И у них множество планов: «Планируем сделать татарский поселок в Подмоскowie с татарской школой, клубом и садиком». Вспоминается и сообщенная Ямалеевым информация о том, что при «штабе татар Москвы» действует целый закрытый клуб для видных столичных силовиков и чиновников...

Уже не приходится удивляться, что занятые дежурной борьбой против «русского национализма» так называемые правозащитники не обращают внимания на открытую пропаганду против межнациональных браков или на объединение силовиков по национальному признаку в закрытые «офицерские клубы», или на планы создания поселков в Подмоскowie по национальному признаку, озвученные «штабом татар Москвы». А ведь любая из подобных идей, будучи лишь высказанная русскими националистами, сразу же стала бы поводом для скандала в СМИ, истерики грантоедов-либералов, уголовного и административного преследования... Такие вот у нас двойные стандарты.

Русская народная линия

КТО ВИНОВЕН В ЖЕРТВАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ?

Либеральный литератор Елена Чижова громогласно объявила в швейцарской газете, что, помимо Гитлера, в гибели сотен тысяч жителей Ленинграда виновен Сталин. Что ж, благодаря знаменитому докладу Хрущева в 1956 г. на XX съезде КПСС Сталин стал исчадием ада, самым великим злодеем в СССР. Если бы тот же Хрущев пожелал дезавуировать Ленина (Брестский мир, деньги кайзера, волонтаристский «военный коммунизм» и массовые репрессии в тот период, расстрелы заложников, линчевание «буржуев» на улицах, НЭП как «отход» от марксизма и т.д.), он сделал бы это не менее успешно. Такова, увы, революционная публика. Ведь был потрясающий культ вождя Победы, почитание миллионон, и всё сгинуло в одночасье после хрущевского доклада.

В политлагерях Мордовии я встретил одного-единственного коммуниста, секретаря райкома КПСС, который публично осудил хулу Хрущева на Сталина и был за это арестован, получил, помнится, лет пять лишения свободы в лагере строгого режима. Других смелых не нашлось. И уж никто не возражал самому Иосифу Виссарионовичу по поводу его публичной критики антирусских взглядов Фридриха Энгельса. А в 1956 году — после доклада — наши доктора наук соревновались между собой в поношении Сталина за то, что он «отошел» от ленинской оценки Русско-японской войны 1904—1905 гг. Т.е. за то, что Сталин стоял на патриотических позициях и, в отличие от Ленина, не выступал за поражение царской России.

Хрущев сам по горло повинен в крови ежовского террора, он всё время требовал от Кремля больших квот на репрессии. Сталин даже не выдержал: «Уймись, дурак!» Додумался он обвинить Сталина в убийстве преданного вождю Кирова. Хрущев прославился еще Берлинской стеной, кубинским или ракетным кризисом, когда чуть не столкнул мир к мировой

войне. А сегодня этот корифей с 4-мя классами начальной школы оставил нам в наследство проблему Крыма, подарив по дурусти русскоязычный полуостров партлайтерам Киева. Поистине промыслительный вредитель. Сегодня никакая Собчак не вякала бы о принадлежности Крыма, не случись дурусти Хрущева.

Почему мы все забываем преступный Февраль 1917-го? Германская платная агентура, шпана, революционеры (анархисты, большевики, эсеры) учинили в Петрограде массовые беспорядки на почве **кажушейся** нехватки хлеба. Это в 1941 г. ленинградцам давали 250 грамм хлеба в день (неработающим иждивенцам — 125 грамм), а в 1917, на 4-й год большой Войны, хлеба хватало. В отличие от других воюющих государств у нас не было карточек. Хлеб в столице был, но по ряду причин (задержка с подвозом из-за снежных метелей и разгильдяйства омасоненных чиновников) появились очереди, по тогдашней лексике — «хвосты». Приходилось долго стоять в очереди за хлебом. Шпана стала бить стекла, грабить булочные, магазины, лавки. Дошло до драк с полицией, до убийства полицейских. Огонь, если его не погасить вовремя, распространяется быстро. Страсти разжигались трепотней о **возможном** отсутствии хлеба. В городе было много призывников, ждущих отправки на фронт. Один из них убил офицера и вывел солдат на улицу: «Долой самодержавие!»

На весну 1917 г. Государь готовил решительное наступление на Берлин. Прежние трудности были улажены. Боеприпасов было изготовлено столько, что их потом хватило на всю войну с белыми. Но масонская оппозиция боялась победы, потому что победа укрепит Русское государство и самодержавие. Значит, им надо было сорвать наступление на германском фронте и свергнуть Царя. И вот в разгар беспорядков (Царь уже направил корпус на подавление смуты) 2 марта 1917 г. генералы-предатели, изменившие присяге, Алексеев, Рузский, Лукомский, Эверт, Брусилов, великий князь Николай Николаевич учинили государственный переворот. Они свергли Царя вместо того, чтобы сплотиться вокруг него и одолеть смуту. Даже февралист и масон Бубликов признавался, что на подавление «революции» хватило бы одной дисциплинированной дивизии с фронта. При этом сразу после ареста Царя заговорщики преступно-поспешно уничтожили русскую Армию предательским «Приказом №1». Вся власть в армии передавалась неким «солдатским комитетам», которым должны были подчиняться офицеры и генералы, а военная дисциплина аннулировалась. Ни одна революция до такого идиотизма не доходила. Великую могучую держа-

ву, крепко стоявшую на ногах, несмотря на тяжелейшую войну, Алексеев, Рузский и их сообщники развалили на радость мировой закулисе. И хотя бы эти изменники взяли власть себе и навели порядок. Так нет, они «передали» власть безумной Государственной Думе, 20-ти ораторам, которые никогда ничем не руководили, и эти ораторы — Временное правительство — через 8 месяцев почти без единого выстрела вручили власть большевикам и эсерам. «Штурм Зимнего» был фантазией Эйзенштейна.

В Первой мировой войне Россия потеряла один миллион солдат и офицеров. В Гражданской войне 1918—1922 гг. погибло по разным оценкам от 12 до 18 миллионов человек. Как известно, Ленин из Цюриха постоянно взывал превратить империалистическую войну в гражданскую. И уж где-то потом, после всех бедствий «пролетарской революции» на рубеже 1928—1929 гг. появился режим личной власти Сталина. Конечно, на нем лежит вина за коллективизацию, раскулачивание и «безбожные пятилетки». Но у него были и плюсы: укрепление семьи, которую разваливал Октябрь, борьба с мужеложеством, абортными, укрепление государства и восстановление обороноспособности. И, конечно, титаническая деятельность по защите страны от нашествия коричневой Германии и ее союзников (Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии, Норвегии и т.д.).

Так что за ужасы блокадного Ленинграда, за почти 30 миллионов погибших в войне с Гитлером виновны в первую очередь генералы-изменники во главе с Алексеевым и Рузским, свергнувшие Царя 2 марта 1917 года и швырнувшие Россию в пропасть.

Василий СМЕРНОВ,
кандидат философских наук

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПЛОДЫ

Недавно прошла такая новость: по прогнозам ООН, к 2070 году население России должно сократиться до 100 млн. Боюсь, что произойдет это гораздо раньше. А теперь вопрос: как вы думаете, есть ли в России города, где можно купить

квартиру на две месячные зарплаты среднестатистического россиянина? Как бы фантастически это ни звучало, такие города есть — в Воркуте можно купить 1-комнатную квартиру за 50 000 рублей. Почему так дешево? Всё просто — город потерял около 60% населения, и спрос на недвижимость упал до нулевой отметки. И самое печальное, что подобное может вскоре произойти и с другими нашими городами... (Примечательно, что главный герой самого жуткого и во многом пророческого советского фильма «Город Зеро» в начальной сцене высаживался из поезда, следовавшего на Воркуту, что видно на маршрутной доске поезда.)

В лучшее время в Воркуте и окрестностях действовало 13 шахт, вокруг города вырос целый куст посёлков-спутников, сложившихся в т.н. «Воркутинское кольцо»... Город процветал. Он был богатым, быстроразвивающимся и перспективным. В Воркуте было огромное количество всяких домов спорта, бассейнов, ДК, досуговых центров и прочего. До начала 90-х шахтеры там хорошо зарабатывали с учетом северного коэффициента. Стоит ли говорить, что в 1990-е годы этот край постигла настоящая катастрофа. Сейчас в Воркуте осталось только четыре шахты из тринадцати. Сокращение добычи угля привело город в упадок и обернулось огромным оттоком населения. Оставшиеся люди, которые ковали производственную основу страны, оказались в нищете.

Северян кинули, много посёлков на «Воркутинском кольце» стоят полностью мёртвые, являя собой города-призраки посередине голой тундры.

Пейзажи многих из них напоминают чистый постапокалипсис: коробки многоэтажек, зияющие темными провалами окон, пустые, совершенно безлюдные улицы, развалившиеся, словно бы разбомбленные промышленные объекты... Примерно так, наверное, выглядит ядерная зима. Вид у этих посёлков просто жуткий, и людям со слабой психикой я бы не рекомендовал не то что туда ехать, а даже смотреть фотографии из этих мест. Заброшенные дома в тундре — это отличное место для съёмок фильмов с сюжетами типа «Мир после атомной войны». Никаких декораций и спецэффектов не нужно, всё и так есть. Именно в таких, далёких от ЦФО местах сильнее всего чувствуются раны, нанесённые распадом СССР. Только тут можно ощутить, как каток под названием «экономическая эффективность» безжалостно прошёлся по домам, шахтам, предприятиям и судьбам людей, круша всё на своём пути. Наиболее тяжело переживали времена «свободного рынка» («когда в магазинах есть колбаса») отрезанные от остальной территории страны заполярные посёлки:

попробуйте представить, что ваш населённый пункт связан с большой землёй только по воздуху или морю, и вдруг там закрываются все предприятия, происходят перебои с заготовкой продуктов и с отоплением.

В посёлках действует негласное правило — если дом опустел более чем наполовину, жильцов переселяют в другой (то есть в покинутые ранее кем-то квартиры), а здание отключают от коммуникаций. Воргашор — это самый крупный посёлок на «кольце». Сейчас в нём живёт менее 10 тысяч человек, а в советские времена было 25 тысяч. В Воргашоре даже есть свой Ленин. И он озадаченно смотрит с заросшей травой площади на так и не достроенный детский сад в виде замка, который был законсервирован в начале 90-х... Т.е. на так и не построенный коммунизм...

Такой огромный отток населения характерен для всей Воркуты. Отдельно стоит сказать о посёлке-призраке Хальмер-Ю, который располагался очень обособленно от остальных воркутинских посёлков — в 60 километрах севернее и сообщался с городом пассажирским поездом, который отправлялся со специально для него построенного вокзала. Название Хальмер-Ю в переводе с ненецкого переводится как «Река мёртвых».

Именно Хальмер-Ю пал жертвой реформ первым — в 1994 году в посёлке закрылась шахта, а в октябре 1995 отсюда ушёл поезд с последними жителями. Некоторых из жителей ОМОН выселял практически насильно, потому что люди не хотели покидать родные места — в начале 1990-х ещё не все понимали, что рынок не временно, а навсегда, и их город должен умереть потому, что не вписался в этот самый рынок...

В самой Воркуте пустует примерно треть жилищного фонда. Город за последние 20 лет потерял больше половины населения. Квартиру продать невозможно, никто не покупает. Жилфонд не обновлялся с начала девяностых. Работы практически нет: 10% населения заняты на угле, остальные торговцы. Вот и все рабочие места в городе.

По мнению либералов, тех, что у власти, вся Россия — сплошной депрессивный регион, исключая Москву. И говорят они про это открыто. Короче, как говорила Тэтчер, в России должно проживать не более 15 миллионов человек, все остальные — ненужный балласт. Всё к этому и идёт потихоньку. В центральной полосе целые города и посёлки умирают. А деревни уже практически умерли.

Глава Счетной палаты Алексей Кудрин назвал позором бедность в России. Об этом он заявил в программе «Познер» на Первом канале.

Но разве не Кудрин с 2000 по 2011 гг. был министром финансов РФ? Разве не Кудрин построил такую экономическую систему, которая уже много лет высасывает деньги из России (фактически обескровливая отечественную промышленность и бизнес) и перекачивает их на Запад через механизм т.н. «стабилизационных» фондов? При наших дырах в экономике российское правительство уже много лет покупает американские ценные бумаги, тем самым, кредитует американскую экономику и их военные расходы... Разве не Кудрин был автором т.н. плоской системы налогообложения, которая работает в интересах богатей и олигархов (во всех развитых странах давно применяется прогрессивная система налогообложения, когда богатые несут бóльшую налоговую нагрузку, чем бедные и средний класс)? Короче говоря, Кудрин всегда был идеологом либерального курса и либерального клана в российской экономике. А этот курс встраивает российскую экономику в глобальную на правах сырьевого придатка, создаёт в нашей стране комфортные условия прежде всего для мировых транснациональных корпораций и спекулятивного капитала и угнетающе действует на российских несырьевых производителей.

Не поэтому ли наша властная элита так ненавидит Сталина? При Иосифе Виссарионовиче несущий прямую ответственность за ситуацию в экономике Алексей Леонидович точно не смог бы учить нас жизни с экрана телевизора, досадуя, что в России есть бедность, к формированию которой он, как ни крути, имеет самое прямое отношение.

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА

ОПАСНАЯ ИГРА

Нынешняя встреча президента Владимира Путина и папы римского Франциска фактически является продолжением или обеспечением преемства курса, который был начат ещё при Горбачёве. Это очень опасная игра. Курс этот заключался в идейно-политическом сближении и даже возможном союзе с Ватиканом. Горбачёв и те, кто за ним стоял, рассматривали такой союз как гарантию вхождения в глобальный ис-

теблишмент. Папа Иоанн Павел II сыграл очень важную роль в развале социалистического блока, будучи одним из идейных вдохновителей этого разгрома. Ватикан обеспечивал религиозное оформление нового мирового порядка.

Ватикан всегда жаждал не просто проникнуть в Россию, но и поставить под контроль Русскую Православную Церковь. И когда руководство Советского Союза пошло на мощное политическое сближение с США и Западной Европой, это необходимо было с нашей стороны чем-то оплатить. Церковная политика стала воспроизводить подход хрущёвского руководства, которое рассматривало РПЦ как инструмент для выстраивания новых отношений с Западом. Главным тут стало требование экуменического диалога, который превратился в часть внешнеполитической стратегии. Но если при Хрущёве, в разгар гонений на верующих, проэкуменический курс навязывался церковным руководством как условие выживания Церкви, то горбачёвская команда использовала более изощрённые методы. Речь шла уже о покровительстве Церкви со стороны государства. Но ценой этого должна была стать открытость к межрелигиозному диалогу, который бы соответствовал «новому политическому мышлению» перестройщиков и их устремлённости на Запад. Церковь для них являлась идеологическим щитом власти, который должен укрепить их авторитет как внутри страны, так и на международной арене. Однако эти планы не имели бы успеха, если бы внутри Московской патриархии не существовала хорошо организованная партия реформаторов, которая и стала надёжным союзником власти. Поэтому когда в 1990 году были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Ватиканом, тогда же и был принят закон о свободе совести. С этого всё и началось. И углубление политического диалога постоянно отражается в усилении экуменической линии Патриархии.

Первая задача, которую ставила перед собой римско-католическая церковь — встреча папы с Патриархом Московским и всея Руси. Она была достигнута в Гаване в феврале 2016 года. Вторая — приезд папы римского в Россию. Гаванская встреча означала фактическое признание католической церкви церковью-сестрой. А приезд к нам папы римского будет означать ещё более глубокое проникновение католицизма как системы мировоззрения, да и системы политического управления, на территорию России и в социальную ткань нашего общества.

Как только речь зашла о встрече Путина и Франциска, большинство аналитиков сделало предположение, что на ней

будет обсуждаться проблема приезда папы римского в Россию. Да, пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заявил, что «пока такой вопрос не стоит». Но буквально накануне гаванской встречи митрополит Илларион заверял всех, что она не состоится, пока не будет подготовлено общественное мнение. Однако о встрече объявили внезапно, даже не подготовив общественного мнения. И сегодня нас опять уверяют, что никакого приезда папы римского не будет. Исходя из прошлого опыта, приходится делать вывод, что подготовка идёт закулисно и очень интенсивно. И визит может произойти в любой момент.

Другая наша проблема в том, что многие у нас мыслят исключительно политическими категориями. Та же гаванская встреча обосновывалась необходимостью совместной борьбы за права христиан Сирии. Но о том, что есть ещё духовная сфера — как-то «забыли». Между тем, если мы не видим духовных законов, это не значит, что они не действуют. Один из моих студентов очень хорошо сравнил политику Ватикана с цунами. Мы не видим, как зарождается цунами, мы видим уже его последствия. Гаванская встреча имела очень серьёзные последствия, потому что ударила по духовному суверенитету. Так, наша богословская сфера всё интенсивнее переходит под контроль католицизма. Даже тот факт, что богословие ныне объявлено теологией — показатель интенсивной католической экспансии. И обратите внимание, именно после голландской встречи началась дикая оцифровка, переход к цифровой экономике, и беспощадная ломка социального государства. Почему-то связи между этим наши аналитики не установили.

Визит понтифика в Россию приведёт к катастрофическим духовным последствиям. А вслед за духовными — будут и социально-политические.

Не будем забывать, что Ватикан сыграл одну из важнейших ролей в украинском майдане. Сейчас реализуется хорошо профинансированная социальная программа «Папа для Украины», благодаря которой римско-католическая церковь усиливает там своё влияние. Это лишнее свидетельство, что Ватикан использует любую возможность для проникновения на территории, которые канонически к нему никогда не относились.

Из общения Владимира Путина и Франциска стало известно, что в папской библиотеке есть произведения Льва Толстого и Фёдора Достоевского. Но никто иной, как Достоевский дал самый чёткий, самый точный анализ папизма. Он показал, что папа римский подменяет собой Христа, совер-

шая самый страшный переворот в христианском мировоззрении. Получается, что папа либо не читал на самом деле великого русского писателя, либо таким образом просто продемонстрировал свою «любовь» к России. Или же он очень хорошо изучил Достоевского для того, чтобы научиться микрировать, понять все те слабости, которые имеются в католицизме и не дают ему установить контроль над православным миром.

Папа Франциск — иезуит. Если задача православия — сделать всё для того, чтобы в постоянно меняющемся мире сохранить веру в неизменности, то у иезуитов задача обратная: приспособить веру к миру. Православие — это дух истины, а иезуитизм — это дух времени. Они приспособляются к духу времени. И делают это очень гибкими методами. Когда был создан орден, им изначально запретили участвовать в инквизиции. Это должно было обеспечить иезуитам «белый и пушистый» образ. Они и работают в первую очередь с сознанием — ставят под контроль и управляют. Никакого насилия, никакой озлобленности, никакой жёсткой позиции. Только — разложение, разложение и ещё раз разложение. А это главный метод современного мира, основанного на лжи и обмане. Всюду — в политике, религии, культуре — на Западе процветает оборотничество.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2019 год
(Июнь)

Кремлёвские должностные превратили Россию в мошенническую страну. Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. «Либерализм» и «толерантность» стали благодатной почвой для взращивания аферистов, жуликов, воров и проходимцев всех мастей и оттенков. И наказания для них — самые гуманные, в основном административные. Они это знают и потому ничего не боятся и плодятся, как крапива под любым забором. С каждым годом их становится всё больше и больше. А какое мошенническое раздолье кавказско-азиатским мигрантам! Для них Россия — просто рай земной. И в этом году Путин подписал очередное для них судебное послабление. Накроет полиция одну из мошеннических «фирм», но в тот же день в стране возникнут сотни других, точно таких же. И, как видно, в Кремле по этому поводу особенно не заморачиваются. А чего заморачиваться, когда кремлёвско-белодомовским акционером «Газпрома» и «Роснефти» стабильно падают дивиденды на личные счета? Зачем что-то менять в этой жизни и в

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

этой системе? Всё хорошо, прекрасная маркиза! Жизнь удалась! И все российские мошенники такого же мнения о жизни.

Вот по этой причине, господа кремляне, Сталин в России — самая востребованная историческая фигура.

* * *

Наверное, наиболее яркая особенность нашей действительности состоит в том, что российские аферисты и жулики, ставшие уже махровыми уголовниками, сплошь и рядом прорываются во власть. Так, в начале июня в Москве был арестован министр лесного комплекса Иркутской области Сергей Шеверда при его попытке сбежать за границу. А перед этим арестом были задержаны и его подельники по баснословной вырубке иркутской тайги якобы в качестве сухостоя. Для чего и устраивались на протяжении нескольких последних лет бесчисленные пожары в Прибайкалье. И только лишь когда население Иркутской области напрямую обратилось с петицией к президенту, а журналисты задали этот вопрос на одной из его пресс-конференций, наконец Шеверда и его сообщники были арестованы. А что, до этого никто в Кремле и в Доме правительства не ведал о творящемся в Прибайкалье беспределе местных властей?

1 июня в телепрограмме Андрея Караулова «Момент истины» глава Счетной палаты Красноярского края Татьяна Давыденко рассказала на всю страну о жуткой экономической диверсии, происходящей в Сибири. Она сообщила, что из Красноярского края только за прошлый год было вывезено за границу леса на 47 млрд. рублей, из которых на 30 млрд. рублей — в Китай. И при этом теневая экономика Красноярского края, по ее словам, составляет 30%. То есть, повторяем, 30% экономики огромного российского края находится в тени и не только не облагается налогами, но и неизвестно куда и кому уходит. И что, в Кремле тоже об этом не догадывались?..

А. Караулов спросил Татьяну Давыденко: «Вы не боитесь озвучивать эти факты?». «Боюсь» — ответила она. «Вам угрожали?» — «Да, угрожали», — сказала она, не скрывая слез, текущих по щекам.

Здесь, конечно же, будет уместен банальный вопрос: отчего происходит такое в нашей стране? Причем, подобный воровской беспредел происходит практически **повсеместно** в России. И ответ будет такой же банальный и простой, как и вопрос: оттого что они, мошенники, аферисты и воры, пролезшие во власть, не боятся расплаты. Никакие тюремные сроки их не пугают, т.к. при наличии огромных наворован-

ных капиталов они надеются или откупиться, или устроить себе комфортное пребывание в зоне, или сладкую жизнь после отсидки. Остановить большинство из них и заставить испугаться расплаты может **только одно**: смертная казнь.

Вот по этой причине, господа кремляне и дорогие наши правоохранительные органы, Сталин в России — самая востребованная историческая фигура.

* * *

Центральная пресса открыто пишет, что ежегодно только увеличивается отток валютных капиталов из страны, а наши придворные экономические «аналитики» на голубом глазу удивляются и не могут взять в толк: почему это у нас в стране ВВП на душу населения который год не поднимается и топчется на месте...

* * *

2 июня укронацисты в Харькове разрушили памятник Георгию Жукову. Можно не сомневаться, что ни Путин, ни Медведев не проронят по этому поводу ни слова.

* * *

Каждодневное следствие миграционной политики Кремля.

1 июня в подмосковном Красногорске группа мигрантов, прибывших из Армении, устроила вечером возле бара драку, в которой был избит и получил ножевое ранение местный житель. Оказавшийся свидетелем этой драки бывший спецназовец ГРУ 24-летний Никита Белянкин вступился за раненого молодого человека, но получил от одного из нападавших смертельное ножевое ранение в грудь. Нож вошел точно в сердце. Никита умер до прибытия «скорой» на руках своей невесты. Убийца в ту же ночь вылетел на самолете в Ереван. Н.Белянкин воевал в Сирии. У всех внешних и внутренних игиловцев в этот день был праздник.

Поздним вечером 8 июня на Южнобутовской улице Москвы 34-летний мастер спорта по греко-римской борьбе Сергей Чуев вступился за русскую женщину, на которую набросилась стая мигрантов, прибывших в Москву из Таджикистана. Мигранты на глазах у спортсмена стали срывать с нее одежду. Как потом выяснилось, женщина была беременна. Сергей Чуев попытался отбить ее у дикарей «неизвестной» национальности, но был жестоко избит стаей нелюдей и сброшен в пруд. Из-за полученных травм самостоятельно он не смог выбраться из воды и погиб.

То, что убийцы арестованы (кроме сбежавшего в Армению), никого из нормальных людей не может успокоить, т.к. миграционная политика Кремля — не что иное, как поощрение и провоцирование новых подобных расправ над русским населением распоясавшимися и не знающими страха инородными бандами, прибывающими в Россию и в столицу нескончаемым каждодневным потоком. И подобные трагические происшествия, связанные с мигрантским беспределом, происходят в стране без преувеличения — **ежедневно**. Просто узнаём мы о самых резонансных.

Министерство труда подготовило проект соглашения о выплате пенсии мигрантам, работающим в России и достигшим пенсионного возраста. Осенью это соглашение должно быть отправлено на подпись президенту. После чего, естественно, поток мигрантов в Россию существенно увеличится. Российским же работающим пенсионерам, как известно, в индексации пенсий отказано.

Выводы пусть каждый делает самостоятельно.

* * *

Нестареющий премьер Медведев обрадовал россиян скорой четырехдневной рабочей неделей. Всё правильно. Можно сделать и двухдневную и даже однодневную рабочую неделю. И платить россиянам зарплату за четыре дня в месяц. Ведь наш премьер с президентом планируют завезти сюда еще 10 млн. мигрантов, в основном азиатских. А мигранты работают без выходных.

Похоже, Медведеву не дает покоя слава гоголевского Манилова, уже почти двести лет мечтающего построить каменный мост через пруд...

* * *

Ясно, как божий день, что т.н. «дело» «медузного журналиста» И. Голунова — подготовленная заранее дешёвая провокация западных спецслужб. Провокация, на которую легко купились и повелись абсолютно все — от работников МВД до центральных телеканалов и «возмущенных» телезрителей. Точно так же в свое время с помощью немецкого спортивного самолета, севшего на Красной площади и управляемого неким авантюристом Рустом, Горбачев отправил в отставку министра обороны Соколова. И вот теперь «медузный журналист» Голунов сыграл роль того же Руста, только, конечно, менее значимого для страны. Но генеральские головы еще до всякого расследования полетели точно так же. И Запад точно так же над нами хохочет.

А провокацию состряпали элементарно просто. В МВД было известно, что Голунов частенько выезжает за границу, чаще всего — в Латвию, где находится редакция русофобского интернет-издания «Медуза», к созданию которого в свое время приложил руку криминальный олигарх М.Ходорковский. Продажный И.Голунов просто-напросто делал бабки в этом антироссийском и русофобском СМИ. Но жил он в Москве. Вот его и решили использовать как дешевую подставу для дискредитации правоохранительной системы России с расчетом на будущий московский майдан. Естественно, с согласия этого продажного прощелыги. Во время очередного посещения Латвии в рюкзачок ему положили несколько пакетиков с наркотой, к которым он, само собой, сам не прикасался. А в МВД был сделан анонимный звонок: мол, проследите за этим парнем, он перевозит наркотики... Ну, за ним и проследили, и взяли с поличным, обнаружив в рюкзачке те самые пакетики...

Так что никто ему здесь, в Москве, ничего не подбрасывал. А после того, как он был арестован, включились в дело наши родимые «либеральные» СМИ и родимое центральное телевидение, в том числе и вездесущий «патриот» Д.Киселев. Тут же и наша родимая театральная публика подключилась во главе с вездесущим борцом за справедливость и правду — незаменимым актером Хабенским. И пошло-поехало! И как тут было обойтись без нашей родимой неувядаемой госпожи Матвиенко?! *«В крови Голунова наркотиков не обнаружено!»* — завопили все, кому не лень. — *«Следов его рук на подозрительных пакетах тоже нет!»* Этого было достаточно, чтобы обвинить всю правоохранительную систему РФ в «грязной работе», «подтасовке дел», в «нечистоплотности» и т.д., и т.п.

Я не склонен выгораживать наших полицейских, которые действительно нередко работают грубо и топорно. А чаще всего — вообще не реагируют ни на какие жалобы. Однако в данном случае они стали жертвами спланированной, дешёвой провокации, в результате которой не только была запятнана честь мундира руководства МВД, но и лишились своих должностей его крупные начальники. Аналогия с провокатором Рустом — здесь налицо.

При обыске квартиры Голунова там тоже были обнаружены пакеты с наркотой. Это говорит лишь о том, что данная провокация готовилась давно и что наркоту Голунов привозил в Москву не единственный раз. За ним, по всей вероятности, давно следили наши органы и до поры до времени не брали. А наркотики ему надо было куда-то девать. Вот он и прятал их у себя дома.

В конце концов провокация сработала. Резонанс у ее организаторов получился громкий. И власть явно струхнула. Мелкий и дешёвый шелкопёр Голунов, как и задумывалось, стал «жертвой сапранов в полицейских погонах», что с огромной радостью и подхватили все европейские, «медузные» и наши родимые русофобы.

В конце осталось только добавить, что в эту версию имеют право не верить все те, кто с искренним возмущением кинулся защищать Голунова...

P.S. Эту провокацию либералы готовили именно к «Дню независимости», и несмотря на то, что Голунов был выпущен из-под стражи за день до этой даты, майдан в Москве 12 июня они всё равно устроили. Не отменять же запланированные заранее репортажи на весь мир о жестокости полицейского режима РФ. И не всё же «жёлтые жилеты» показывать из Парижа... Недаром ведь на майке «медузного» Вани, когда его задержали, был логотип во всю грудь: «Редакция требует крови»...

* * *

В ходе «Прямой линии» в июне этого года президент России В.В. Путин несколько странно и не совсем логично отреагировал на один из «острых» вопросов, выведенных на экран. Вопрос этот звучал так: «Куда нас ведет эта банда патриотов из «Единой России»?»

Ответ Путина невольно вызвал немало других логичных вопросов: «Я не буду называть бандой тех людей, которые были у руля в 90-х годах, но хочу отметить, что за это время у нас полностью развалилась социальная сфера, промышленность, оборонка — мы утратили оборонку, мы практически развалили Вооруженные Силы, довели страну до гражданской войны, до кровопролития на Кавказе и поставили страну на грань утраты суверенитета и развала — надо прямо об этом сказать... Поэтому, конечно, далеко не все люди, которые работали в 90-е годы, несут за это ответственность, но наверняка, если ведь это произошло, есть и такие, которые должны нести за это ответственность».

Должны-то должны. Но отчего же, хотелось бы спросить Владимира Владимировича, один из тех, кто был «у руля в 90-х годах», неприкасаемый гр-н Чубайс, вот уже столько лет возглавляет одну за другой государственные корпорации и не понес никакой ответственности за развал страны?

Вся страна, Владимир Владимирович, повторяю, ВСЯ страна ждет суда над А.Чубайсом.

Окружил себя либеральным правительством и сказал: «Либерализм себя исчерпал». Но либеральных министров не тронул. И застенчиво заулыбался...

Украина просто-напросто уже всем осточертела с её бесчисленной аравой истеричных и наглых дебилов, орущих в Верховной раде, на площадях, по киевскому и российскому ТВ и даже в ПАСЕ. Осточертела она и России, и Европе, и Америке. Ну, может, за исключением Грузии, Прибалтики и Канады. Уже даже В.Соловьёв открыто, в эфире называет этих тупо орущих и не дающих никому говорить охамевших отморожков — свихнувшимися на нацизме дегенератами, недоумками и ублюдками. И даже те, кто наивно питал какие-то иллюзии по отношению к «украинским братьям», теперь, насмотревшись на исходящую из ящика истерическую, развязную и злобную «хохлятско-укропскую ментальность» в основном от этих иллюзий избавился. Вот только никак не избавится от демонстрации этой «ментальности» не менее подловатое российское зомбо-телевидение.

«Русские оккупировали Грузию!» — завопил кумир советского кино Кикабидзе. Безмозглому русофобу надо напомнить: 30 лет во главе советского государства находился грузин. И его правой рукой тоже был грузин — Л.П. Берия.

За дружбу с Китаем кремлёвские «стратеги» подарили Китаю сибирскую тайгу. Каждую весну тайга начинает гореть, в результате чего вырубленная древесина для Китая удешивается в разы, а ее вырубка убыстряется десятикратно. В свою очередь сама эта интенсивная вырубка вековых деревьев в пойме сибирских рек стала одной из причин баснословных наводнений в Забайкалье и в Иркутской области.

В ответ на наш сибирский подарок Китай в качестве ответного благодарного жеста привез в Московский зоопарк двух панд. Москвичи с радостью наблюдают, как медведипанды уплетают молодой бамбук, специально для них доставляемый из Китая (за наши, естественно, деньги). Особное удовольствие от лицезрения панд получают дети...

Тут волей-неволей вспоминаются американские индейцы, у которых испано-английские конкистадоры выменивали золотые изделия за стеклянные бусы...

Дорогие читатели «Молодой гвардии», у вас есть возможность получить в подарок Собрание сочинений в 6 томах главного редактора журнала Валерия Хатюшина. Для этого необходимо приехать в редакцию или оплатить почтовую доставку в сумме 600 руб. Деньги нужно перевести на банковскую карту Сбербанка № 2202 2005 6546 0175, указав в сопроводительном письме свой полный почтовый адрес.

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2020 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Вышла в свет новая книга Валерия Хатюшина «**Вино и хлеб. Духовная лирика**». Книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия» и в книжном киоске Союза писателей России (Комсомольский пр-т, 13).

Цена почтовой доставки заказной бандеролью 300 руб. Номер карты Сбербанка: 2202 2005 6546 0175.

Свой почтовый адрес можете сообщить по телефону: 8 916 718 25 52 или по эл. почте: mg0002015@yandex.ru